

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

nas diva

ПОД ЕГО ВЛАСТЬЮ

nas diva

Под его властью

«Автор»

2026

diva n.

Под его властью / n. diva — «Автор», 2026

Её отец — глава русской мафии. Он растил дочь не как человека, а как оружие. Девятнадцать лет тренировок, боли и унижений — и вот он решает выдать её замуж за садиста, который сломает её окончательно. Она сбегает. Меняет имя, страну, жизнь. Вместе с лучшей подругой она прячется в Милане, работает танцовщицей и надеется, что прошлое никогда её не найдёт. Но в ту ночь, когда ей исполняется двадцать один, в клуб приходит он. Алессандро де Лука — дон итальянской мафии. Холодный, опасный, привыкший брать то, что хочет. Он замечает её и решает, что она станет его. Не спрашивая разрешения. Она не боится его пуль и взгляда. Мечь. Страсть. Война между кланами. И тайна, которая может разрушить всё. Тёмный мафиозный роман.

© diva n., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Бонус 1. Камилла и Лоренцо.	31
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	49
Глава 10	55
Глава 11	61
Глава 12	67
Глава 13	72
Глава 14	77
Бонус 2. Камилла и Лоренцо.	84
Глава 15	87
Глава 16	93
Глава 17	98
Бонус 3. Камилла и Лоренцо.	103
Глава 18	105
Глава 19	111
Глава 20	119
Бонус 4. Камилла и Лоренцо.	126
Глава 21	130
Глава 22	135
Глава 23	140
Глава 24	145
Глава 25	152
Глава 26	158
Глава 27	167
Глава 28	173
Конец ознакомительного фрагмента.	180

nas diva

Под его властью

Глава 1

Посвящается:

"Каждой девушке, которая когда-то была сломлена, но нашла в себе силы собрать осколки и превратить их в оружие.

Ты - женщина, перед которой склониться даже дьявол."

Милена.

За пару часов до..

Ключ повернулся в замке с тихим щелчком. В квартире пахло чем-то знакомым — смесью духов, кофе и немного... безопасностью. Я снимала скромные апартаменты со своей лучшей подругой уже два года. Боже... с того ужасного момента прошло целых два года — как мы бежали, как пытались забыться и начать жить нормальной жизнью. Но, к сожалению для нас, это невозможно. Прошлое не отпускает. Оно не уходит, всегда рядом — дышит в спину, ждёт момента, чтобы напомнить о себе.

Мой отец — свирепый пахан Братвы — хотел выдать меня замуж за какого-то отморозка. Он ненавидел меня, просто за то, что я существую. С ранних лет он не растил дочь, а создавал оружие, тренировал, пытал, ломал, чтобы я стала смертельно эффективной. Не человеком — инструментом. Я до сих пор помню холод металла в руках и его голос за спиной: — Ещё раз. Пока не получится идеально.

И я стала самой лучшей русской наёмницей. Он отправлял меня на разные задания, с которых я могла просто не вернуться, но ему было плевать — важен только результат.

На одном из заданий я встретила её — **Камиллу**. Мы с ней были похожи. Не внешне — глубже. В её глазах я увидела то, что видела в зеркале каждый божий день — боль. Она была гением IT — умной, быстрой, незаменимой. И тогда я предложила ей работать вместе в тайне от моего отца, потому что уже тогда у меня зарождалась мысль о побеге, свободе. О жизни, в которой я не должна убивать, чтобы выжить.

Мы работали слаженно: она была моими ушами и глазами, а я — силой.

Она была не просто подругой. Она была единственным человеком, который знал, на что я способна...и всё равно осталась рядом.

Я до сих пор помню тот самый день — день моего рождения. Мне тогда исполнилось девятнадцать. Отец вызвал меня к себе в офис. Он сидел за своим огромным дубовым столом и спокойно просматривал документы, будто ничего не происходит. Будто не собирается разрушить остатки моей жизни. Я аккуратно присела напротив него, тихо, осторожно, как всегда и тогда он вынес мой приговор — свадьба через два месяца.

Мир не рухнул сразу. Он сначала треснул, а потом — рассыпался. Я делала всё, что он велел, не перечила, не смотрела в глаза и блестяще выполняла его приказы. Я правда думала, что если буду достаточно полезной, он хотя бы перестанет меня ненавидеть. Но этого оказалось недостаточно, я всегда была для него лишь ошибкой.

Не помню, как дошла до своей комнаты, помню только, как дрожащими руками достала запасной телефон — тот самый, о котором знали только я и Камилла. Позвонила и всё рассказала ей. И в тот момент мы обе поняли: *либо сбежим сейчас — либо уже никогда*.

Теперь мы живём в Милане. В скромном, тихом районе, где никто не задаёт лишних вопросов. И сегодня мне двадцать один год.

Мы устроились на работу к одному моему русскому приятелю, который держит клуб в центре. Он помог нам исчезнуть — сделал новые документы, закрыл следы, дал возможность начать сначала. Хотя «сначала» — громкое слово. Скорее... с нуля.

Работаем мы танцовщицами, но не продаёмся за деньги, хотя предложений было много. Я танцую, чтобы забыть, заглушить воспоминания, утопить в музыке кровь, крики, выстрелы. Камилла... она другая. Она действительно получает удовольствие. Живёт этим. И вместе мы — идеальный дуэт, опасный, притягательный, чертовски сексуальный.

И вдруг из моих мыслей меня вывела подруга, крича:

— Где же наша именинница?! Давай быстрее! Нам надо на работу, хотя бы свечи задуть успеем на твоём тортике и по бокальчику, конечно!

Я невольно улыбнулась и ответила:

— Здесь я, здесь. Ходила за продуктами, а то в холодильнике пусто, как в склепе.

Она вылетела из своей комнаты с тортом и бутылкой шампанского, сияя, как будто сегодня праздник у неё.

— Ну-ка, загадывай желание! Если загадаешь нам миллион долларов — я не против. А если серьёзно... Милен, с твоим днём! Желаю тебе отпустить прошлое и наслаждаться настоящим. Люблю тебя! — сказала она и поцеловала меня в щёку.

— Спасибо, Ками... я стараюсь.

Закрыв глаза, мысленно впервые за долгое время позволила себе попросить не силу, а покой. Жизнь без крови, убийств, страха.

И, может быть... без пистолета «Макарова» под подушкой. Привычка проверять, на месте ли он, осталась. Даже здесь. Даже спустя два года.

Я задула свечи.

— УРААА! С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ, ДЕТКА!!! — закричала Камилла, открывая шампанское с громким хлопком.

И в этот момент...я была счастлива. По-настоящему.

Но счастье никогда не длится долго. Я взглянула на часы.

— Чёрт. Мы опаздываем.

Быстро откусила кусок торта, сделала глоток шампанского прямо из горла и побежала собираться.

Подруга тут же влетела в мою комнату следом за мной, включила музыку на колонке и начала краситься, подпевая песне. Мы смеялись, дурачились. На секунду казалось, что всё нормально, что мы обычные девушки.

Когда закончили макияж и укладку, я надела чёрные джинсы, бордовый свитер, спадающий с плеча, и свои любимые кеды.

Мы вышли из дома и поехали на метро в клуб, где нас ждала целая ночь танцев, похотливых взглядов мужчин и запах алкоголя, перемешанный с табаком.

Я ещё не знала...что именно этой ночью я снова стану тем, кем так отчаянно пыталась не быть.

Алессандро .

Город лежал у его ног.

Огни ночного Милана растекались под окнами, как золото — холодное, бездушное. Машины двигались ровными потоками, люди спешили по своим делам, не подозревая, кому на самом деле принадлежит этот город... и они сами.

Алессандро де Лука стоял у панорамного окна своего офиса, заложив руки за спину. Он не любовался, а наблюдал за каждой зоной своего влияния. Уже прошло два года с тех пор, как он стал доном главной итальянской мафии — «Cosa Nostra». Он должен был принять этот титул после того, как его отец уйдёт на покой, но жизнь распорядилась иначе. Это была не схватка, это была бойня. Пахан из России не доверял прошлому Дону и приказал сравнять с землёй весь его род, что они и сделали, почти. В тот день в их семейном особняке были убиты его отец, мать и младшая сестра. Он не успел их спасти и винил себя за это. Он старший, он должен был, но не смог. После этого он занял место дона, собрал своих братьев, которые разъехались по миру и стал строить новую империю — на крови и костях. Конечно же, братья остались с ним, они должны были отомстить за свою семью. Они были его верными капо — **Марко де Лука** и **Винченцо де Лука**. Марко не входил в комнату — он врвался в неё, принося с собой запах дорогого табака и грядущих неприятностей. В его глазах вечно горел азарт игрока, который ставил на кон чужие жизни и ни капли об этом не жалел. Если Алессандро был разумом семьи, то Марко был её острыми клыками. Его планы захвата территорий напоминали партию в шахматы, где он вдруг решал перевернуть доску и ударить ею противника по голове — грубо, эффективно и абсолютно непредсказуемо. Винченцо называли «Мясником» не за жестокость, а за равнодушие. Он мог ломать кости под аккомпанемент классической музыки, не сбив дыхания и не моргнув. В его мире не существовало сострадания или сомнений — только приказ брата и цель. Когда Винченцо доставал свое оружие, в комнате становилось холоднее на несколько градусов. Его молчание давило сильнее, чем крики других, а в его глазах отражалась лишь пустота, в которой тонули все мольбы о пощаде. Если братья были бурей, то консьюеры — **Лоренцо Бьянки** (друг Алессандро с детства) был штилем. Он редко касался оружия — его главным калибром был интеллект. Спокойный, почти прозрачный взгляд, безупречно выглаженные манжеты и ум, способный превратить любую катастрофу в триумф. Пока Марко лез в драку, а Винченцо убирал тела, Лоренцо уже вытирал следы и переписывал историю так, как было выгодно *Семье*. Он был тем самым стратегом, который знал слабые места врагов еще до того, как они сами их осознавали. У них была власть и ...

Власть — это не деньги и не страх.

Власть — это контроль и они контролировали всё.

Или почти всё....

— Они снова перешли границу — голос Марко разрезал тишину.

Алессандро не обернулся.

— Где?

— Порт. Наши люди перехватили груз. Оружие.

Пауза.

— Русские.

Тишина в комнате стала тяжелее. Алессандро медленно повернулся. Его взгляд был спокойным. Слишком спокойным.

— Они забываются — произнёс он.

Марко усмехнулся, скрестив руки на груди.

— Или проверяют насколько хватит моих нервов, чтобы не запустить в них тонну динамита.

За столом сидел Лоренцо, просматривая документы и не поднимая глаз.

— Пахан нестабилен — сказал он. — **Викторий Волков** теряет контроль.

Это имя повисло в воздухе. Алессандро подошёл к столу, медленно, каждое движение — точное, выверенное.

— Тогда мы напомним им правила.

Марко улыбнулся, ведь ему нравилось, когда всё переходило в силу.

И в этот момент в дверь постучали. Один раз. Осторожно.

— Войди.

В кабинет вошёл один из солдат. Молодой и слишком напряжённый. Плохой знак.

— Дон... — он сглотнул. — В порту была проблема.

Марко сразу напрягся.

— Говори.

— Один из наших... допустил ошибку.

Алессандро не повышал голос, не двигался, но воздух стал холоднее.

— Какую?

Солдат опустил взгляд.

— Он хотел перейти на сторону русских... предать вас.

Марко тихо выдохнул сквозь зубы.

— Ублюдок, забыл чьи руки его кормят.

Алессандро сделал шаг вперёд, медленно.

— Где он сейчас?

— Внизу. С ним уже Винченцо.

Алессандро прошёл мимо них со взглядом хищника. Вслед за ним пошли Марко и Лоренцо, они знали, что делать с предателем, он был уже автоматически мёртв. Они спустились на -1 этаж и подвал встретил их уже таким привычным запахом металла и крови. Зашли в одну из комнат, а там мужчина весь в гематомах стоял на коленях и молил о пощаде.

— Дон... я могу объяснить!

Алессандро остановился перед ним, посмотрел на него с полным отвращением.

— Нет — спокойно сказал он. — Ты знал, что мы делаем с такими, как ты. Твоё время вышло.

Марко наблюдал, прислонившись к стене. Лоренцо молчал. А Винченцо ждал приказа с острым ножом в руке.

— Я... я просто...

Алессандро едва заметно кивнул и в этот же миг Винченцо подошёл к предателю с хищным оскалом и медленно, расчётливо полоснул того по горлу. Кровь хлынула резко из его шеи, он округлил глаза и стал захлёбываться до тех пор пока не испустил дух.

— Ошибки стоят дорого, убери мусор, брат — сказал Алессандро спокойно.

Он развернулся и вышел, будто ничего не произошло, ведь уже забыл его лицо, ещё до того как тот умер. Он не верил во второй шанс. Люди не меняются — они просто ждут момента предать. После этого все поднялись в кабинет, как будто кровь осталась где-то внизу, хотя каждый из них погряз по локоть.

Марко налил себе виски.

— Нам надо уже что-то делать с этими русскими дебилами, сколько мы можем ждать?!

— Нет — спокойно сказал Лоренцо. — Они теряют контроль, постепенно, и это нам только на руку, мы будем их завершающим гвоздём в крышке гроба.

Алессандро остановился у стола.

— Но мы можем им помочь сгнить быстрее. Сегодня вечером мы едем в клуб Соколова, он же русский у него должно быть что-то полезное на этого Волкова.

Марко усмехнулся.

— Наконец-то, я готов хоть прям сейчас.

Лоренцо поднял взгляд.

— Думаешь, он что-то скрывает?

Алессандро взял бокал, который был наполовину полон коллекционным Макалланом и прокрутил его в пальцах.

— Все что-то скрывают. Вопрос в том... насколько это полезно и опасно.

Лоренцо перевернул страницу документа, задержался.

— Есть ещё одна деталь.

Алессандро посмотрел на него.

— В клубе... появились два новых человека.

Марко фыркнул.

— И?

Лоренцо слегка прищурился.

— Девушки.

Алессандро уже собирался отвернуться.

— Они не просто танцовщицы. Наши источники говорят, что они появились из ниоткуда.

Без прошлого. Без документов. Я бы присмотрелся поближе.

Марко усмехнулся.

— Очередные беглянки или проститутки.

Лоренцо покачал головой.

— Нет. Слишком чисто. Я могу найти информацию на кого угодно, хоть на хомячка в соседнем переулке, но они как белый лист.

Алессандро остановился.

— Имена?

— Милена и Камилла.

И впервые за весь вечер в его взгляде мелькнуло что-то новое. Интерес — слабый и опасный.

— Проверить их — сказал он. — Если они проблема я хочу знать об этом до того, как это станет какой-либо угрозой.

Марко усмехнулся.

— А если нет?

Алессандро слегка улыбнулся.

— Тогда они могут стать полезными. — он поставил бокал на стол. — Или мёртвыми.

Тишина.

И где-то внизу город продолжал жить, даже не подозревая, что этой ночью чья-то судьба уже предрешена.

Глава 2

Милена.

Мы с Камиллой добрались до клуба и вошли через запасной вход для персонала. Клуб уже жил своей жизнью. Музыка вибрировала в груди, свет резал глаза, воздух был густой — алкоголь, парфюм, дым. Всё смешалось в одно: шум, тела, взгляды. Там нас уже встречал мой знакомый — **Максим Соколов**.

Максиму было сорока шесть лет, и он нес свой возраст с особым изяществом. Строгий черный силуэт его костюма контрастировал с небрежно расстегнутыми верхними пуговицами рубашки, создавая образ человека, которому не нужно ничего доказывать. Седина в его каштановых волосах отчетливо серебрилась в свете ламп. Когда он улыбался, морщинки у глаз становились глубже, превращая его лицо в карту прожитого опыта и искренности. В его карих глазах — бездонных и понимающих — всегда можно было найти ответы на вопросы, которые я боялась задать вслух.

Раньше он работал на моего отца, но когда стал замечать, что тот постепенно сходит с ума, исчез — так же, как и я — и открыл этот клуб: «Paradiso». Из нашего дела нельзя просто так выйти. Каждый из нас хранит слишком много тайн. Ты либо умираешь... либо тебя убивают. Умирать нам не очень хотелось, поэтому мы сбежали, сначала он, потом я вслед за ним. Он пытался заменить мне отца, которого у меня никогда не было. Десять лет назад мы встретились в офисе пахана, он вернулся после очередной грязной работы, которую ему было приказано сделать. И тогда мы встретились взглядами, я не испугалась его, а наоборот рядом с ним я впервые почувствовала себя в безопасности, к моему удивлению. С тех пор Максим заботился обо мне, как мог. Залечивал мои раны после изнурительных тренировок, прятал меня, когда пьяный отец хотел выплеснуть весь свой гнев, и тайком давал конфеты. Я сообщила ему, что пахан хочет выдать меня замуж и попросила помочь. Он не задал ни одного лишнего вопроса просто сделал всё возможное.

Работаю у него уже второй год и каждый день он присматривает за мной, защищает, хотя я могу справиться сама. Он подошёл к нам ближе и протянул руки, чтобы обнять меня. Я шагнула к нему и уткнулась лицом в его грудь, наслаждаясь этими медвежьими объятиями. Обычно не люблю прикосновения и не терплю чужих рук, но Максим меня очень хорошо знает, я никогда не откажусь от лишней порции объятий особенно от тех, кто мне дорог. Мы простояли так пару минут в тишине и потом он прошептал мне на ухо:

— С днём рождение, солнышко — тихо сказал он. — Твой подарок ждёт тебя в гримёрке. Ты уверена, что хочешь работать в этот день?

Я улыбнулась.

— Спасибо, Макс! Мне очень приятно. Да, не переживай, мы повеселимся с Ками.

Он кивнул.

— Ну хорошо, идите, только прошу тебя аккуратней, если что сразу говори мне.

— Да-да, не переживай, если что сразу к тебе. — сказала я и пошла по узкому коридору к гримёрке. Рядом со мной шла моя подруга.

Шагала по знакомому коридору и сияла внутри. Максиму сложно выражать свои чувства, но он старается показывать их как может. Спрашивает по сто раз в день, всё ли в порядке, никто ли меня не обидел. Я это очень ценю в нём, ведь понимаю, что для него и вправду важно знать ответ, он спрашивает не просто ради галочки.

Мы вошли в комнату и я замерла: на столе стоял ослепительный букет лилий. Люди привыкли считать их символом непорочности и кроткой чистоты, но это лишь искусная маскировка. Я любила их за другое. За этим фарфоровым изяществом лепестков скрывался тяжелый, почти ядовитый аромат, способный одурманить и лишит рассудка. Лилия никогда не была

невинной — она была коварной. Она соблазняла своей внешностью, чтобы затем медленно отравлять своим дыханием всё пространство вокруг. И такие цветы мне дарил только один человек — Максим. А рядом с букетом лежал новенький пистолет «Беретта» — итальянская классика. Он знал, что мне ничего не нужно, но была не против, что мою коллекцию оружия пополнят.

Прошло около минут тридцати и мы уже были готовы к выступлению, поправили свои причёски, макияж и переоделись в более удобную одежду для танцев. Я надела чёрные шорты, чёрный топ и ботфорты на высоком каблуке, а Камилла была одета точно также, но в белом, что подчёркивало её белокурые кудри и голубые глаза цвета льда — она была светом. Я была полной её противоположностью — тьмой, с моих плеч спадали кудри цвета ночи и зелёные глаза, подведённые каялом. Мы были готовы к выступлению, шли по знакомому коридору за сценой. Руки не дрожали. Сердце — тоже. Но внутри было странное чувство.

Как будто... что-то изменится. Сегодня.

— Эй, именинница!

Камилла поймала меня за руку и развернула к себе.

— Ты сегодня слишком серьёзная, где-же лучезарная улыбка, блестящие глаза?

— Просто устала — ответила я.

Она прищурилась. Камилла всегда чувствовала больше, чем говорила.

— Я заметила, что в зале сегодня непростые гости.

— Русские? — с тревогой спросила.

— Хуже.

Я подняла бровь.

— Итальянцы.

Я усмехнулась.

— Мы в Италии, Ками.

Она наклонилась ближе.

Почти шёпотом:

— Нет. *Эти итальянцы.*

И вот тут внутри что-то сжалось.

— Дон — добавила она.

Тишина.

Я медленно выдохнула.

— Чёрт... это плохо, тогда просто работаем без лишнего внимания. Странно, что Максим ничего не сказал.

Музыка сменилась. Наш трек — «P*RNSTAR» Nessa Barrett.

Свет погас и через секунду — вспышка. Мы вышли, синхронно, как всегда. Тела двигались сами. Гибко. Отточено. Идеально.

Я не смотрела в зал. Никогда — это моё правило, но сегодня — я почувствовала взгляд.

Тяжёлый. Холодный. Чужой. И допустила ошибку. Я посмотрела и увидела его... наши взгляды встретились и время — замедлилось.

Он сидел в VIP-зоне в тени, но его невозможно было не заметить. Идеально сидящий, чёрный костюм, галстук был чуть расслаблен. Спокойная поза, но опасная. Я видела, как он наблюдает, оценивает меня своими взглядом хищника. Рядом — Марко, без пиджака, в одной рубашке с закатанными рукавами, что было видно татуировки. Чуть впереди — Лоренцо, но его взгляд был зациклен на Камилле. И позади них Винченцо наблюдал за обстановкой вокруг. Я слышала о них на некоторых заданиях и знала, что они могут сделать, но не боялась.

Я отвернулась первой и продолжила танец, но теперь — я чувствовала его взгляд кожей.

Алессандро

Музыка раздражала, слишком громко, хаотично, но я терпел потому что наблюдал. Марко что-то говорил рядом, Лоренцо пил, но мне было плевать так как — она вышла на сцену. Сначала я не обратил внимания, очередная танцовщица, но через секунду — замер. Движения слишком точные. Не просто пластика. Контроль. Её взгляд не бегал, не искал внимания. И эти глаза... я не мог оторвать взгляд от её глаз. Из-за расстояния не видел цвет, но видел другое — вызов, она не боялась, а контролировала пространство.

— Это они — тихо сказал Лоренцо. — Ты видишь?

Марко усмехнулся.

— Я вижу просто красивых девиц.

— Нет — сказал я тихо, медленно наклонив голову. — Цель.

Марко нахмурился.

— О чём ты?

— Они двигаются так, как не двигаются обычные танцовщицы, особенно она.

Лоренцо слегка улыбнулся.

— Запомните, кто всегда прав.

Музыка достигла пика. Она снова посмотрела на меня. На этот раз — на долю секунды дольше и этого было достаточно...

— Приведи её — сказал я спокойно.

Марко усмехнулся.

— Уже?

— Нет. Завтра — сухо ответил я. — Конечно сейчас. Без вариантов.

Милена

Мы закончили выступление под вспышки света и аплодисменты. Я не поклонилась. Никогда не делаю этого. Просто развернулась и ушла за кулисы.

Камилла догнала меня почти сразу.

— Он смотрел на тебя — тихо сказала она.

— Я заметила.

— Это плохо.

— Я знаю.

Мы шли по узкому коридору, когда дорогу нам перегородили.

Марко.

Он стоял, облокотившись о стену, с лёгкой улыбкой, в которой не было ничего дружеского.

— Девочки — протянул он. — Вас приглашают.

— Кто? — холодно спросила я, хотя уже знала ответ.

Он усмехнулся.

— Не заставляй меня произносить это вслух.

Я переглянулась с Камиллой. Она едва заметно кивнула.

— Только я.

Марко приподнял бровь.

— Уверена?

— Более чем.

Он изучал меня. Прошёлся взглядом снизу вверх и ответил:

— Ладно, пошли.

Мы поднялись на второй уровень. VIP-зона. Там было тише. Темнее. Опаснее. Я вошла первой и сразу почувствовала его. Он не встал и не подошёл, даже не повернул голову сразу.

Он уже знал, что я здесь.

Остановилась в нескольких шагах от стола.

— Ты хотел меня видеть.

Он медленно поднял взгляд. И в этот момент — всё вокруг исчезло. Я заметила блеск в его серых глазах, что не означало ничего хорошего.

— Хотел — спокойно ответил.

Я не села. Он не предложил.

— Ты не боишься — сказал он, внимательно наблюдая за мной.

Не вопрос. Факт.

— А должна? — спокойно ответила.

Лёгкая тень улыбки.

— Да.

— Тогда у тебя проблема. Я не умею.

Марко тихо хмыкнул за спиной, но Алессандро даже не отвёл от меня взгляд.

— Имя — сказал он.

— Ты его уже знаешь.

— Хочу услышать от тебя.

— Милена.

Он шёпотом повторил моё имя и стал всматриваться в мои глаза, как будто бы пытался узнать все мои тайны.

— Ты не просто танцовщица.

Я склонила голову.

— А ты не просто посетитель клуба.

Марко усмехнулся.

— Наглая.

— Честная — поправила я.

Алессандро слегка наклонился вперёд.

— Ты контролируешь пространство — сказал он. — Движения. Взгляд. Людей.

Пауза.

— Так не учат в танцевальных школах.

Я молчала.

— Кто ты, Милена?

Тишина.

Я сделала шаг ближе. Нарушая дистанцию. И посмотрела на него с горящими глазами, сказав:

— А ты кто такой, чтобы задавать мне такие вопросы?

Марко уже напрягся. Я почувствовала это, но Алессандро... он был спокоен. Слишком и это было хуже.

— Тот, кто решает, будешь ли ты жить спокойно дальше — тихо сказал он. — Или нет.

Я усмехнулась.

— Ты не Бог, чтобы решать такие вопросы..

— Знаю, но что-то поблизости я его не вижу, так что сейчас зависит всё от меня, к твоему сожалению.

Мы смотрели друг на друга и в этом взгляде было слишком много.

— Ты работаешь здесь давно? — спросил он.

— Достаточно.

— Соколов тебе доверяет.

— А ты ему нет?

— Я никому не доверяю.

— Тогда у тебя ещё больше проблем, чем у меня.

Пауза.

Он откинулся на спинку кресла, но взгляд не отпустил.

— С сегодняшнего дня ты работаешь на меня.

Я усмехнулась.

— Нет.

Марко тихо выдохнул и сказал Лоренцо:

— Чувствую сейчас прольется чья-то кровь.

Но Алессандро лишь слегка наклонил голову.

— Ты не в том положении, чтобы отказываться.

Я сделала ещё шаг ближе. Теперь между нами почти не осталось расстояния.

— А ты не в том положении, чтобы мне приказывать.

И в этот момент — что-то изменилось. Он улыбнулся. Впервые, но в этой улыбке не было тепла.

— Мне нравится — тихо сказал он. — Когда сопротивляются, ломать интереснее.

Я наклонилась чуть ближе. Почти шёпотом:

— Попробуй.

Тишина. Долгая. Опасная.

Он поднялся. Теперь он был выше и ближе. Отпил виски со своего бокала и сказал, не отрывая от меня взгляда:

— Приведите её завтра.

Марко кивнул.

Я усмехнулась.

— Я сама решу, куда мне идти и что делать.

Алессандро наклонился ко мне. Очень близко.

— Нет, Милена. Уже нет. И не думай сбежать со своей подружкой. Я слежу за тобой.

Ты моя, запомни.

Paradiso (рай - итал.)

Глава 3

Милена.

Музыка всё ещё гремела в зале, но для меня она уже не существовала. Я закрыла за собой дверь гримёрки и на секунду прислонилась к ней спиной. Сердце билось ровно. Слишком ровно. Я прокручивала этот момент в своей голове снова и снова.

Камилла сразу поняла.

— Что случилось? — тихо спросила она.

Я подняла на неё взгляд и впервые за долгое время... не стала притворяться.

— Это он. Дон.

Она напряглась.

— Я видела, Милен... ну что дальше, не тяни?!

Я прошлась по комнате, сжимая пальцы.

— Он... понял.

— Что именно? — осторожно спросила подруга.

Я усмехнулась.

— Что не просто танцовщица, что мы здесь не просто так. Я не понимаю как! Может ему кто-то доложил...

Камилла медленно выдохнула.

— Насколько всё плохо?

Я посмотрела на неё. Прямо.

— Настолько, что нам нужно исчезнуть. Опять.

Она не спорила. Не задавала лишних вопросов. Просто кивнула.

— Сколько у нас времени?

— У нас его нет.

— Тогда действуем прямо сейчас — сказала она.

Я кивнула, но кое-что не давало мне покоя...

— Сначала Максим. Он как-будто испарился, это странно.

Мы стали быстро переодеваться, забрали все нужные вещи и вышли из гримёрки. Клуб всё ещё жил своей жизнью. Люди смеялись, пили, танцевали. Не понимая, что у кого-то сейчас рушится всё. Только я почувствовала себя свободной, немного расслабилась и конечно же жизни нужно было меня проучить.

Мы нашли Максима у бара. Он сразу заметил моё лицо и всё понял.

— Что случилось?

— Мне нужно исчезнуть — сказала я прямо.

Он замер. На секунду.

— Нет.

Я сжала челюсть.

— Макс.

— Нет — повторил он, уже жёстче. — Ты не понимаешь, что делаешь.

— Я как раз понимаю. Он меня не отпустит.

Максим провёл рукой по лицу.

— Чёрт... я должен был сказать.

Я нахмурилась.

— О чём?

Он посмотрел на меня с виной.

— Они пришли не просто так. Я знал, что это может случиться. Алессандро спрашивал у меня про пахана, он хочет добить их, а ещё он спрашивал про новых людей в клубе.... Я ему ничего не говорил, клянусь!

Тишина.

— И ты молчал? — голос стал холодным.

— Я пытался защитить тебя.

— Ты должен был предупредить, дать знак, хоть как-то сообщить мне, чтобы я не выглядела, как дура! — слова вырвались сами.

Он шагнул ближе.

— Я не думал, что он обратит внимание именно на тебя!

Я усмехнулась.

— Мне плевать, что ты не думал, если бы ты мне сказал, я бы сейчас не была в такой ситуации, разве ты этого не понимаешь?!

Максим опустил взгляд.

— Прости.

Я отвернулась.

— Поздно.

Камилла вмешалась:

— Нам нужно уезжать. Сейчас.

Максим кивнул.

— Я помогу.

— Нет. Чем меньше ты будешь знать — тем лучше. Ты уже помог. — огрызнулась я, но выдохнув произнесла — Макс, я правда дорожу тобой и спасибо, но...

Он сжал кулаки, но не стал спорить.

— Будь осторожна.

Я кивнула и ушла. Надеюсь, что это не будет нашим последним разговором. Я злилась на него... хотя если честно, то была просто в бешенстве. Если бы он мне сказал раньше мы бы просто остались дома или были уже в другой стране. Но нет, он же хотел защитить и теперь за нами следит вся итальянская мафия, просто чудесно!

Квартира.

Мы влетели в нашу квартиру, как буря. Собирались быстро, пытаюсь уложить в чемоданы всю нашу жизнь за два года. Начала я с одежды, потом косметичка, побежала в ванну, взяв средства первой гигиены на первое время, а потом подошла к своей прикроватной тумбе и посмотрела на баночки таблеток... после всего не могу спокойно засыпать без успокоительных и к моему огромному сожалению, они заканчиваются, надеюсь продержусь первое время. Я бы хотела с них слезть, но прошлое постоянно меня преследует, сколько бы не пыталась забыть, избавиться от него. Собрав всё, что только можно было выбежала в гостиную с двумя чемоданами, там уже ждала меня моя подруга.

— Документы? — спросила Камилла.

— Есть.

— Деньги?

— Хватит.

— Оружие?

— Всегда. — ответила ледяным тоном.

Я посмотрела на сумку. Пистолеты «Беретта» и «Макарова» лежали у меня на самом дне, что давало каплю спокойствия и мелочного контроля. Мы вышли из квартиры, оглянулись, пока спокойно. Камилла сказала, что авто за углом, она же в свою очередь арендовала его через подставные IP адреса и левые счета, чтобы невозможно было проследить. Свернули за переулок, разблокировали машину, загрузили вещи в багаж и на заднее сидень, я села за руль.

Минуту просидели в тишине, обдумывая всё и вспоминая не забыли ли что-то, а потом подруга повернулась ко мне и спросила:

— Куда?

— Швейцария — тихо ответила я. — Тут граница рядом всего семьдесят километров проедем через озеро Комо и потом Альпы.

— Хорошо, поехали. Мы успеем? Милен... а если он уже знает, где мы живём? — тихо спросила Камилла.

Я посмотрела на дорогу. Ни одной души.

— Должны. Они не смогли бы отследить нас так быстро.

Мы ехали молча, каждая в своих мыслях. Я не смотрела на проносящиеся пейзажи, а пыталась прислушаться к внутреннему ощущению, которое кричало во всю: *слишком поздно*.
Алессандро.

Дверь за Миленой закрылась мягко, почти бесшумно, но тишина, которая осталась после неё, давила сильнее любого крика. Я стоял у стола, опираясь ладонями о холодную поверхность, и смотрел в одну точку, прокручивая в голове каждое её слово, каждое движение, каждый взгляд. Она была слишком дерзкой, самонадеянной и это не раздражало. Это злило иначе. Глубже.

— Ну и... что это сейчас было? — раздался голос Марко за спиной.

Я медленно выпрямился и повернулся.

Марко уже развалился в кресле, закинув ногу на ногу, но по его глазам было видно — он напряжён. Винченцо стоял у стены, как тень, а Лоренцо спокойно перелистывал какие-то бумаги, хотя было очевидно — слушает каждое слово.

— Это была проблема — спокойно ответил.

Марко усмехнулся.

— Проблема? Брат, да она тебе в лицо почти плюнула и ушла, как будто это её дом.

— Не почти — тихо добавил Лоренцо, не поднимая глаз. — Она это сделала.

Марко хмыкнул.

— И тебе это... нравится?

Я бросил на него короткий взгляд.

— Мне нравится контроль, а она его нарушает.

— Тогда убери её — пожал плечами Марко. — Быстро и без лишних разговоров. Ты сам знаешь, как это делается.

Винченцо едва заметно кивнул, словно подтверждая, что готов сделать это хоть сейчас. Но я не ответил сразу, прошёл к окну, глядя на ночной город, сделал глоток виски, который приятно обжёг моё горло и наконец сказал:

— Нет. Она слишком ценная, чтобы её просто убрать.

Марко приподнял бровь.

— Seriously? Танцовщица с характером — это теперь ценный ресурс?

Лоренцо тихо усмехнулся.

— Она не танцовщица, Марко. Ты же сам это видишь.

Марко покосился на него.

— Я вижу только то, как ты смотрел на её подругу на сцене. Камилла вроде, да?

Тишина на секунду стала плотнее.

Лоренцо медленно поднял взгляд. Спокойный, но в глазах мелькнуло что-то острое.

— Аккуратнее — сказал он тихо.

Марко усмехнулся шире.

— Да ладно тебе, я же не слепой. Ты её взглядом раздевал. И если бы не люди, ты бы её прямо здесь т...

— Достаточно — вмешался я, не повышая голос, но этого хватило.

Тишина вернулась.

Я перевёл взгляд на Винченцо и сказал:

— Будешь следить за ними.

Тот коротко кивнул.

— Уже.

— Мне нужно знать всё. Куда идут, с кем говорят, что скрывают. Если попытаются исчезнуть — ты их остановишь.

— Понял.

Марко усмехнулся.

— Скучно тебе не будет, брат.

Я ничего не ответил, ведь мысленно уже перебирал следующие шаги. Мы вышли из шумного клуба, наконец-то. Сели по своим машинам и поехали в наш семейный особняк за городом, Винченцо остался следить за ними. Нам нужно было всё ещё раз обсудить и продумать план краха русских.

Майбах Алессандро скользил по ночным улицам Милана, словно тень хищника. В этом салоне принимались решения, стиравшие с лица земли целые семьи, и ни один звук извне не смел нарушить тяжелое молчание Дона. Марко обожал рев своего Уруса. Этот звук напоминал ему рык разъяренного зверя, готового в любой момент вцепиться в глотку. Он не признавал правил парковки, как не признавал и правил ведения войны — его машина всегда была там, где горело ярче всего. Лоренцо предпочитал свой Бентли всем остальным игрушкам братьев. В нем была та холодная расчетливость и элегантность, которой не хватало Марко. Пока братья мерились мощностью моторов, Лоренцо в тишине кожаного салона просчитывал, сколько жизней будет стоить их следующая ошибка.

Особняк.

Ночь встретила их прохладой. Машины выстроились у входа — чёрные, тяжёлые, как сама их жизнь. Особняк стоял за городом, скрытый от чужих глаз. Высокие ворота, камеры, охрана и тишина. Та самая, в которой рождаются опасные решения.

Когда ворота открылись, первыми их встретили не люди. Собаки.

Три Кане-корсо сорвались с места, но остановились у самой границы, внимательно наблюдая. Их звали: **Малум**, **Силенцио** и **Обливио**, что в переводе с латинского означало — зло, тишина и забвение.

Малум был самым массивным. Угольно-черная шерсть на его спине лоснилась, подчеркивая каждый пережат мышцу. Его уши были коротко купированы, что делало голову похожей на наковальню. Если кто-то делал резкое движение, Малум не рычал — он лишь обнажал желтоватые клыки, и этот звук напоминал скрежет стали о сталь. Силенцио полностью оправдывал свое имя. Он двигался абсолютно бесшумно, словно дым, стелющийся по мраморному полу особняка. Его глаза цвета старого янтаря никогда не мигали, пристально следя за руками гостей. Он был единственным, кому Алессандро позволял класть голову себе на колено во время обсуждения смертных приговоров. Обливио был чуть меньше братьев, но в его теле скрывалась пружинистая энергия хищника. У него был шрам, пересекающий левую сторону морды, — след от ножа, который он даже не заметил, когда перекусывал руку нападавшему. Если Алессандро шептал его имя, Обливио замирал, превращаясь в натянутую струну, готовую оборваться и принести смерть. Они не признавали других братьев: собаки могли оскалиться на дерзкого Марко или проигнорировать тяжелые шаги Винченцо. Для них во всем мире существовал лишь один голос. Когда Алессандро едва заметно щелкал пальцами, три огромные тени синхронно опускались на пол, превращаясь в безмолвных часовых. Они были его живым продолжением — такими же холодными, такими же беспощадными и абсолютно неуправляемыми для всех остальных.

Алессандро провёл взглядом по территории. Всё на месте. Всё под контролем.

И всё равно... что-то было не так.

Кабинет.

Они прошли в офис, который находился на втором этаже их особняка. Тяжёлая дверь закрылась, отсекая внешний мир. Алессандро налил себе виски, но не пил. Просто держал бокал в руке и сел за свой дубовый стол.

— Итак — сказал Лоренцо, устраиваясь в кресле. — Русские.

Марко сразу оживился.

— Наконец-то что-то интересное.

Алессандро медленно провёл пальцем по краю бокала.

— Итак, мы уже поняли, что они теряют контроль. Это уже не просто слухи.

Лоренцо кивнул.

— Решения импульсивные, структура начинает сыпаться.

Марко усмехнулся.

— Отлично. Значит, ломаем быстрее.

— Не спеши — спокойно сказал Алессандро. — Хаос — это хорошо, пока он управляем.

Лоренцо наклонился вперёд.

— Есть ещё кое-что. Когда я ехал в машине мне доложили новые данные.

Алессандро посмотрел на него.

— Прошёл слух, что у него пропала дочь.

Марко хмыкнул.

— И что? Нашли повод поплакать?

Но Алессандро не улыбнулся. Он задумался. Глубже.

— Дочь... — тихо повторил он.

И в этот момент зазвонил телефон. Винченцо. Алессандро ответил сразу.

— Да.

Пауза.

И выражение его лица изменилось. Резко.

— Что значит — уезжают? — голос стал жёстче.

Марко сразу выпрямился.

— Они собирают вещи? — продолжил Алессандро. — Куда?

Тишина. Секунда. Две.

— Найди их — сказал он уже на повышенном тоне. — Мне плевать как, но ты их найдёшь.

Головой отвечаешь.

Он сбросил вызов. Резко. Тишина в комнате стала напряжённой.

Алессандро открыл ящик в столе, достал сигареты, закурил. Тяжело затянулся и медленно выдохнул дым.

— Они пытаются сбежать — сказал он.

Марко усмехнулся.

— Ну, это было ожидаемо.

— Они умнее, чем кажутся — спокойно добавил Лоренцо.

Алессандро сделал ещё одну затяжку. Глубокую.

— Посмотрим, насколько их хватит. Если Милена думает, что от меня легко сбежать, то она сильно ошибается.

Время тянулось. Медленно. И вдруг — снова звонок. Алессандро ответил сразу.

— Да.

Пауза.

И уголок его губ едва заметно дёрнулся.

— Хорошо — сказал он.

Секунда тишины.

— Вези их сюда.

Он отключился.

Марко усмехнулся.

— Ну что?

Алессандро затушил сигарету и с хищным оскалом сказал:

— Поймали. Теперь она от меня так просто не избавиться.

Лоренцо тихо выдохнул.

— Интересно, что будет дальше.

Алессандро посмотрел в сторону двери. Туда, где через какое-то время появится она. И спокойно сказал:

— Теперь начинается самое интересное.

Глава 4

Милена.

Перехват.

Мы почти выехали из города. Оставалось немного. И тогда— в зеркале появились фары.

Одна машина.

Вторая.

Третья.

— Милена... — тихо сказала Камилла.

— Держись. — ледяным тоном ответила.

Я выжимала газ на полную, но они были быстрее. Чёрные джипы обошли нас с двух сторон и стали прижимать к обочине, я пыталась вырулить руль, но всё в пустую. И вдруг тяжелый черный Гелендваген замер, преграждая нам путь, словно стальной гроб.

Мы остановились. Я не хотела принимать поражение.

— Чёрт... — выдохнула Камилла.

Я уже держала пистолет и была готова стрелять в упор.

Мотор еще несколько секунд рокотал, точно недовольный зверь, прежде чем наступила давящая тишина. Дверь открылась с тяжелым, глухим щелчком. Сначала на асфальт опустился армейский ботинок, а следом из салона показался Винченцо.

Он был огромен. Широкие плечи, обтянутые черным пальто, казались высеченными из гранита. Его лицо не выражало абсолютно ничего: ни ярости, ни триумфа — лишь пугающее, стерильное равнодушие. Он поправил перчатки из тонкой кожи и посмотрел на нас в упор. Его взгляд карих глаз, пустой и холодный, как застывшая сталь, не оставлял места для надежды. В этот момент я поняла, почему его называют «Мясником»: он видел в нас не людей, а просто очередную задачу. Он подошёл к нашей машине. Спокойно и без спешки.

Мы не выходили и с замиранием сердца наблюдали за происходящим. Он остановился у водительской двери и слегка постучал.

— Выходи. — произнёс он.

Я усмехнулась.

— Ага, конечно... бегу и падаю.

И в следующую секунду— он достал свой «Глок» и выстрелил в ручку моей двери, мы вскрикнули, не ожидая таких действий, я не успела опомниться, как он уже вытаскивал меня из машины быстро и жёстко.

Я попыталась ударить, но — слишком много людей. Они с молниеносной скоростью забрали мой пистолет и просто закинули в Гелендваген. Камиллу тоже вытащили, но посадили в другую машину.

Винченцо сел на водительское и заблокировал двери.

— Ты создаёшь проблемы. — сказал он.

— Это я их создаю?! Может вы мне их создаёте, следя за мной! Вот скажи, тебе заняться больше нечем, так я могу быстро придумать тебе занятие! — кричала я с возмущением.

Он не отреагировал, а просто достал телефон.

— Да....Мы их нашли... Пытались уехать.

Пауза.

— Да.

Он посмотрел на меня и что-то промелькнуло в его взгляде.

— Понял.

Отключился.

Мы ехали молча. Я смотрела в окно на огни города, которые становились всё дальше. Свобода ускользала. Я не понимала, почему всё именно так в моей жизни, ну почему меня нельзя просто оставить в покое. Чувствовала, что истерика близко, но не подавала виду, кто я такая, чтобы ещё перед этим громкой расплакаться. Прекрасно понимала, куда нас везут. К нему. Я закрыла глаза, пытаюсь сосредоточиться на дыхании, чтобы успокоить внутреннюю тревогу.

Он думает, что поймал меня.

Я сжала пальцы.

Пусть попробует удержаться.

Особняк.

Гелендваген Винченцо тяжело прохрустел шинами по гравию и замер перед величественным особняком. Я прильнула к стеклу. Это был не просто дом — это была современная крепость из белого мрамора и стекла, затерянная среди кипарисов Ломбардии. У подножия широкой лестницы застыли три черные тени — псы Алессандро. Их янтарные глаза недобро блеснули в свете фар.

Дверь распахнулась. Винченцо, не говоря ни слова, рывком вытащил меня из салона. Я пускала в него различные проклятия. Следом Марко, уже ждавший снаружи, грубо подхватил Камиллу под локоть.

На верхнем пролете лестницы, окутанные дымом дорогих сигарет, стояли они. Алессандро в центре — непоколебимый, как сама смерть. Справа от него — Лоренцо, чьи холодные глаза сканировали нас, словно рентген.

Винченцо подтолкнул меня вперед, к самому Алессандро.

— Добро пожаловать домой. — его голос был низким и вибрирующим. — Тебе стоило выбрать город побольше, если хотела спрятаться.

Я вскинула подбородок, глядя ему прямо в глаза, несмотря на то, что моё сердце колотилось о рёбра.

— Особняк великоват для человека с таким узким кругом интересов, Алессандро. — парировала с ледяной усмешкой. — Не боишься заблудиться в собственных стенах?

Алессандро медленно затянулся, и его глаза опасно сузились.

— В этом доме никто не теряется без моего ведома. Особенно ты.

В паре метров от нас Камилла пыталась вырваться из хватки Марко, прожигая взглядом Лоренцо.

— Эй, мистер Стратег! — крикнула она Лоренцо. — Твой план похищения танцовщиц — это лучшее, до чего додумался твой хваленый мозг? Или ты просто соскучился по женскому вниманию?

Лоренцо даже не повел бровью, лишь поправил манжету пиджака.

— Камилла... — спокойно произнес он. — Твой язык — это твоя самая большая проблема. Будь осторожна, иначе мне придется найти способ заставить тебя замолчать. И тебе он не понравится.

Она закатила глаза в ответ.

— Разведите их. — бросил Алессандро, не сводя с меня взгляда. — По разным сторонам дома.

Винченцо повел меня через бесконечные коридоры, где каждый шаг отдавался эхом. Когда массивная дубовая дверь за ним закрылась и шелкнул замок, я осталась одна и обернулась.

Комната была вызывающе роскошной. Огромные окна в пол, зашторенные тяжелым серым бархатом, кровать под балдахином, на которой могла бы спать королева, и антикварное трюмо. Стены были обтянуты шелком цвета пыльной розы. Окна — закрыты. Балкон — есть,

но слишком высоко. Одна дверь. Охрана — снаружи. И всё это меркло перед тем, что стояло в центре комнаты.

На мраморном столе, в тяжелой хрустальной вазе, стоял огромный букет белых лилий. Тот самый душистый, одурманивающий аромат мгновенно заполнил мои легкие. Я подошла ближе и коснулась нежного лепестка, не понимая откуда он узнал, что я люблю именно их.

— Золотая клетка, опять... — прошептала, глядя на свое отражение в зеркале. — Танцовщица на обложке, наемница внутри. Посмотрим, Алессандро, кто из нас первым сойдет здесь с ума.

Я не успела сделать и двух шагов к зеркалу — как дверь снова открылась. Он вошёл...

Алессандро де Лука. Спокойный и слишком уверенный. Он закрыл за собой дверь и повернул ключ. Щелчок. Тишина стала плотнее.

Он снял пиджак, оставшись в одной белоснежной рубашке с закатанными до локтей рукавами, обнажающими сильные предплечья и татуировки. Его каштановые волосы были слегка растрепаны, будто он весь вечер в нетерпении запускал в них пальцы. Но сильнее всего били наповал его глаза. Серые, как грозовое небо над Миланом, холодные и пронзительные. В этом взгляде не было жалости — только сталь и пугающее любопытство хищника, который наконец загнал свою добычу в угол. Он казался слишком масштабным для этой комнаты, заполняя собой всё пространство, вытесняя из него кислород.

— Уютно? — спокойно спросил он.

Я повернулась к нему.

— Очень. Особенно охрана под дверью.

Алессандро сделал глоток виски из стакана, который принес с собой, и поставил его на комод, не сводя с меня глаз. Он прошёл дальше в комнату, не спеша. Остановился, смотря долго и пронзительно.

— Я недооценил тебя. — прошептал Алессандро.

— Твоя первая ошибка.

Он сделал шаг ближе.

— И последняя. — потом добавил. — Лилии тебе идут. Такие же красивые и такие же... одурманивающие. Но давай опустим любезности, Милена. Ты думаешь, что контролируешь ситуацию?

Я сократила расстояние между нами, остановившись так близко, что чувствовала жар его тела. И дерзко улыбнулась, глядя прямо в это серое пламя его глаз.

— А разве это имеет значение, когда ты уже запер меня под замок? Считай, что это твоя вторая ошибка, Алессандро.

Он резко подался вперед, вторгаясь в моё личное пространство. Его рука медленно поднялась, и он коснулся кончиками пальцев моей шеи, прослеживая линию пульса.

— Ошибки я исправляю быстро. Обычно — пулей в затылок. — его голос стал на тон ниже, от чего по коже пробежали мурашки. — Но ты... ты — «белый лист». Мои люди не нашли на тебя ничего. Обычные танцовщицы не умеют так замечать следы и уж точно не смотрят на ствол пистолета с таким равнодушием.

Он наклонился к самому уху, обжигая дыханием.

— Кто ты, черт возьми? На кого ты работаешь? Если ты думаешь, что твоя смазливая мордашка спасет тебя от допроса Винченцо, ты очень ошибаешься.

Я не отстранилась. Напротив, положила ладонь ему на грудь, прямо над сердцем, чувствуя его ровный, мощный ритм.

— Твой «Мясник» может развлечься, если хочешь — прошептала я, и голос прозвучал как вызов. — Но он не узнает ничего. Ты ищешь наемницу, Алессандро? Или ты просто боишься признать, что девчонка из клуба напугала великого Дона сильнее, чем вся русская мафия?

Глаза Алессандро потемнели, становясь почти черными. Его пальцы на моей шее чуть сжались — не больно, но властно.

— Ты играешь с огнем, orsetto. (медвежонок-итал. яз.)— прорычал он. — И в этом доме этот огонь — я.

— Тогда не удивляйся, когда сгоришь вместе со мной. — парировала я, сокращая последние миллиметры между нашими лицами.

— Милена... я на грани. Почему ты просто не можешь быть хорошей девочкой. — выдохнул он эти слова мне в губы.

— Тогда лучше убей меня. — спокойно сказала я.

Он замер.

— Давай. Прямо сейчас.

Тишина стала оглушающей.

— Теперь я знаю ещё одну вещь про тебя, ты не боишься смерти. — сказал он.

— Я боюсь только вернуться туда, откуда сбежала.

Он внимательно смотрел на меня. Слишком внимательно.

— Тогда что ты хочешь? — спросила я.

Он наклонился чуть ближе.

— Контроль. Над ситуацией. И над тобой.

Я усмехнулась.

— Удачи.

Он смотрел на меня ещё секунду. А потом сказал:

— С этого момента ты остаёшься здесь. Без моего разрешения ты не выходишь.

— Я не останусь!

Он посмотрел на меня снизу вверх и добавил с усмешкой:

— Уже осталась.

Я сделала шаг к нему. Во мне бушевал спектр различных эмоций и ни одной позитивной.

— Ты меня не удержишь!

Он слегка наклонил голову.

— Проверим? Ты всё ещё думаешь, что у тебя есть выбор?

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Выбор есть всегда.

Он наклонился. Слишком близко и потом— он вдруг усмехнулся.

— Мне начинает нравиться эта игра.

Я медленно выдохнула.

— Это не игра. Это твоя катастрофа.

Он развернулся к двери. Открыл её.

— Посмотрим, Милена... спокойной ночи. Всё нужное уже есть в шкафу.

Дверь закрылась, и щелчок замка прозвучал в установившейся тишине как окончательный приговор. Алессандро ушел, но его присутствие всё еще ощущалось в комнате: в тяжелом аромате табака и в том электрическом напряжении, которое он оставил после себя.

Я стояла неподвижно, глядя на закрытую дверь, пока пульс в ушах не начал замедляться. Он думает, что запер меня. Он думает, что контроль — это сталь и замки. Пусть думает. Охотник всегда наиболее уязвим в тот момент, когда уверен, что добыча смирилась.

Я медленно подошла к массивному шкафу из темного дерева и потянула на себя тяжелую створку. Внутри ровными рядами висела одежда. Я провела рукой по тканям: тончайший шелк, дорогой кашемир, кружево, которое казалось почти невесомым. Я достала одно из платьев и приложила к себе. Мой размер. Идеально, до последнего миллиметра. От этой его осведомленности по коже пробежал неприятный холодок. Он не просто поймал меня — он изучил

меня. Каждое мое предпочтение, каждый изгиб моего тела были занесены в его расчетливый после того, как мы встретились в клубе.

Внезапная мысль обожгла разум. Я бросилась к углам комнаты, лихорадочно ища свои чемоданы. Пусто. Ни сумок, ни привычных вещей, ни моего прошлого.

— Черт... — прошептала я, прижимая ладони к лицу.

Мои чемоданы остались у них. А значит, там остались и мои успокоительные. Те самые маленькие белые таблетки, которые были единственной преградой между мной и кошмарами, преследовавшими меня с самой России. Без них ночь обещала превратиться в липкий, душный ад. Алессандро лишил меня не только свободы, он лишил меня моей защиты.

Мысли крутились в голове, как стая рассерженных ос. Он бесил меня. Его самоуверенность, его серые глаза, которые видели меня насквозь, его дурацкое «спокойной ночи» — всё это вызывало желание сорвать со стен этот чертов бархат и сжечь особняк дотла.

Я посмотрела на букет лилий. Их запах теперь казался почти невыносимым, ядовитым.

— Ночь будет долгой. — тихо произнесла я в пустоту комнаты. Голос сорвался, выдавая усталость, которую я так тщательно скрывала.

Мне нужно было смыть с себя этот день. Смыть запах его парфюма, который, казалось, ввелся в мою кожу. Я развернулась и направилась в ванную комнату.

Горячая вода — это единственное, что сейчас могло удержать меня от того, чтобы не начать кричать. Или не начать действовать слишком рано.

Глава 5

Алессандро.

Я вышел из комнаты Милены и был на взводе. Меня раздражает, что я ничего не знаю о ней. Должен ли убить или она может мне помочь? Я не могу снова ошибиться, в прошлый раз цена моей ошибки стоила жизни моего отца, матери и сестры. Но она... она не обычна, мне интересно за ней наблюдать, исследовать, она как ящик Пандоры, который я очень скоро вскрою. И как раз направляюсь в гостиную, где меня должен уже ждать Лоренцо. Мы забрали их чемоданы и мне интересно что-же она может там скрывать, может будет её разгадка. Я зашёл в комнату, а Лоренцо уже сидел в кресле, перебирая вещи Камиллы: аккуратно, почти лениво, но на самом деле — ничего не упуская.

— Одежда, техника, документы... — пробормотал он, пролистывая паспорт. — Подделка высокого уровня. Очень высокого.

— Я и не ожидал меньшего. — спокойно ответил.

Увидел второй чемодан. Милены. Думал приказать своим людям обыскать его, но я должен увидеть всё сам. Открыл замок и присел, медленно откинул крышку и замер на секунду, осматривая содержимое. Всё было слишком... аккуратно. Слишком продумано.

— Они собирались не просто уехать. — тихо сказал Лоренцо. — Они готовились исчезнуть. И по вещам можно заметить, что девочки слишком хороши в этом.

Я ничего не ответил, просто начал перебирать вещи. Одежда. Минимум лишнего. Никаких sentimentalных предметов. Никаких фотографий. Как будто у неё никогда не было жизни «до». И именно это настораживало сильнее всего. Мои пальцы наткнулись на косметичку. Обычная. Ничего примечательного. Открыл её.

Помада. Тени. Пудра. Прочие женские штучки.

И... пузырёк, маленький, невзрачный.

Я достал его, повертел в пальцах и прочитал название. И впервые за всё время... замер. Лоренцо это увидел.

— Что там? — спросил он.

Я не сразу ответил.

— Это не просто успокоительное. — ответил тихо. — Такие препараты просто так не принимают.

Лоренцо встал и подошёл ближе. Забрал пузырёк из моих рук, прочитал этикетку, сказав:

— После сильных травм. ПТСР. Панические атаки... бессонница или кошмары.

Тишина в комнате стала тяжелее.

Я обдумывал всё услышанное.

— Значит, наш «белый лист»... не такой уж чистый.

Лоренцо слегка усмехнулся.

— Ты разочарован?

— Наоборот. Мне интересно... кто её сломал.

Лоренцо прищурился.

— И зачем тебе это?

Я забрал у него пузырёк и убрал в карман пиджака.

— Потому что сломанных людей легче контролировать. Или... *невозможно*.

Хотел уже уйти, но спросил:

— А у второй ничего интересного нет?

— Ну как сказать... куча различной техники от микро наушников до навороченного ноутбука. Не думаю, что обычной девушке нужны такие вещи, есть о чём задуматься.

Я пристально посмотрел на Лоренцо.

— Значит ты у неё всё и узнаешь, полагаюсь на тебя. — сказал ему.

— Ты серьёзно сейчас?! Я с ней вообще не собираюсь говорить. Ты видел её? Она ненормальная! Пусть лучше Марко.

Но я уже не отвечал, просто развернулся и ушёл. Сейчас меня это не волновало, я думал лишь об одном, о Милене. И мне это не нравилось, мне должно быть всё равно, но если её мучают кошмары... я не могу так это оставить, потому что моё прошлое тоже преследует меня, почти каждый раз когда засыпаю.

Кошмар.

Ночь в особняке была слишком тихой. Такой тишиной, в которой мысли становятся громче. Милена проснулась не сразу. Сначала — сон. Потом — страх. И только потом — тело.

Она резко вдохнула, но звук застрял где-то в горле.

Комната была тёмной. Слишком тёмной. Тени на стенах двигались, и на секунду ей показалось, что она снова там.

Россия.

Холодный пол. Касания. Голос. Неприятные поцелуи.

— Не смотри на меня так. Я почти твой муж.

Руки на запястьях, сильные и грубые. Алтарь. Чужие лица. И он. Игорь — за которого Милена должна была выйти замуж. И его мерзкая, похотливая улыбка.

— Ты принадлежишь мне.

— Нет... — прошептала она. — Игорь, прошу, не надо!

Но голос сорвался. И в следующую секунду всё смешалось.

Выстрелы. Крики. Отец.

— Стреляй точнее! Идиотка! Как у меня могла появиться такая дочь!

Она резко открыла глаза и села на кровати. Сердце билось так, будто хотело разорвать грудную клетку. По коже стекал холодный пот. Руки дрожали.

— Хватит... — прошептала она на русском. — Пожалуйста... хватит...

Но кошмар не отпускал. Она сжала простыню так, что побелели пальцы. Милена судорожно глотала воздух, пытаясь осознать, где заканчивается прошлое и начинается настоящее. Стены особняка давили, а аромат лилий в вазе казался запахом похоронных цветов. Она обхватила себя руками за плечи, пытаясь унять дрожь, но тело её не слушалось.

Дверь приоткрылась, пропуская полоску света из коридора. Тяжелый, уверенный силуэт замер на пороге.

— Уйди... — выдохнула она по-русски, даже не понимая, что говорит не на итальянском.

Алессандро вошел в комнату. Он был без пиджака, в расстегнутой на пару пуговиц рубашке. В его руке был тот самый пузырек. Он видел её состояние: расширенные зрачки, испарина на лбу и этот дикий, загнанный взгляд. И он слышал, как она кричала во сне. Наемница исчезла. Перед ним была просто сломленная девочка.

Он подошел к кровати. Милена дернулась назад, вжимаясь в изголовье.

— Не трогай меня!

— Тихе. — голос Алессандро прозвучал неожиданно мягко, но в нем всё еще чувствовалась сталь. — Ты в безопасности. Игорь не придет сюда.

При звуке этого имени Милена замерла. Откуда он знает? Но страх был сильнее любопытства. Её продолжало трясти.

Алессандро сел на край кровати. Он не стал спрашивать разрешения — он просто протянул свои огромные ладони и обхватил её дрожащие пальцы. Его руки были горячими, почти обжигающими по сравнению с её ледяной кожей.

— Дыши, Милена. Смотри на меня.

Она подняла глаза. В тусклом свете его серые глаза казались расплавленным свинцом. В них не было насмешки. Было нечто пугающее — понимание.

— Я нашел твои таблетки. — он кивнул на пузырек. — Но сейчас они тебе не помогут. Тебе нужно заземлиться.

Он потянул её на себя. Милена попыталась сопротивляться, слабо уперевшись ладонями в его грудь, но он был как скала. Алессандро обнял её, притиснув к себе. Его подбородок лег ей на макушку, а одна рука медленно начала гладить её по спине, успокаивающим, ритмичным движением.

— Пусти... — прошептала она, хотя сама уже бессознательно вцепилась пальцами в его рубашку.

— Нет. Ты сейчас разобьешься вдребезги, если я тебя отпущу. — он вдохнул запах её волос.

— Успокойся, мой маленький *orsetto*. Твои демоны сегодня не пройдут через эту дверь. Я им не позволю.

Милена замерла. Это было странно: человек, который запер её здесь, стал её единственным спасением от ужаса. Она почувствовала, как ритм его сердца — ровный, мощный — постепенно заставляет её собственное сердце замедлиться. Озноб сменялся теплом.

— Почему? — спросила она спустя долгое время, уткнувшись ему в плечо. — Почему тебе не всё равно? Ты ведь хочешь использовать меня.

Алессандро на мгновение замер. Его рука на её спине остановилась.

— Потому что в этом доме достаточно призраков и без твоих, Милена.

Он не сказал ей, что сам видит лицо отца каждую ночь. Он не сказал, что её крик в тишине особняка отозвался в его собственной душе чем-то забытым и болезненным.

— Поспи — приказал он, снова начиная гладить её по волосам. — Я буду здесь, пока ты не уснешь. И попробуй только завтра сказать, что я тебя напугал.

Милена ничего не ответила. Её веки стали тяжелыми. Усталость от пережитого ужаса и странное чувство безопасности в руках врага сделали свое дело. Она заснула, всё еще сжимая край его рубашки.

А Алессандро так и сидел в темноте, глядя в окно. Он знал, что Лоренцо будет в ярости. Он знал, что Марко будет смеяться. Но сейчас, чувствуя её ровное дыхание у себя на груди, он понимал: ящик Пандоры действительно открыт. И назад пути нет. Убедившись, что Милена спит, он аккуратно поставил пузырёк с лекарством на тумбу и бесшумно вышел.

Алессандро.

Я сидел неподвижно до тех пор, пока её пальцы, вцепившиеся в мою рубашку, наконец не расслабились. Дыхание Милены стало глубоким и ровным — кошмар отступил, оставив после себя лишь бледность на её лице и горький привкус тайны в воздухе.

Я осторожно высвободился, стараясь не нарушить этот хрупкий сон. На мгновение я задержался у кровати, глядя на неё в лунном свете. Кто ты на самом деле, Милена? И почему мой инстинкт самосохранения молчит, когда я нахожусь так близко к тебе?

Выйдя из комнаты, я запер дверь. Щелчок замка отозвался во мне странным чувством вины, которое я тут же подавил.

В своей комнате я не стал зажигать свет. Налил себе двойную порцию виски — ту самую обжигающую жидкость, которая помогала заглушить собственных демонов. Сигаретный дым медленно заполнял пространство, сплетаясь в причудливые узоры. Я подошел к окну, глядя на ночной лес.

Зачем я это сделал? Зачем сидел там, как влюбленный мальчишка, баюкая на руках русскую незнакомку, которая завтра может перерезать мне горло? Ответ мне не нравился: она была мне интересна. Не как трофей, а как равный противник, у которого вырвали сердце, но оставили волю к жизни.

Я достал телефон и набрал короткое сообщение Лоренцо: «Пробей всё по русскому имени Игорь. Связь с Миленой. Свадьба, насилие, любая грязь. Мне нужно всё до рассвета».

Холодный душ не помог смыть напряжение, но хотя бы вернул ясность мыслей. Я лег в постель, зная, что завтра всё изменится, потому что хотя бы её крики во сне дали мне частичку информации о её прошлом.

Утро.

Я встал в шесть. Дисциплина — это то, что удерживало меня на троне, пока другие сгорали в хаосе своих желаний. Ледяная вода в лицо, безупречно выбритый подбородок. Я надел темно-серый костюм, сшитый на заказ, и застегнул на запястье тяжелые «Patek Philippe». Эти часы стоили как небольшая вилла, но для меня они были лишь напоминанием о том, что время — мой самый ценный ресурс. И сейчас я тратил его на «белый лист» из России.

В столовой уже пахло крепким кофе. Я налил себе чашку черного, без сахара — горечь помогала окончательно проснуться. Вскоре за столом собрались все.

Первым вошел Лоренцо, выглядевший так, будто и вовсе не ложился. Следом завалился Марко, как всегда шумный и самодовольный, а за ним тенью проследовал Винченцо.

— Доброе утро, братья. — я сделал глоток кофе, обводя их взглядом. — Докладывайте.

Марко тут же схватил тост и ухмыльнулся:

— Твоя «танцовщица» всю ночь не подавала звуков. А вот та, что досталась Лоренцо... Боже, я слышал, как она орала русские маты через три стены. Лоренцо, ты там как, живой?

Лоренцо лишь устало потер переносицу, проигнорировав выпад.

— Камилла — это технический гений на стероидах. Я проверил её технику. Там софт, который используют спецслужбы. Эти девчонки не просто беглянки, Алессандро. Они — подготовленная группа ликвидации. И если мы оставим их в особняке, мы сильно рискуем.

Винченцо, который до этого молча резал ветчину, поднял свой тяжелый взгляд на меня:

— Скажи слово, и я избавлюсь от них. Это самый безопасный вариант.

В столовой повисла тишина. Марко перестал жевать, ожидая моего решения. Лоренцо внимательно наблюдал за моей реакцией.

Я поставил чашку на стол. Звук фарфора о мрамор прозвучал как выстрел.

— Нет. Убивать их мы не будем. По крайней мере, сейчас.

— Почему? — Лоренцо прищурился. — Из-за того, что ты узнал ночью?

Я выдержал его взгляд.

— Потому что они знают русских изнутри. Имя «Игорь», которое я тебе скинул — это только верхушка айсберга. Милена — не просто беглянка... Она — ключ к тем, кто мог убить нашу семью. Я уверен, что они знают многое. Мы будем использовать их.

Марко присвистнул.

— Использовать? Алессандро, ты хочешь выпустить этих кошек на охоту под нашим флагом? Это безумие.

— Это стратегия. — отрезал я. — Винченцо, подготовишь стрельбище. Я хочу лично увидеть, на что способна наша «orsetto», когда у неё в руках не лепестки лилий, а сталь.

Я встал, давая понять, что завтрак окончен.

— Лоренцо, подготовь контракт. Они будут работать на нас. Либо так, либо... — я сделал паузу, вспоминая, как Милена шептала «убей меня» мне в губы. — Либо они никогда не покинут эти стены живыми.

Я вышел из столовой, чувствуя на себе озадаченные взгляды братьев. Я лгал им. Я оставлял её здесь не только ради дела. Я оставлял её, потому что хотел снова увидеть этот вызов в её зеленых глазах. И это была моя самая опасная игра.

Милена.

Я проснулась рывком, когда солнечный луч полоснул меня по глазам. Первая мысль — где я? Вторая — я одна.

Простыни с левой стороны были холодными. Алессандро ушёл. Я села на кровати, обхватив колени руками, и попыталась восстановить в памяти обрывки прошлой ночи. Вспышки

кошмара: голос отца, холодное лицо Игоря, запах пороха... А потом — тепло. Тяжелые, обжигающие руки на моих плечах и низкий голос, шептавший что-то на итальянском.

«Тихо, orsetto... я здесь».

Черт. Я зажмурилась, чувствуя, как к горлу подкатывает ком стыда. Я позволила ему увидеть себя такой? Сломленной, кричащей во сне, слабой? И что именно я выкрикивала? Слышал ли он имя Игоря? Если да, то мой «белый лист» только что покрылся кровавыми пятнами моего прошлого.

Нужно было прийти в себя. Срочно.

Я встала и направилась в душ. Ледяная вода помогла смыть остатки ночного ужаса и липкое ощущение беспомощности. Я долго стояла под струями, заставляя себя дышать ровно. Выйдя, я взглянула в зеркало: бледная, с темными кругами под глазами. Немного туши, чтобы взгляд не казался таким потерянным, капля блеска на губы — моя привычная броня.

В шкафу висела одежда, которая пугала своей точностью. Я выбрала простые темно-синие джинсы и серую майку на тонких лямках. Лето в Италии было беспощадным, и даже толстые стены особняка не спасали от предчувствия жары.

Тихий стук в дверь заставил меня вздрогнуть.

— Войдите.

В комнату вошла женщина лет пятидесяти. У неё были добрые, но внимательные глаза и натруженные руки. Она несла поднос, от которого исходил аромат свежей каши.

— Доброе утро, милая. Я Кьяра, кухарка в этом доме. — она поставила поднос на стол. — Алессандро сказал, что тебе нужно подкрепиться.

Она посмотрела на меня с каким-то странным сочувствием, которое мне совсем не понравилось.

— Что будешь пить? Кофе или чай?

— Черный кофе. Без сахара. — ответила я, надеясь, что голос звучит достаточно твердо.

Кьяра на мгновение замерла, её брови удивленно приподнялись. Видимо, девушки, которых обычно привозили в этот особняк, предпочитали что-то полегче.

— Черный кофе? — переспросила она. — Хорошо, сейчас принесу.

Она вышла и вернулась ровно через три минуты. Поставила чашку, от которой шел густой, горький аромат, и кивнула на тарелку.

— Ешь хорошо, деточка. После завтрака вас с подругой ждут на стрельбище. Все мужчины уже там.

Стрельбище. Значит, проверка началась. Мои пальцы непроизвольно сжались.

— Кьяра... — я окликнула её, когда она уже собиралась уходить. — Могу я спросить?

Про Алессандро.

Женщина обернулась, её лицо стало непроницаемым.

— О хозяине говорить не положено, синьора.

— Хотя бы... сколько ему лет? — я попыталась сделать голос максимально будничным.

Кьяра помедлила, глядя на дверь, будто проверяя, не подслушивает ли кто.

— Тридцать. — тихо ответила она. — Он несколько лет назад стал главой семьи. Кушай, тебе нужны силы.

Она быстро вышла, оставив меня одну. Тридцать... девять лет разницы. Девять лет опыта в мире, где каждый день идет за три. Я сделала глоток обжигающего кофе. Горько. Как и всё в этом доме.

Надев кроссовки, я посмотрела на свое отражение. Наемница, танцовщица, беглянка... Кем бы я ни была, сегодня мне придется доказать, что я стою того, чтобы меня оставили в живых. Или того, чтобы меня боялись.

Бонус 1. Камилла и Лоренцо.

Лоренцо.

Если бы меня спросили, какая черта характера самая бесполезная, я бы ответил — импульсивность. А эта девчонка, запертая в западном крыле особняка, была её живым воплощением.

Я сидел в кабинете, перед горой её вещей. На первый взгляд — гардероб типичной красотки, привыкшей к вниманию. Но под вторым дном чемодана я нашел то, что заставило мой мозг работать на максимальных оборотах. Компактный ноутбук с кастомной прошивкой, россыпь микро-наушников, передатчики, которые не купить в обычном магазине...

Эта Камилла не просто подруга наемницы. Она — её мозг. Её технический охват. И она чертовски опасна, потому что в отличие от Милены, которая угрожает взглядом, она совершенно не умеет молчать.

Я не хотел идти к ней. Алессандро ясно дал понять, что эта «проблема» теперь на мне. Но каждый раз, когда я вспоминал её дерзкий взгляд на пороге, у меня сводило челюсти. Она была хаосом. А я ненавидел хаос.

Камилла.

Когда дверь открылась, я даже не пошевелилась. Я сидела на краю кровати, плотно скрестив руки на груди. Злость кипела во мне так, что, казалось, лампочки в комнате должны были лопнуть.

На пороге стоял Лоренцо. Мистер «Я-самый-умный-в-этой-мафии». Безупречный костюм, ни одной лишней складки, лицо — кусок холодного мрамора. Раздражает.

Он вошел, закрыл дверь и остановился, глядя на меня сверху вниз.

— Ты долго собираешься играть в обиженную принцессу? — его голос был сухим и ровным.

— А ты долго собираешься играть в великого инквизитора, придурок в галстуке? — я вскинула подбородок, не скрывая презрения.

Лоренцо проигнорировал мой выпад. Он подошел к столу и бросил на него мой ноутбук.

— Объясни мне это. Обычные танцовщицы не возят с собой оборудование, способное взломать серверную Ватикана за пять минут. Кто вы такие на самом деле? И на кого вы работаете?

Я рассмеялась. Громко и зло.

— О, так ты залез в мои трусики и нашел там железо? Какой ты внимательный, Лоренцо. Может, тебе еще ключи от наших счетов дать? Или адрес, где мы храним наши «планы по захвату мира»?

— Камилла, не паясничай. — он сделал шаг ко мне, и я почувствовала, как воздух в комнате похолодел. — У нас конфликт с русскими. И тут появляетесь вы — две подготовленные девицы с полным набором шпионского софта. Винченцо хочет вскрыть вам вены прямо сейчас. Алессандро пока медлит. Но если ты не начнешь отвечать...

— То что? — я сорвалась с кровати и подошла к нему вплотную. — Ударить меня? Или запрешь в подвале? Да пошел ты нахуй, слышишь? Stronzo! (придурок — итал.) Мы бежали от смерти в России, чтобы встретить таких же недоносков в Италии?

Я перешла на русский мат, выплескивая на него всё, что накопилось. Слова лились потоком — острые, грязные, хлесткие. Я знала, что он не понимает половины, но тон был понятен любому.

Лоренцо замер. Его карие глаза потемнели, а на скулах заиграли желваки. Я видела, как его хваленое самообладание дает трещину. Он резко схватил меня за локоть, притягивая к себе так близко, что я видела каждую ворсинку на его чертовом дорогом пиджаке.

— Закрой свой рот! — прошипел он мне в самое лицо. — Ты в моем доме. И если я решу, что ты — угроза, никакая Милена тебя не спасет.

— Ты просто боишься. — я прошептала это ему прямо в губы, чувствуя, как его пальцы сильнее сжимают мою кожу. — Боишься, что не можешь просчитать меня. Я для тебя — системная ошибка, Лоренцо. И я тебе чертовски нравлюсь именно поэтому.

Он оттолкнул меня так резко, будто обжегся. Его дыхание было сбитым, хотя он изо всех сил старался это скрыть.

— Ты ненормальная! — бросил он, разворачиваясь к двери. — Просто сумасшедшая русская девка.

— Иди-иди! — крикнула я ему в спину. — И не забудь проверить чемодан еще раз, может, найдешь там мою совесть! Спойлер: её там нет!

Дверь захлопнулась с такой силой, что картина на стене перекосилась. Я рухнула обратно на кровать, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Лоренцо думал, что он охотник. Но он еще не понял, что зашел в клетку к кошке, которая не умеет мурлыкать. Она умеет только кусаться.

Лоренцо.

Я вышел из её комнаты и с силой захлопнул дверь, но её запах — смесь цитруса и чего-то дразняще-острого — казалось, преследовал меня по всему коридору. Чертова девчонка. Она бесила меня до дрожи в пальцах, но ещё больше меня бесило то, как мой взгляд невольно фиксировался на её движениях. В том, как она вскидывала подбородок или дерзко сокращала дистанцию, было слишком много жизни. Слишком много огня для моего стерильно чистого мира.

Я зашел в свой кабинет и, не включая свет, достал телефон. Пальцы быстро набрали сообщение Алессандро: «Завтра выводим на стрельбище обеих. Я хочу увидеть вторую в деле. Она слишком много болтает, пора узнать, что она умеет на самом деле».

Всю ночь я провел перед экранами мониторов. Её ноутбук был настоящей крепостью. Шифрование военного уровня, ловушки, «черви», готовые сожрать систему при любой ошибке... но сложные системы были моей страстью.

Утро.

К четырем часам утра, когда глаза уже жгло от напряжения, я наконец пробил брешь. В скрытой папке, замаскированной под системный мусор, я нашел то, что искал. Фотографии, записи, старые отчеты. Одно имя всплывало чаще других.

Игорь.

Жених Милены. Сын влиятельного русского чиновника. Человек, от которого они бежали. Теперь пазл начал складываться.

Я не спал ни минуты. Когда солнце начало заливать сад особняка, я поднялся со своего кресла, поправил галстук и направился к Камилле. Мне нужно было увидеть её лицо, когда она поймет, что я залез в её секреты.

Я вошел без стука. Она сидела на кровати, всё в той же позе, будто и не ложилась.

— Ты снова здесь? — она скривилась, но тут же замолчала, взглядываясь в моё лицо. — Ого... Выглядишь как дерьмо, Лоренцо. Неужели я снилась тебе в кошмарах?

— Твой ноутбук оказался интереснее моих снов. — я подошел и бросил перед ней распечатку. — Игорь. Сын чиновника. Красивая история для побега, Камилла. Жаль только, что вы оставили такой явный след.

Она вздрогнула. На секунду в её глазах промелькнула настоящая паника, но она тут же скрыла её за маской ярости. Она вскочила, буквально подлетая ко мне.

— Ты... ты копался в моих файлах всю ночь? — её голос дрожал от злости. — Ты хоть понимаешь, что это личное, ты, гребаный сталкер?!

— В этом доме нет ничего личного. — отчеканил я, хотя голова гудела от усталости. — Ты думала, что ты умнее всех?

Камилла вдруг замолчала. Она подошла вплотную, пристально рассматривая темные круги под моими глазами и помятую рубашку. Её губы расплылись в ядовитой усмешке.

— Ты не спал всю ночь, чтобы взломать мой пароль? Seriously? — она рассмеялась мне прямо в лицо, и этот звук полоснул меня по нервам. — Господи, Лоренцо, ты такой жалкий. Ты потратил восемь часов на то, что я могу изменить за пять минут. Я поставлю новый протокол еще до того, как ты допьешь свой утренний кофе.

Она ткнула пальцем мне в грудь, прямо туда, где бешено колотилось сердце.

— Ты думаешь, что контролируешь ситуацию, но на самом деле ты просто одержим мной. И это тебя убивает, правда?

Я перехватил её руку, сжимая запястье чуть сильнее, чем следовало.

— Собирайся. Через полчаса ты на стрельбище. И лучше бы тебе стрелять так же хорошо, как ты пиздишь, Камила. Иначе я лично вышвырну тебя за ворота, прямо в лапы какому-то Игорю.

— Посмотрим, кто из нас первым промахнется, «мистер Идеал». — бросила она мне в спину.

Я вышел, чувствуя, как внутри всё горит. Она была права. Я был одержим. И это было самое опасное, что случилось со мной за все тридцать два года жизни.

Глава 6

Милена.

Я допила кофе, чувствуя, как горький напиток окончательно пробудил во мне наемницу. Кьяра стояла рядом, терпеливо дожидаясь, пока я закончу. В её взгляде было что-то материнское, и это раздражало — в этом доме сочувствие было лишним балластом.

— Пора. — тихо сказала она. — Я провожу тебя.

Мы вышли из особняка через задний ход. Поместье Алессандро было огромным, и только сейчас я поняла, насколько это настоящая крепость. Мы шли мимо кипарисов к отдаленной части сада, где за высокой живой изгородью скрывалось современное стрельбище.

Звуки выстрелов я услышала еще издали. Ритмичные, четкие. Кто-то тренировался.

Когда мы зашли на территорию, я увидела их всех. Алессандро стоял в центре, сложив руки на груди. Рядом — Лоренцо, который выглядел так, будто не спал неделю, и Марко, что-то весело обсуждавший с угрюмым Винченцо.

Камилла уже была там. Она стояла чуть в стороне под навесом, выглядя взъерошенной и злой. Завидев меня, она тут же рванула навстречу.

— Ты как? — шепнула она, хватая меня за предплечья. Её глаза быстро сканировали моё лицо. — Этот ублюдок в галстуке всю ночь взламывал мой ноут. Он знает про Игоря, Мил.

— Я знаю. — так же тихо ответила я, сжимая её ладонь. — Алессандро заходил ко мне ночью. Главное — не давай им залезть тебе в голову, Ками. Мы всё еще в игре.

— Эй, голубки, хватит шептаться! — крикнул Марко, помахивая рукой. — Мы тут решили устроить утреннее шоу.

Я повернулась к Алессандро. Он смотрел на меня в упор, и в его серых глазах не осталось и следа той ночной нежности. Сейчас он был Доном. Хозяином.

— Кьяра сказала, ты любишь черный кофе. — Алессандро сделал шаг ко мне, указывая на стол, где лежало несколько видов оружия: от классических «Беретт» до штурмовых винтовок. — Проверим, так же ли тверда твоя рука. Покажи, на что ты способна.

Я изобразила на лице легкое недоумение, отступая на шаг.

— Я танцовщица, Алессандро. Я умею стрелять только глазами в баре. Ты хочешь, чтобы я испортила маникюр об эти железки?

Лоренцо издал короткий, сухой смешок. Винченцо даже не шелохнулся.

— Хватит ломать комедию, Милена. — голос Алессандро стал холодным. — Я видел твои кошмары. Я видел твои таблетки. И я знаю, что «белые листы» не умеют так профессионально исчезать. Возьми оружие. Это не просьба.

Я медлила, обводя взглядом их лица. Они ждали моей слабости. Они хотели увидеть, как я промахнусь.

— Ладно. — я резко выдохнула, сбрасывая маску невинности. — Если тебе так хочется шоу — ты его получишь.

Я подошла к столу. Пальцы привычно легли на рукоять «Glock 17». Вес металла отозвался в теле знакомым спокойствием. Это было правильное чувство. Сталь была честнее людей.

Я проверила магазин, передернула затвор — звук был четким, как щелчок хлыста. Не давая себе времени на раздумья, я развернулась к мишеням.

Бам! Бам-бам!

Три пули ушли в центр первой мишени меньше чем за секунду. Я не останавливалась. Отбросила «Глок», подхватила «Беретту», выбивая десятки на соседнем ряду. Движения были отточенными, доведенными до автоматизма годами тренировок в подвалах с отцом.

Мир сузился до мушки и цели. Я чувствовала отдачу в плечо, запах пороха, который вытеснил аромат лилий. Я перешла на карабин, короткими очередями срезая дальние мишени. В голове было пусто и холодно.

Когда последняя гильза со звоном упала на бетонный пол, наступила мертвая тишина.

Я медленно опустила оружие и обернулась.

Марко застыл с открытым ртом, так и не донеся сигарету до губ. Лоренцо выпрямился, его глаза за стеклами очков расширились от шока. Даже Винченцо, этот кусок скалы, нахмурился, переглядываясь с братьями.

Алессандро стоял неподвижно. Его взгляд был прикован ко мне — темный, тяжелый, наполненный чем-то средним между яростью и диким восторгом.

Я сдула прядь волос с лица и дерзко усмехнулась, глядя прямо на Алессандро.

— Ну что, Дон? Маникюр цел. А вот твои мишени — не очень.

Винченцо первым нарушил молчание, пробасив:

— Она стреляет лучше, чем половина моих людей. Алессандро, это не танцовщица. Это профессиональный киллер.

Алессандро медленно подошел ко мне. Он остановился так близко, что я чувствовала жар его тела. Его рука поднялась, и он медленно, почти благоговейно, коснулся моего плеча, всё еще вздрагивающего от адреналина.

— Я был прав. — прошептал он так, чтобы слышала только я. — Ты — самое опасное, что я когда-либо приводил в этот дом. И самое прекрасное.

Я видела, как в его глазах вспыхнул огонь. Это была не просто стратегия. Это было признание. Он нашел свою равную. И теперь он ни за что меня не отпустит.

Шок от моей стрельбы еще не утих, но Алессандро уже готовил следующее испытание. Он не собирался давать нам передышку.

— Стрельба — это база. — Алессандро подошел к нам, жестом указывая на тренировочный плац, заполненный полосой препятствий, движущимися мишенями и лазерными датчиками. — Но в реальном деле ты можешь ослепнуть. Или оказаться в полной темноте. Ты должна доверять не только себе, но и своему напарнику.

Винченцо принес плотную черную повязку.

— Завязывай. — приказал Алессандро, глядя мне в глаза. — Камилла, твой выход.

Камилла, уже успевшая разложить свой ноутбук прямо на капоте одного из внедорожников, воткнула наушник в ухо и быстро застучала по клавишам. Её лицо преобразилось: паника исчезла, уступив место ледяной сосредоточенности технаря.

— Я в системе плаца. — бросила она, не глядя на Лоренцо, который встал у неё за спиной, внимательно следя за кодом на экране. — Подключаю тактический аудиоканал. Мил, ты меня слышишь?

Я почувствовала, как Винченцо туго затянул повязку. Мир погрузился в абсолютную черноту. Я вставила микро-наушник и глубоко вдохнула.

— Слышу тебя, Ками. Веди меня.

Камилла.

Я видела плац на мониторе в виде тепловой карты и сетки координат. Каждый датчик, каждая движущаяся преграда подсвечивались красным.

— Внимание. — мой голос в наушнике был спокойным и четким. — Старт через три... две... одну... Беги! Прямо, двенадцать шагов. Быстрее!

Милена сорвалась с места. Она бежала в полную темноту, полагаясь только на мой голос.

— Слайд! — скомандовала я. Она упала на колени, проскальзывая под вращающейся балкой, которую я видела на экране. — Вверх! Прыжок!

Милена прыгнула, цепляясь за перекладину, о существовании которой знала только с моих слов. Я видела, как Марко присвистнул, а Алессандро не сводил с неё глаз, сжимая челюсти.

— Вправо, сорок пять градусов. — продолжала я, одновременно взламывая протокол безопасности плаца, чтобы отключить ловушки, которые Винченцо пытался активировать вручную. — Сейчас будет стена. Толчок левой, захват на два часа. Прыгай!

Она двигалась как тень. Это был танец вслепую, где я была её глазами.

Милена.

Голос Камиллы в ухе был моим единственным якорем. Я не видела ничего, но чувствовала каждый поворот. Когда она говорила «бей», я била. Когда говорила «замри», я переставала дышать.

— Последний этап, Мил. — голос Камиллы стал жестче. — Рукопашный. Перед тобой двое. Один на одиннадцать часов, второй на два.

Я услышала тяжелые шаги. Профессиональные бойцы Алессандро.

— Первый идет в атаку. — доложила Камилла. Её пальцы на клавиатуре строчили как пулемет — она одновременно взламывала цифровой замок на тренировочном сейфе в конце плаца, выполняя дополнительное задание Алессандро. — Уклон влево! Низкий удар!

Я прыгнулась, чувствуя, как кулак противника рассекает воздух над моей головой. Разворот, удар пяткой в колено — услышала глухой рык боли.

— Второй! — крикнула Камилла. — Прямой в челюсть, потом локтем. Сейчас!

Я сделала выпад, ориентируясь на её команду. Мой локоть встретился с чем-то твердым. Боец рухнул.

— Сейф вскрыт! — Камилла победно вскрикнула. — Мил, на три часа, финишная черта в пяти метрах. Срывай повязку!

Я сорвала черную ткань. Свет больно ударил по глазам, но я уже стояла у вскрытого электронного сейфа. Тяжело дыша, я обернулась.

Братья де Лука стояли в полном молчании.

Лоренцо медленно перевел взгляд с экрана ноутбука Камиллы на самую девушку. Она только что взломала его собственную систему защиты плаца, пока вела напарницу через рукопашный бой.

— Это было... — Марко попытался подобрать слово, но только покачал головой. — Это было чертовски красиво. Вы работаете как один организм.

Винченцо подошел к своим поверженным бойцам, помогая им подняться, и бросил на нас короткий, одобрительный взгляд. Для него это было высшей похвалой.

Алессандро медленно подошел ко мне. Он взял повязку из моих рук и отбросил её в сторону.

— Ты доверяешь ей свою жизнь. — это был не вопрос, а констатация факта.

— Больше, чем свою. — ответила я, вытирая пот со лба.

Алессандро повернулся к Лоренцо:

— Готовь контракты. Они нам нужны обе. И, Лоренцо... поменяй пароли. Кажется, твоя «ненормальная» только что сделала тебя в прямом эфире.

Камилла громко захлопнула крышку ноутбука и показала Лоренцо язык. Тот лишь поправил очки, но я видела, как в его глазах вспыхнул опасный азарт. Он наконец-то нашел достойного противника.

— Игра только начинается. — прошептал Алессандро, беря меня за подбородок. — Теперь вы — часть Семьи. И теперь ваша война — это моя война.

Я стояла перед Алессандро, чувствуя, как адреналин после боя сменяется горьким привкусом реальности. Контракт. Семья. Он произносил эти слова так, будто предлагал мне спасение, но я видела в них лишь новые цепи.

— Никакого контракта не будет, Алессандро! — отрезала я, делая шаг вперед. — Я не занималась к тебе на работу. Мы не твои солдаты и уж точно не твоя собственность.

Лоренцо, стоявший рядом с Камиллой, вскинул брови, а Марко перестал улыбаться. В этом мире Дону не говорят «нет». Но я не была частью его мира.

Алессандро сузил глаза. В его взгляде промелькнула опасная искра, но он остался спокоен.

— У тебя короткая память, Милена. Ты в моем доме, под моей защитой. Твое прошлое дышит тебе в затылок. Без меня ты — труп, который просто еще об этом не знает.

— И какова цена этой «защиты»? — я вызывающе усмехнулась. — Что мы должны делать? Убивать твоих конкурентов? Танцевать на столах в твоих клубах? Или просто ждать, пока ты решишь, что мы тебе надоели?

Алессандро подошел ко мне вплотную. Его голос стал тихим, вибрирующим от скрытой мощи:

— Вы будете моими глазами и ушами в российском секторе. Вы знаете их коды, их маршруты и их слабые места. Вы будете делать то, что я прикажу. Взамен вы получите неприкосновенность.

— Я не меняю одного хозяина на другого! — выкрикнула я.

В этот момент я почувствовала, как Камилла осторожно коснулась моего локтя. Она подошла ближе, и я увидела в её глазах не страх, а холодный, расчетливый блеск. Она наклонилась к моему уху, едва касаясь его губами.

— Мил, притормози... — прошептала она так тихо, что даже Алессандро не мог разобрать слов. — Подумай головой. У них есть ресурсы, которых у нас никогда не будет. Лоренцо уже залез в наши файлы. Они знают про Игоря и могут помочь с Паханом...

Я замерла. Одно упоминание моего отца заставило мои внутренности сжаться.

— Если мы подпишем это — продолжала Камилла, — мы сможем использовать их армию, чтобы добраться до него. Мы сможем вырезать эту опухоль раз и навсегда. С ними за спиной мы не просто беглянки. Мы — карательный отряд. Только так мы сможем стать по-настоящему свободными. Убьем Пахана — и нам больше не придется оглядываться.

Слова подруги ударили в цель. Она была права. Мы могли бегать вечно, скрываясь по углам, или могли развернуться и нанести удар в самое сердце того ада, из которого вырвались. Но для этого нам нужен был Алессандро.

Я медленно перевела взгляд на Алессандро. Он ждал. Он видел, что между нами произошёл диалог, и он знал, что Камилла — мой голос разума.

— Ладно. — я выпрямилась, сбрасывая оцепенение. — Но это будет не контракт. Это будет пакт о сотрудничестве.

Я увидела, как уголок его губ едва заметно дернулся вверх.

— Условия?

— Первое: мы не пешки. Все операции обсуждаются со мной. Второе: Камилла получает полный доступ к техническому обеспечению Лоренцо без его надзора.

Лоренцо за спиной Алессандро возмущенно выдохнул, но Дон жестом заставил его замолчать.

— И третье. — я сделала паузу, глядя Алессандро прямо в его стальные глаза. — Когда придет время, ты поможешь нам уничтожить Пахана. Всеми твоими силами. Без вопросов и без пощады.

В воздухе повисла тяжелая тишина. Это была огромная цена. Пахан — это война с русской мафией на уничтожение.

Алессандро сделал шаг ко мне, сокращая последние сантиметры. Он протянул руку — не для того, чтобы ударить, а чтобы закрепить сделку.

— Значит, мы будем жечь этот мир вместе, orsetto. — пророкотал он. — Договорились.

Я вложила свою ладонь в его. Его хватка была железной, собственнической. В этот момент я поняла: мы только что открыли врата в настоящий ад. Но на этот раз мы входили в него не жертвами, а теми, кто принесет с собой огонь.

Глава 7

Милена.

Моя ладонь всё еще горела от его хватки. Алессандро отпустил мою руку не сразу — он задержал её на лишнюю секунду, словно закрепляя клеймо. В его взгляде, за пеленой азарта, я видела холодный расчет. Он знал, что я сдалась не из-за страха, а из-за возможности отомстить. И это делало меня в его глазах еще ценнее.

— Винченцо, убери здесь всё. — скомандовал Алессандро, не оборачиваясь к брату. — Милена, Камилла... С этого момента вы можете свободно перемещаться по особняку и территории. Двери ваших комнат больше не будут запираются.

Я удивленно вскинула брови. Камилла рядом со мной облегченно выдохнула, но я видела, как Лоренцо недовольно поджал губы.

— Но помните... — добавил Алессандро, делая шаг ко мне и понижая голос до опасного шепота. — Свобода в этом доме — это привилегия, а не право. За каждым вашим шагом будут следить. Не пытайтесь покинуть периметр. Мои люди стреляют быстрее, чем вы бегаєте.

Он развернулся и пошел к особняку, бросив через плечо:

— Жду вас обоих в моем кабинете через пятнадцать минут. Пришло время отработать ваш пакт.

Я чувствовала, что Алессандро что-то недоговаривает. То, как он смотрел на меня после моих слов об Игоре и Пахане... Он понял, что я скрыла самую грязную часть правды. И он явно собирался вытрясти её из меня при первом удобном случае. Но я рада, что моя подруга не оставила меня одну и благодарна ей за следующие слова...

Мы шли по дорожке к дому под пристальными взглядами охраны.

— Свобода, ага, как же. — пробормотала она, косясь на камеры, расставленные на каждом дереве. — Мы как рыбки в аквариуме, Мил. Красиво, но стекло хрен разобьешь. Зато у нас есть план. — Камилла сжала мою руку. — Если братья де Лука помогут нам добраться до Пахана, я готова пожить и в аквариуме.

Кабинет Алессандро.

Когда мы вошли, в кабинете царил атмосфера делового штаба. Лоренцо уже сидел за своим терминалом, Марко курил у окна, а Алессандро стоял у огромной карты Милана, развешенной на стене.

— Проходите. — Алессандро указал на стол, где лежали фотографии какого-то мужчины и папка с документами. — Ваша первая миссия.

— Так быстро? — Камилла вскинула брови, усаживаясь в кресло. — Я еще даже не успела пароль на твоём вай-фае сменить, Лоренцо.

Лоренцо даже не взглянул на неё, хотя я заметила, как дернулся уголок его рта.

— Твоя задача — не пароли менять, а сделать так, чтобы нас не заметили. — холодно отрезал он.

Алессандро постучал пальцем по одной из фотографий.

— Это Энцо Моретти. Владелец сети портовых складов и по совместительству — доверенное лицо Пахана в Италии. Завтра вечером он устраивает закрытый прием в своем загородном поместье. Официальный повод — юбилей. Неофициальный — встреча с курьером из России, который везет зашифрованный список всех спящих ячеек русской мафии в Европе.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Ты хочешь, чтобы мы украли этот список?

— Именно. — Алессандро посмотрел мне прямо в глаза. — Моретти знает моих людей, но он не знает вас. Для всех присутствующих вы будете гостями из России, моими протеже.

Лоренцо вывел на экран план поместья Моретти.

— Система безопасности там старая, но надежная. Камилла, ты должна будешь проникнуть в серверную подвального этажа и дать нам «окно» в десять минут. В это время Милена...

— Милена должна будет отвлечь внимание курьера. — перебил его Алессандро. — Курьер — старый знакомый твоего «жениха». Мы знаем, что это Григорий «Шрам». Он знает тебя. Он будет в шоке, увидев тебя там. Это замешательство — твой шанс. Ты выведешь его на террасу, а там мы заберем у него кейс.

— Вы ставите меня под удар! — я скрестила руки на груди. — Если Григорий узнает меня, он тут же доложит Игорю.

— Не доложит. — Алессандро подошел ко мне вплотную, вторгаясь в моё пространство. — Потому что он не уйдет с этой виллы живым. Мы заберем список и устраним его. Это твой шанс нанести первый удар, Милена. Ты готова начать охоту?

Я посмотрела на Камиллу. Она едва заметно кивнула. Это был риск, огромный риск, но это была та самая ниточка, которая вела к голове Пахана.

— Готова. — ответила я, выдерживая его тяжелый взгляд.

— Отлично. Марко отвезет вас к портным. Вам нужны платья, которые будут стоить больше, чем всё это поместье. — Алессандро усмехнулся, и в этой усмешке было что-то собственническое. — Завтра Милан увидит моих новых наемниц. Постарайтесь не промахнуться.

Когда мы вышли из кабинета, я поняла одну вещь: Алессандро разрешил нам гулять по дому не ради доверия. Он хотел, чтобы мы привыкли к роскоши и его покровительству. Чтобы мы поняли: теперь он — наш единственный закон.

Алессандро.

Когда дверь за девушками захлопнулась, в кабинете повисла тяжелая тишина. Я чувствовал на себе взгляды братьев — каждый из них ждал объяснений. Я подошел к бару, плеснул себе виски и обернулся.

— Ну? — я приподнял бровь. — Высказывайтесь.

Марко первым нарушил молчание. Он оттолкнулся от подоконника и затушил сигарету.

— Алессандро, ты либо гений, либо окончательно слетел с катушек. Ты видел, как она стреляет? Это не «самооборона». Это годы тренировок. Если она решит, что мы ей больше не нужны, она пустит нам пули в затылок на этом приеме и даже не моргнет.

— Она не решит. — холодно вставил Винченцо. Его голос всегда звучал как скрежет камней. — Потому что она знает: снаружи её ждет смерть похуже нашей, но я согласен с Марко. Доверять им миссию такого уровня — риск. Одна ошибка — и Моретти объявит нам войну.

Я перевел взгляд на Лоренцо. Он единственный молчал, всё еще глядя в экран своего планшета. Его лицо было бледным от бессонной ночи, а в глазах застыло странное выражение.

— Лоренцо? — позвал я. — Что скажет наш аналитик?

Он медленно поднял голову и поправил очки.

— Технически, они — идеальное решение. Камилла... — он на секунду запнулся, будто само имя вызывало у него изжогу. — Она взломала мой протокол на стрельбище. Я не хотел этого признавать при них, но она гениальна. Грязная, хаотичная, но гениальная. Она обойдет защиту Моретти раньше, чем его охрана успеет доесть закуски.

Лоренцо вывел на большой экран досье, которое он собирал всю ночь.

— А теперь о главном. Почему Милена так боится. Я вскрыл скрытые файлы в ноутбуке Камиллы. Тот самый Игорь...

Я подался вперед, чувствуя, как внутри всё напряглось.

— Говори.

— Игорь Павлов. — начал Лоренцо, листая слайды. — Сын одного из самого кровавого чиновника в отставке, который сейчас является «правой рукой» Пахана. Игорь — садист. В Москве о нем ходят легенды, от которых тошнит даже бывалых наемников. Его «хобби» — ломать женщин. Физически и психологически.

Лоренцо увеличил фото рослого мужчины с холодными, мертвыми глазами.

— Свадьба с Миленой была сделкой. Я не смог узнать, кто именно её отец. Но Миленка не просто сбежала. В ночь перед венчанием она устроила бойню в их загородном доме. Двое охранников Игоря убиты, а сам он... — Лоренцо сделал паузу. — Говорят, она оставила ему шрам через всё лицо, прежде чем исчезнуть. Теперь это для него дело чести. Он не просто хочет её вернуть. Он хочет её казнить.

В кабинете стало так тихо, что было слышно жужжание кондиционера. Марко присвистнул.

— Ничего себе «танцовщица»... Она порезала этого ублюдка? Да у этой девки стальные яйца.

— Именно поэтому она — наш лучший актив. — я поставил стакан на стол. — Она ненавидит их также, как мы. Игорь Павлов и Пахан лишили её всего. Если мы дадим ей шанс нанести удар, она вгрызется им в глотки.

— А если она сорвется? — Винченцо посмотрел на меня в упор. — Если на приеме она увидит Григория и потеряет контроль? Она может подставить всех нас ради личной мести.

— Я буду рядом и не спущу с неё глаз. Лоренцо, продолжай подготовку. Марко — на тебе логистика и транспорт. Винченцо — ты отвечаешь за прикрытие на случай, если всё пойдет к черту.

Я подошел к окну, глядя на сад, где Миленка и Камилла о чем-то спорили.

— Они справятся. — тихо сказал я, больше для себя, чем для них. — Потому что у них нет другого выбора. Либо они становятся частью Семьи де Лука, либо их ждет Игорь и «Братва». А после того, что я узнал... лично позабочусь о том, чтобы этот ублюдок никогда до неё не добрался.

Братья переглянулись. Они поняли подтекст. Это была уже не просто стратегия. Это становилось личным делом Дона.

— Лоренцо. — позвал я, когда они уже выходили.

— Да?

— Следи за Камиллой. Если она хоть раз попытается связаться с кем-то извне через твою систему...

— Я знаю, что делать, Алессандро. — Лоренцо криво усмехнулся. — Но, честно говоря? Думаю, ей слишком нравится меня бесить, чтобы она захотела уйти прямо сейчас.

Миленка.

Следующие два дня превратились в изнурительный марафон. Особняк гудел, как развороченный улей. Мы с Камиллой больше не сидели в своих комнатах — нас разделили. Камилла практически поселилась в серверной Лоренцо, а я... я попала в руки Марко и Винченцо.

Утро. Гардеробная.

Марко оказался настоящим фанатиком. В мою комнату привезли пять вешалок с платьями от лучших дизайнеров Милана.

— Миленка, детка, мы не просто идем на вечеринку. — Марко кружил вокруг меня, прикладывая к моему телу ткани разных оттенков. — Мы создаем образ. Ты должна быть настолько ослепительной, чтобы курьер забыл, как дышать, не то что как стрелять.

В итоге он остановился на платье изумрудного цвета из тяжелого шелка. Оно было вызывающим: открытая спина, глубокое декольте и разрез до самого бедра.

— Идеально! — промурлыкал Марко. — Цвет твоих глаз. Алессандро оценит. А теперь самое интересное.

В комнату вошел Винченцо. В его руках был черный кожаный футляр. Без лишних слов он достал из него тонкую, изящную кобуру из мягкой кожи, которая крепилась на бедро.

— Это под платье. — пробасил он. — Нож с керамическим лезвием. Металла-искатели его не увидят. Если Григорий подойдет слишком близко — бей в артерию. Без предупреждения.

Я пристегнула кобуру. Холод рукояти ножа у колена неожиданно успокоил меня. Шелк платья скрыл оружие, но я знала: я готова.

Вечер. Серверная.

Я зашла к Камилле, чтобы проверить, как она. В серверной было прохладно, пахло озоном и кофе. Камилла сидела в наушниках, яростно споря с Лоренцо.

— Нет, ты не понимаешь! — кричала она, тыкая пальцем в монитор. — Если я использую твой протокол, их фаервол сработает через три минуты. Мне нужен «троян», который я написала вчера!

Лоренцо, стоя за её спиной, выглядел так, будто у него сейчас лопнет вена на лбу.

— Твой «троян» — это кусок мусора, Камилла! Он нестабилен!

— Зато он работает! — она резко развернулась к нему в кресле. На ней было надето темно-синее коктейльное платье, которое Лоренцо приказал купить, но на ногах всё еще были её любимые кеды. — И вообще, прекрати дышать мне в затылок, это сбивает настройки!

Лоренцо замер, его взгляд невольно опустился на её открытые ключицы. Он быстро отвел глаза и поправил очки.

— Делай что хочешь. Но если мы застрянем в подвале Моретти из-за твоего кода — я тебя там и оставлю.

— Мечтай, зануда. — буркнула Камилла и подмигнула мне. — Мы справимся, Мил. Я уже вшила микро-камеру в твое кольцо. Лоренцо будет видеть всё, что видишь ты.

Час до выезда. Холл.

Я спускалась по мраморной лестнице. Туфли на шпильках громко стучали в тишине дома. Внизу меня ждал Алессандро.

Он был в черном смокинге, идеально сидящем на его широких плечах. Белоснежная рубашка подчеркивала его загар и ледяной блеск глаз. Когда он увидел меня, он замер. Его взгляд медленно прошелся по мне — от кончиков туфель до украшений на шее. Я видела, как расширились его зрачки.

Он подошел к лестнице и протянул мне руку. Его пальцы крепко сжали мои.

— Ты выглядишь... — он на мгновение замолчал, подбирая слово. — Опасно.

— Это комплимент? — я попыталась улыбнуться, но сердце колотилось слишком быстро.

— Это предупреждение. — он наклонился и коснулся губами моей руки, не сводя с меня глаз. — Сегодня все мужчины на вилле будут смотреть на тебя. Но помни: ты пришла туда со мной. И принадлежишь ты мне.

Он резко сократил дистанцию и провел ладонью по моему бедру, нащупывая через ткань шелка спрятанный нож.

— Нож на месте? — прошептал он.

— Да.

— Хорошо. — Алессандро выпрямился. — «Шрам» — профессионал. Он будет искать страх. Не давай ему этого. Ты — королева этого вечера, а я — твой единственный защитник.

В холл вышли Лоренцо и Камилла. Камилла с трудом ковыляла на каблуках, постоянно поправляя подол платья.

— Если я сломаю лодыжку, я взломаю ваши банковские счета и переведу всё в приют для бездомных собак! — заявила она.

Марко и Винченцо уже ждали у бронированных лимузинов.

— По коням, господа. — скомандовал Алессандро. — Пора показать Моретти, что русские и итальянцы умеют договариваться.

Мы сели в машину. За окном проносился ночной Милан, но в салоне царило напряжение, которое можно было резать ножом. Игра началась. И обратного пути уже не было.

Глава 8

Милена.

Вилла Моретти сияла огнями, отражаясь в темных водах Комо. Это было воплощение итальянской роскоши: мраморные статуи, вышколенные официанты с шампанским «Crystal» и запах дорогих сигар, смешанный с ароматом ночных цветов. Но для меня этот блеск был лишь декорацией к казне.

Алессандро вышел из лимузина и подал мне руку. Его пальцы сжались на моей ладони чуть крепче обычного — невербальный сигнал: «Держись меня».

— Дыши, orsetto. — тихо произнес он, когда мы ступили на красную дорожку под прицел сотен взглядов. — Ты — самое дорогое украшение этого вечера. Просто плыви по течению.

Я кивнула, натягивая на лицо маску холодного безразличия. Изумрудный шелк платья обтекал ноги, а нож на бедре приятно охлаждал кожу. Мы вошли в главный зал.

Камилла.

— Мои ноги... я их официально не чувствую. — прошепела я Лоренцо, стараясь улыбаться гостям, как подобает «сопровождающей». — Если я упаду, я поташу тебя за собой в этот грёбаный фонтан.

Лоренцо, выглядевший в своем смокинге как модель с обложки (бесит!), даже не повернул головы.

— Сосредоточься. Через пять минут мы должны быть у лестницы в западное крыло. Моретти усилил охрану, но я нашел лазейку в системе вентиляции.

— Вентиляция? В этом платье? — я возмущенно посмотрела на него. — Лоренцо, ты садист!

— Я аналитик. — отрезал он, но я заметила, как он на секунду задержал взгляд на разрезе моего платья. — Идем. Алессандро начинает шоу.

Милена.

Энцо Моретти — грузный мужчина с масляными глазами — расплылся в улыбке, увидев Алессандро.

— Алессандро! Друг мой! Рад, что ты почтил мой скромный праздник. И кто эта прекрасная дама?

— Милена. — Алессандро приобнял меня за талию, притягивая к себе почти по-хозяйски. — Моя гостья из России.

Моретти поцеловал мне руку, и меня передернуло от отвращения, но я не подала виду.

— Красавица. Истинная жемчужина. Григорий будет в восторге. Он как раз прибыл.

Сердце пропустило удар. Я медленно повернула голову. У барной стойки, в окружении двух телохранителей, стоял он.

Григорий «Шрам».

Он почти не изменился. Те же тяжелые плечи, тот же взгляд мясника и рваный шрам, пересекающий левую щеку — память о разборках в Питере. Когда его глаза встретились с моими, он замер. Его бокал застыл на полпути к губам.

Я почувствовала, как Алессандро напрягся. Его рука на моей талии стала стальной. Он почувствовал мою дрожь.

— Идем. — шепнул он. — Пора поздороваться.

Мы подошли к бару. Григорий поставил бокал, его лицо исказилось в хищной усмешке.

— Не может быть... — прохрипел он на русском. — Милена? Маленькая птичка Павлова в гнезде у итальянцев? Игорь сойдет с ума, когда узнает, где ты пряталась.

— Григорий. — мой голос был холодным, как лед в моем бокале. — Ты всё так же плохо пахнешь дешевым табаком. Вижу, шрам на лице тебя ничему не научил.

«Шрам» побагровел, его глаза сузились.

— Ты смелая, пока за твоей спиной этот итальянец, но Игорь заберет тебя, даже если придется сжечь весь Милан.

Алессандро сделал шаг вперед, закрывая меня собой. Он был выше его, и от него исходила такая волна первобытной угрозы, что телохранители «Шрама» невольно схватились за пиджаки.

— Григорий. — Алессандро произнес имя с идеальным итальянским акцентом, превращая его в насмешку. — В моем доме не принято угрожать женщинам. И уж тем более — **моим** женщинам. Если ты еще раз откроешь рот в её сторону, я вырву твой язык и подарю его Энцо на десерт. Ты меня понял?

Тот сглотнул. Он знал репутацию де Луки. Здесь, на этой вилле, Алессандро был королем, а он — лишь курьером.

— Мы здесь по делу. — буркнул Григорий, переводя взгляд на кейс, прикованный к его запястью.

— Именно. — Алессандро обернулся ко мне. — Дорогая, мне нужно обсудить дела с ним на террасе. Подождешь меня?

Это был сигнал. Камилла должна была уже быть в системе.

Я кивнула, коснувшись руки Алессандро.

— Не задерживайся. Тут слишком душно.

Я вышла в сад, чувствуя на своей спине тяжелый, ненавидящий взгляд «Шрама». Теперь всё зависело от Камиллы. Если она не отключит камеры через минуту — он поймет, что это ловушка, раньше, чем Алессандро вытащит пистолет.

Я нащупала рукоять ножа под шелком платья.

— Давай, Ками... — прошептала я. — Сделай это.

Алессандро.

Терраса была залита лунным светом, но здесь, в тени кипарисов, было темно и тихо. Я отошел к балюстраде, закуривая сигарету. Григорий шел следом, его телохранители остались у дверей, блокируя выход. Моя рука лежала на рукояти пистолета, скрытого под смокингом. Я чувствовал запах его страха, смешанный с дешевым одеколоном.

— Ты рискнул многим, приведя её сюда, Алессандро. — он оперся на перила, глядя на озеро. Его шрам в лунном свете казался еще уродливее. — Ты хоть понимаешь, какую бомбу ты держишь в своем доме?

Я выпустил струю дыма, глядя на него с холодным безразличием.

— Я понимаю, что она под моей защитой. А ты — лишь курьер, который засиделся на чужом празднике. Отдай кейс, и, возможно, ты уедешь отсюда живым.

«Шрам» хрипло рассмеялся. Это был злой, торжествующий смех.

— Защита? Ты защищаешь её от Игоря? Ты думаешь, Игорь — главная проблема? Ты итальянец, ты привык к своим семейным кланам, но ты ничего не знаешь о нашей крови.

Он повернулся ко мне, и его глаза лихорадочно блеснули.

— Ты думаешь, она — просто дочь должника, которую продали за долги? Что её отец — какой-то мелкий делец, не сумевший расплатиться по счетам?

Я промолчал, но внутри всё напряглось. Я чувствовал, что сейчас он вывалит на меня правду, которая перевернет доску.

— Её отец — не должник, Алессандро. — прошипел он, делая шаг ближе. — Её отец и есть **Пахан**. Тот, кто перерезал часть твоей семьи. Тот самый человек, чье имя ты боишься произносить вслух. Тот, кто держит в страхе всю Россию от Москвы до Владивостока.

Я замер. Сигарета застыла в моих пальцах.

— О чем ты несешь, Григорий?

— Милена Волкова — принцесса нашего мира. Единственная дочь короля. Она — плоть от плоти человека, которого ты называешь своим врагом. Она сбежала не от долгов, итальянец. Она совершила святотатство — она предала собственную кровь и своего Пахана.

Русский оскалился, видя моё замешательство.

— Она не жертва. Она — его наследница. И если Пахан узнает, что ты держишь её у себя, он не просто убьет тебя. Он сотрет всю твою Семью с лица земли. Он выжжет этот Милан дотла, чтобы вернуть свою собственность.

Я медленно затаился, стараясь сохранить каменное лицо, хотя в голове вспыхивали кадры: её крик во сне, её профессиональная стрельба, её ледяное спокойствие перед лицом смерти. Теперь всё сходилось. Её учили быть королевой. Её учили убивать с колыбели.

— Ты думал, что приручил котенка? — продолжил он, подходя вплотную, его голос дрожал от злорадства. — Ты пригрел на груди гадюку. Она не рассказала тебе, кто она, правда? Она использовала тебя как такси до Италии. Как ты думаешь, что она сделает, когда Пахан предложит ей прощение в обмен на твою голову?

Я резко сократил дистанцию, схватил «Шрама» за лацканы смокинга и прижал его спиной к балюстраде так, что он наполовину перевесился через край. Его телохранители дернулись, но я уже приставил дуло пистолета к его подбородку.

— Мне плевать, чья она дочь! — прорычал я ему в самое лицо. — Здесь, в Италии, я — Пахан. И если её отец захочет её вернуть, пусть придет и попробует забрать. Но сначала я выпотрошу тебя, Григорий. Прямо здесь.

— Убивай. — выдохнул он, глядя мне в глаза с безумным вызовом. — Но помни мои слова: она никогда не будет твоей. В её жилах течет яд, который ты не сможешь переварить. Она — Волкова. И она уничтожит тебя изнутри.

Я почувствовал, как в кармане завибрировал телефон — сигнал от Лоренцо. Камилла в системе. Пора заканчивать это шоу.

— Спасибо за информацию, Григорий. — я криво улыбнулся и нажал на курок.

Глухой хлопок выстрела с глушителем утонул в звуках музыки, доносившейся из залов виллы. Тело русского обмякло в моих руках. Я оттолкнул его, и он бесшумно рухнул в темноту сада.

Я вытер руки платком и поправил смокинг.

«Дочь Пахана...» — эта мысль пульсировала в висках.

Я вышел с террасы, ища глазами Милену. Она стояла у колонны, ослепительно красивая в своем изумрудном платье, такая хрупкая на первый взгляд. Но теперь я видел в ней не беженку. Я видел в ней самого опасного врага.

Она посмотрела на меня, и в её зеленых глазах промелькнул вопрос.

— Всё кончено? — спросила она, подходя ближе.

— Всё только начинается, orsetto. — ответил я, обхватывая её за талию и прижимая к себе так сильно, что она вскрикнула. — Теперь ты расскажешь мне всё. До последнего слова.

Милена.

Мы покидали виллу Моретти так же стремительно, как и появились. Алессандро шел впереди, его походка была хищной, тяжелой. В одной его руке был зажат черный кейс Григория, а в моей сумочке лежал крошечный чип со списками спящих ячеек, который Камилла успела скопировать в серверной.

Миссия выполнена. Но почему мне казалось, что я иду на собственную казнь?

Алессандро не проронил ни слова, пока мы не сели в машину. Он сам сел за руль своего черного Майбаха, жестом приказав Марко и Винченцо ехать в другом автомобиле с Камиллой.

Как только дверь захлопнулась, он ударил по газу. Мотор взревел, и машина сорвалась с места, унося нас прочь от огней Комо в темноту лесных дорог.

— Алессандро, ты слишком быстро... — начала я, вцепляясь в ручку двери.

Он резко затормозил прямо посреди пустой дороги. Шины взвизгнули, нас бросило вперед. Тишина, наступившая после, была оглушительной. Он медленно повернул голову ко мне. Его глаза были серыми, как грозовое небо, и в них не было ни капли тепла.

— Как долго ты собиралась молчать, Милена? — его голос был тихим, но от него веяло таким холодом, что я невольно вжалась в сиденье.

— О чем ты? — я попыталась сделать вид, что не понимаю, но голос предательски дрогнул.

Алессандро резко подался ко мне, обхватывая мои ладони и сжимая их до боли.

— О твоей крови, orsetto! О том, что ты не просто танцовщица, которую продали за долги. «Шрам» рассказал мне всё перед смертью. Он рассказал мне, кто твой отец.

Я замерла. Моё сердце, казалось, просто перестало биться. Всё кончено. Моя ложь рассыпалась, как карточный домик.

— Твой отец — Пахан! — прорычал он, и это слово прозвучало как смертный приговор. — Человек, который убил моих родителей. Человек, чьи ячейки мы сейчас собираемся уничтожить с помощью этих списков. Ты — дочь моего заклятого врага. Ты — принцесса крови, которую я пригрозил в своем доме.

— Я не имею к нему отношения! — выкрикнула я, пытаюсь вырвать руки. — Я сбежала от него! Он для меня мертв!

— Ложь! — Алессандро отпустил мои руки и схватил меня за подбородок, заставляя смотреть ему в глаза. — Ты пришла ко мне, зная, кто я. Ты использовала меня. Ты знала, что я ищу твоего отца, и ты решила спрятаться у самого опасного его врага? Это был твой план? Стать моей подстилкой, чтобы спасти свою шкуру?

Пощечина вышла звонкой. Моя рука сама взлетела и ударила его по лицу. Алессандро замер. Его голова лишь слегка повернулась в сторону. На его щеке медленно проявлялся красный след от моих пальцев.

— Никогда... — прошептала я, и слезы ярости обожгли мои глаза. — Никогда не смей так говорить! Если бы я хотела спастись, я бы вышла замуж за какого-нибудь миллиардера и жила бы в золоте. Я сбежала, потому что ненавижу Пахана больше, чем ты! Он убил не только твоих родителей, Алессандро. Он убил мою душу. Он превратил моё детство в тренировочный лагерь для убийц. Он хотел сделать из меня свою копию.

Алессандро молчал, тяжело дыша. Его взгляд метался по моему лицу, будто он искал там ложь, но находил только искреннюю, жгучую боль.

— Ты думаешь, мне было легко? — продолжала я, уже не сдерживаясь. — Жить в твоём доме, зная, что ты копаешь под русскую мафию, и понимать, что я... что я начинаю немного доверять тебе? Я не сказала правду, потому что знала: как только ты услышишь фамилию Волкова, ты нажмешь на курок.

— Ты правда хочешь всё узнать? — мой голос сорвался на хрип, и я почувствовала, как внутри плотина, которую я строила годами, дала трещину. — Я так чертовски устала от этой лжи, Алессандро. Ты думаешь, быть дочерью Пахана — это значит носить корону?

Я резко дернула ворот своего изумрудного платья, обнажая ключицу и тонкую полоску шрама, уходящую под ткань.

— Посмотри на меня! — выкрикнула я, и слезы наконец брызнули из глаз. — Мой отец никогда не видел во мне дочь. Он видел во мне оружие. Инвестицию. Когда мне было десять, он сломал мне два ребра только за то, что я промахнулась по мишени. Он запер меня в холодном подвале на трое суток без воды, чтобы я «закаляла характер». Каждый раз, когда я плакала, он бил меня сильнее, приговаривая, что у Волковых нет слез, есть только свинец в крови.

Алессандро замер. Его рука, всё еще сжимавшая мой подбородок, дрогнула, но он не отстранился. Его взгляд стал темным, наполненным какой-то новой, тяжелой тишиной.

— А потом появился Игорь. — я задыхалась от слов, которые слишком долго держала внутри. — Отец отдал меня ему, как породистую суку. Игорь не хотел жену, Алессандро. Он хотел игрушку, которую можно ломать каждый день, зная, что она не имеет права сопротивляться. Игорь заставлял меня стоять с яблоком на голове, пока сам упражнялся в стрельбе, смеясь, что однажды он «промахнется» специально.

Я закрыла лицо руками, и мои плечи затряслись от рыданий. Весь тот ужас, от которого я бежала через границы, в лимузинах и подвалах, нахлынул на меня здесь, в этой машине.

— Он гасил сигареты об мою кожу, когда был не в духе. Он ломал мне пальцы, чтобы я не могла играть на пианино, потому что музыка его «раздражала». В ту ночь, когда я сбежала... я оставила ему шрам не потому, что я герой. А потому что он хотел сделать со мной то, после чего я бы уже не встала. Никогда.

Я подняла на Алессандро глаза, полные отчаяния.

— Ты говоришь, что я предательница? Да я сама себя ненавижу за то, чья кровь течет в моих жилах! Я пришла к тебе не чтобы использовать тебя. Я пришла, потому что ты — единственный, кто достаточно силен, чтобы не испугаться моего отца. Я просто хотела... чтобы меня перестали ломать.

В машине воцарилась гробовая тишина. Было слышно только моё прерывистое дыхание и шум дождя, начавшего бить по крыше.

Алессандро не взорвался яростью. Наоборот. Он медленно, очень осторожно, будто боясь, что я рассыплюсь, притянул меня к себе. Он обнял меня так крепко, что я почти перестала чувствовать холод. Его ладонь легла мне на затылок, прижимая мою голову к его груди. Я слышала, как его сердце бьется — быстро, мощно, гневно.

— Клянусь... — прошептал он мне в волосы, и в его голосе было столько первобытной, страшной угрозы, что мне стало жутко. — Клянусь всеми святыми и демонами, Милена... Те, кто касался тебя с болью, захлебнутся собственной кровью. Твой отец совершил свою главную ошибку — он не убил меня тогда, в Милане. Потому что теперь я заберу у него всё.

Он отстранился и посмотрел мне прямо в душу. Его лицо было жестким, как гранит, но в глазах горело обещание.

— Ты больше не дочь Пахана. Ты — женщина, за которую я сожгу этот мир дотла. И если Игорь Павлов думает, что он видел шрамы... он еще не встречался со мной.

Его пальцы коснулись моей щеки, смахивая слезу. Это прикосновение было странным — в нем была ярость, смешанная с какой-то дикой, болезненной нежностью.

— Ты права. — прошептал он, придвигаясь ближе. Его губы были в сантиметре от моих. — Я должен был убить тебя прямо там, на террасе. Любой другой на моем месте уже избавился бы от тебя.

Он обхватил мою шею ладонью, и я почувствовала, как его сердце бешено колотится.

— Но я не могу. Это чертово безумие, Милена. Ты — дочь моего врага. Ты — яд в моих венах. И всё же я хочу сжечь этот мир не ради мести, а ради того, чтобы ты осталась моей.

Он накрыл мои губы своими — это был не поцелуй, а столкновение двух стихий. В нем был вкус шампанского, пороха и отчаяния. Я ответила на него с той же силой, вцепляясь в его плечи.

Алессандро отстранился первым, глядя на меня с пугающей решимостью.

— Теперь правила изменились. Мы уничтожим Пахана. Мы заберем его империю. Но ты никогда, слышишь, никогда больше не солжешь мне. Ты больше не «белый лист». Ты — моя Волкова. И горе любому, кто попробует забрать тебя у меня. Даже твоему отцу.

Он завел мотор, но на этот раз он не гнал. Он вел машину уверенно, как капитан, который наконец нашел свой курс. Я сидела рядом, вытирая слезы, и впервые за много лет я не чувствовала себя сломанной. Я чувствовала себя защищенной.

Глава 9

Милена.

Дождь за окном Майбаха превратился в сплошную серую стену, стирая границы между небом и землей. Мы ехали в абсолютной, звенящей тишине. Алессандро смотрел только на дорогу, его пальцы так сильно сжимали руль, что побелели костяшки.

Я отвернулась к окну, прижавшись лбом к холодному стеклу. Внутри меня всё выгорело. Адреналин ушел, оставив после себя только липкую пустоту и страх.

Зачем? — этот вопрос пульсировал в висках в такт дворникам.

Зачем я рассказала ему всё? Я годами строила стены, я меняла имена, я научилась не доверять даже собственному отражению. А сегодня я просто взяла и вывалила всю свою боль, все свои шрамы перед человеком, который изначально был моим врагом. Я открыла ему своё горло, подставила самую уязвимую часть себя.

А поцелуй...

Я коснулась пальцами губ. Они всё еще горели, напоминая о том безумии, что произошло пять минут назад. Это не был поцелуй любви. Это был крик двух тонущих людей, которые вцепились друг в друга в шторме.

Я не понимала, что делать дальше. Если раньше я была для него «ценным активом» или «интересной игрушкой», то кто я теперь? Дочь человека, который лишил его семьи. Дочь чудовища. Станет ли он использовать меня как наживку? Или его клятва защитить меня была правдой?

Я посмотрела на его профиль в неверном свете приборной панели. Резкие скулы, жесткая линия губ. Алессандро де Лука был загадкой, которую я не могла разгадать. Он обещал сжечь мир ради меня... но что, если в этом пожаре сгорю и я?

Чувства внутри меня были похожи на спутанный клубок колючей проволоки. Я ненавидела его за то, что он видел мою слабость. И в то же время... я чувствовала странное, пугающее облегчение. Впервые за столько лет мне не нужно было притворяться.

Но любовь ли это? Или просто стокгольмский синдром, помноженный на жажду мести?

— О чем ты думаешь? — его голос разрезал тишину, как нож — тонкую бумагу. Он не повернул головы, но я знала, что он чувствует каждый мой вдох.

— О том, что я совершила ошибку. — честно ответила я, не сводя глаз с капель дождя на стекле. — Я не должна была рассказывать. И то, что было... поцелуй... тоже не должно было быть.

Я услышала, как он резко выдохнул.

— Слишком поздно для сожалений, Милена. Ты уже не сможешь стать прежней. И я тоже.

— Ты ненавидишь меня теперь? — я наконец повернулась к нему. — Зная, чья я дочь?

Алессандро на мгновение закрыл глаза, с силой выдыхая, а затем снова посмотрел на дорогу.

— Я ненавижу твоего отца. Я ненавижу то, что они с тобой сделали. Но тебя... — он сделал паузу, и его голос стал ниже. — Тебя я не могу ненавидеть, даже если бы от этого зависела моя жизнь. И это пугает меня гораздо сильнее, чем вся твоя русская мафия.

Машина въехала в ворота особняка. Охрана вытянулась в струнку, ворота тяжело захлопнулись за нами, отрезая нас от остального мира.

Мы дома, но теперь этот дом казался другим. Более тесным и опасным.

Алессандро заглушил мотор. Мы сидели в темноте салона, слушая, как остывает двигатель.

— Иди в комнату, Милена. — тихо сказал он. — Тебе нужно поспать.

Я вышла из машины, чувствуя себя так, будто иду по канату над пропастью. Я не знала, кем мы станем завтра — союзниками, любовниками или снова врагами. Но я знала одно: пути назад к «белому листу» больше нет.

Алессандро.

Я сидел неподвижно, сжимая руль так, что кожа скрипела под пальцами. Двигатель машины тихо остывал, издавая мерные щелчки, которые в ночной тишине гаража казались оглушительными.

Я видел, как Милена вышла из машины. Изумрудный шелк её платья скользнул по сиденью, на мгновение обнажив стройную ногу и ту самую кобуру с ножом. Она шла к дверям особняка, не оборачиваясь. Её походка была гордой, но в том, как она чуть вскинула подбородок, я видел хрупкость, которую она так отчаянно пыталась скрыть.

Она исчезла за массивными дверями, но её запах — смесь дорогого парфюма и лилий — всё ещё висел в салоне, сводя меня с ума.

— Что ты творишь, Алессандро? — прошептал я в пустоту.

Я никогда не встречал таких, как она. В моей жизни было много женщин — шлюхи, жаждущие денег, дочери партнеров, ищущие власти, светские львицы, чьи души были такими же фальшивыми, как их улыбки. Все они были предсказуемы. Все они были... скучными.

Милена была другой. В ней жил огонь, закаленный в ледяных подвалах её отца. Она была сломана, но из этих осколков она собрала нечто более опасное, чем любое оружие. И этот поцелуй...

Я закрыл глаза, снова чувствуя вкус её губ. Это не был холодный расчет. Это был порыв, который я не мог контролировать, и это бесило меня больше всего на свете. Я, Дон, человек, чья жизнь построена на ледяной логике, потерял голову от дочери своего врага. Признать это означало признать слабость, а слабость в нашем мире убивает.

Но я дал слово. Я обещал, что никто больше не причинит ей боли. И я сдержу его, даже если мне придется пойти против всей русской мафии и самой логики. Она больше не их. Она — моя. И это единственное, что сейчас имело значение.

Я резко вышел из машины, захлопнув дверь. Холодный ночной воздух немного протрезвил меня. Достав телефон, я набрал номер Лоренцо. Он ответил после первого же гудка.

— Да, Алессандро? — голос был собранным.

— Собирай Винченцо и Марко. Жду вас в офисе через пять минут.

— А девушки? — уточнил Лоренцо. — Камилла только что закончила расшифровку первой части списка...

— Нет. — отрезал я. — Только братья. Милена и Камилла должны остаться в своих комнатах. Охрану удвоить. Никто не выходит и никто не входит без моего личного приказа.

Я сбросил вызов и направился к особняку. Мои шаги эхом отдавались от плитки. Нам предстоял долгий разговор. Я собирался рассказать братьям правду о том, чья кровь течет в жилах Милены. И я собирался объявить войну, которую мы не имели права проиграть.

Потому что теперь это была не просто месть за прошлое. Это была битва за её будущее.

Кабинет.

Кабинет Алессандро утопал в полумраке, освещаемый лишь парой ламп и слабым светом уличных фонарей, пробивавшимся сквозь тяжелые шторы. Запах дорогого табака и старого виски висел в воздухе плотной пеленой.

Братья уже ждали его. Марко развалился в кожаном кресле, потягивая ром, Винченцо стоял у камина, мрачный и неподвижный, как скала, а Лоренцо нервно постукивал пальцами по крышке своего ноутбука.

Алессандро вошел, не снимая пиджака. Его лицо было бледным, а челюсти плотно сжаты. Он подошел к столу, налил себе виски и выпил залпом, прежде чем заговорить.

— «Шрам» мертв. — коротко бросил он.

— Одной крысой меньше.— отозвался Марко с усмешкой. — Но судя по твоему лицу, брат, он успел нагадить перед смертью. Что случилось?

Алессандро оперся руками о стол, глядя на братьев исподлобья.

— Милена не просто русская наёмница. И её фамилия не та, что она нам назвала. Перед тем как я вышиб ему мозги, Григорий рассказал, кто она.

Он сделал паузу, и тишина в комнате стала осязаемой.

— Она — дочь Пахана. Милена Волкова.

Стакан в руке Марко замер на полпути к губам. Винченцо резко повернулся от камина, его глаза сузились до щелочек. Лоренцо перестал стучать по ноутбуку.

— Ты шутишь? — первым нарушил молчание Марко. Он нервно рассмеялся. — Скажи, что это хреновая шутка, Але. Мы держим в доме принцессу русской мафии? Дочь того самого ублюдка, который заказал наших родителей?

— Это не шутка. — отрезал Алессандро. — Григорий подтвердил это. И её реакция в машине... она не отрицала.

— Это катастрофа. — пробасил Винченцо, делая шаг к столу. — Алессандро, ты понимаешь, что ты сделал? Ты привел в наш дом троянского коня. Она — глаза и уши Пахана. Если он узнает, что она здесь...

— Он уже знает, что она в Италии.— перебил его Алессандро. — И она не шпионка. Она сбежала от него. Он ломал её годами, Винченцо. То, что я услышал сегодня... — его голос на мгновение дрогнул, но он тут же вернул себе контроль. — Она ненавидит его больше, чем мы все вместе взятые.

— О, ну конечно.— ядовито вставил Лоренцо. — Она рассказала тебе грустную историю, и ты растаял? Алессандро, включи мозг. Она — Волкова. В её крови предательство. А что насчет второй? Камиллы?

Лоренцо резко развернул ноутбук к братьям.

— Если Милена — дочь босса, то Камилла — не просто «подружка из клуба». Она её тень. Я проверил логи её активности за последние два часа. Она работала в структурах Пахана. Она — высококлассный специалист по кибер-безопасности, который «исчез» вместе с Миленой. Они работали в паре. Одна — лицо, другая — мозг. Они обвели нас вокруг пальца.

— Зато какие лица, а? — Марко попытался разрядить обстановку, но под тяжелым взглядом Винченцо осекся. — Ладно-ладно. Но признайте, у девок есть стиль. Обмануть братьев де Лука — это надо иметь стальные нервы.

— Это не стиль, Марко, это смертный приговор! — Винченцо ударил кулаком по ладони. — Мы должны запереть их в подвале и выбить всю информацию. Сейчас же. Они знают наши протоколы, они видели наши лица...

— Нет.— голос Алессандро прозвучал как удар хлыста. — Никто их не тронет.

— Алессандро! — Лоренцо вскочил с места. — Ты теряешь объективность! Она залезла тебе под кожу. Ты понимаешь, что сейчас русские будут рыть землю? Игорь Павлов и Пахан не остановятся. Они пришлют сюда армию.

— Пусть присылают. — Алессандро подошел к окну, глядя на ночной сад. — Мы используем их. Милена отдала мне чип со списками их ячеек в Европе. Камилла вскрыла архивы Моретти. У нас в руках карта всей их империи. Если мы сейчас избавимся от них, мы потеряем единственный шанс уничтожить Пахана его же оружием.

— Ты хочешь воевать за неё? — тихо спросил Винченцо. — За дочь нашего врага?

Алессандро обернулся. В его глазах горел холодный, расчетливый огонь.

— Я буду воевать не *за* неё. Я буду воевать *вместе* с ней. Она знает их слабые места. Она знает Игоря и своего отца. Она — наш ключ к победе. А Камилла... Лоренцо, ты сам сказал, что она гений. Держи её на коротком поводке. Пусть работает на нас.

Марко усмехнулся, качая головой.

— Ну, по крайней мере, скучно не будет. Война с русскими из-за двух красоток... Нас либо прославят в веках, либо похоронят в одном овраге. Лоренцо, ты как, готов делить серверную с «вражеским агентом»?

Лоренцо недовольно фыркнул, поправляя очки.

— Я поставлю на её доступ такие фильтры, что она даже прогноз погоды без моего разрешения не посмотрит. Но если она попробует взломать мою личную сеть еще раз... я лично выкину её ноутбук в озеро.

— План такой... — подытожил Алессандро, игнорируя колкости братьев. — Официально: они — наши союзницы. Охрана остается на местах, но за каждой следить в оба глаза. Винченцо, готовь людей. Мы начнем зачистку по спискам из чипа уже на следующей неделе. Марко, на тебе слухи. Мне нужно знать каждое движение Игоря Павлова.

Алессандро подошел к бару и снова налил виски, но не выпил.

— И последнее. Если кто-то из вас посмеет поднять на них руку или усомниться в моем решении при посторонних... вы будете иметь дело со мной.

Братья переглянулись. Они видели, что Алессандро уже всё решил. Его одержимость Миленой стала фактором, который нельзя было игнорировать, но его логика мести была безупречна.

— Хорошо, Дон, — Винченцо коротко кивнул. — Твоя воля. Но если эта «принцесса» вонзит тебе нож в спину... я буду тем, кто закончит начатое.

Слова Винченцо ещё висели в воздухе, тяжёлые и холодные, когда дверь кабинета буквально вылетела с петель, ударившись о стену.

В проёме стояла Камилла. Её волосы были растрёпаны, лицо — мертвенно-бледным, а в глазах горел такой неистовый гнев, смешанный с чистым ужасом, что даже Винченцо невольно напрягся.

— Ты! — она ткнула пальцем прямо в грудь Алессандро, игнорируя направленные на неё взгляды. — Ты, высокомерный кусок дерьма! Что ты ей наговорил в машине?!

Лоренцо мгновенно оказался рядом, пытаясь перехватить её за локоть.

— Камилла, выйди вон, мы обсуждаем...

— Пошёл ты к чёрту со своими обсуждениями! — Камилла с силой оттолкнула его, почти сбив с ног. Лоренцо отлетел к столу, ошарашенно поправляя очки. — Вы тупые? Вы думаете, это игра в мафию? Вы разворошили то, что она зашивала в себе годами!

Она снова повернулась к Алессандро, её голос сорвался на крик:

— Ей нужна аптечка! Срочно! Где у вас транквилизаторы?! У неё обострение. Если мы сейчас не остановим её, она начнёт себя резать. Она не контролирует себя, когда всплывает имя отца и Игоря. Это её «точка невозврата», и ты, идиот, нажал на неё со всей дури!

Алессандро замер. Образ холодной, профессиональной наёмницы в его голове мгновенно сменился образом той дрожащей девушки из машины.

— Где она? — хрипло спросил он, уже срываясь с места.

— В своей комнате! Заперлась! — крикнула Камилла, уже выбегая в коридор.

Братья рванули следом. Гулкие шаги по мрамору эхом отдавались в пустых коридорах. Когда они добежали до гостевого крыла, из-за двери комнаты Милены не доносилось ни звука. Это пугало сильнее любого крика.

Алессандро первым ворвался внутрь. Комната была пуста, но дверь в ванную была заперта изнутри. Оттуда доносился странный звук — глухие всхлипы, перемежающиеся с лязгом металла.

— Миленка! — Алессандро ударил кулаком в дверь. — Миленка, открой!

— Уйди... — раздался за дверью слабый, неузнаваемый голос. — Просто уйди. Я должна... я должна вырезать это из себя. Его запах, его голос... всё это под кожей...

— О боже, Мил, не смей! — Камилла упала на колени перед дверью. — Помнишь, что мы обещали в Питере? Больше никогда! Мы справимся, слышишь? Просто открой!

Лоренцо стоял позади, бледный как полотно. Он впервые видел Камиллу такой — настоящей, уязвимой, сражающейся за жизнь подруги. Марко и Винченцо замерли в дверях, не зная, как реагировать на этот хаос.

— Отойдите! — приказал Алессандро.

— Алессандро, осторожно... — начал было Марко, но Дон не слушал.

Он с силой ударил плечом в дверь. Раз, второй. Старинное дерево треснуло. Третий удар — и замок вылетел с мясом.

Картина внутри заставила его сердце пропустить удар.

Милена сидела на полу, привалившись спиной к холодному кафелю. На ней была только тонкая белая футболка и короткие шорты. Её лицо было опухшим от слез, глаза — расширенными, невидящими. В правой руке она сжимала тот самый керамический нож, который ей выдал Винченцо. Лезвие уже коснулось кожи на предплечье, оставив тонкую алую нить.

— Отдай нож, *orsetto*.(медвежонок)— Алессандро медленно опустился на корточки, выставляя руки перед собой. — Милена, посмотри на меня. Ты здесь. Со мной. Ни Игоря, ни твоего отца здесь нет.

— Они всегда здесь... — прошептала она, глядя сквозь него. — Они в моей крови. Я хочу её выпустить, чтобы они ушли.

Камилла попыталась подойти, но Алессандро жестом остановил её.

— Я вырежу их за тебя.— тихо, но твердо сказал он. — Слышишь? Я убью каждого, кто причинил тебе боль. Но ты не должна делать это сама. Ты больше не их игрушка, Милена. Ты моя. А я не разрешаю тебе умирать.

Он сделал резкий выпад и перехватил её запястье. Милена вскрикнула, пытаясь вырваться, её тело забилося в конвульсиях панической атаки. Но Алессандро держал крепко, аккуратно разжимая её пальцы. Нож со звоном упал на кафель.

Винченцо мгновенно подобрал его и вышел.

— Камилла, аптечку! — скомандовал Алессандро, притягивая бьющуюся в истерике девушку к своей груди.

Милена рыдала навзрыд, вцепившись ногтями в его дорогой пиджак, оставляя на нем затяжки и пятна крови. Она что-то бессвязно шептала на русском — имена, проклятия, мольбы.

Лоренцо подошел к Камилле, которая трясущимися руками доставала ампулу.

— Дай я. — тихо сказал он, забирая шприц. Его руки были удивительно спокойными. — Я знаю дозировку для шоковых состояний.

Он подошел к Алессандро, который баюкал Милену на руках, как раненого ребенка. Братья, привыкшие к крови и убийствам, молча смотрели на эту сцену. Они впервые видели изнанку той силы, которой так восхищались на стрельбище.

Через несколько минут, когда лекарство подействовало, тело Милены обмякло. Её дыхание выровнялось, а глаза закрылись.

Алессандро поднял её на руки — она казалась почти невесомой в своей домашней одежде. Он осторожно перенес её на кровать и накрыл одеялом. Камилла тут же села рядом, взяв её за руку, её глаза всё еще были полны слез.

Алессандро обернулся к братьям. Его взгляд был таким страшным, что даже Винченцо отвел глаза.

— Винченцо, Марко — вон. Лоренцо... спасибо.

Он дождался, пока братья выйдут, и посмотрел на Камиллу.

— Как часто это случается?

Камилла шмыгнула носом, не отпуская руку Милены.

— Раньше — каждую неделю. Последний год было затишье. Пока мы не приехали сюда. Пока ты не заставил её вспомнить.

Алессандро подошел к окну и сжал кулаки так, что хрустнули суставы.

— Больше этого не повторится. Я лично найду Павлова. И обещаю тебе... он будет умолять о такой смерти, которую она хотела причинить себе сегодня.

Он вышел из комнаты, но перед тем как закрыть дверь, бросил взгляд на спящую Милену. В этот момент он окончательно понял: он не просто защищает её. Он привязан к ней этой болью сильнее, чем любыми клятвами. И это сделает его самым жестоким человеком на земле.

Глава 10

Алессандро.

Когда шприц в руках Лоренцо опустел, и Милена, наконец, обмякла, перестав бороться с невидимыми демонами, я почувствовал, как у меня самого подкашиваются ноги. Я осторожно переложил её на кровать. Она была такой бледной, что казалась почти прозрачной в свете ночника.

Камилла тут же села рядом, сжав её ладонь.

— Я не уйду. — тихо, но с вызовом бросила она, глядя на меня снизу вверх. — Даже не проси.

Я лишь кивнул. У меня не было сил на приказы.

— Пусть спит. Винченцо усилит пост у дверей, но никто не войдет без твоего разрешения, Камила.

Я вышел из комнаты и направился в свой кабинет. Братья уже были там. Но вопреки моим ожиданиям, в комнате не было криков или споров. Была тишина, наполненная тяжелым осознанием того, что мы только что увидели.

Кабинет Алессандро. 3:30 ночи.

Я сел в свое кресло, чувствуя, как каждая мышца горит от напряжения. Марко стоял у бара, но вместо привычного рома он просто вертел в руках пустой стакан.

— Это было... жестко. — негромко произнес Марко, не глядя на меня. — Я видел многое, Алессандро. Но то, как она смотрела сквозь нас... Она ведь не нас видела. Она видела ту тварь, своего отца.

Винченцо, который всегда был самым непримиримым, медленно кивнул.

— Чтобы довести человека до такого... Нужно быть не просто врагом. Нужно быть дьяволом. Она жила в аду девятнадцать лет, Але. И то, что она до сих пор умеет держать спину прямо — это чудо.

Лоренцо сидел за своим столом, но его мониторы были погашены.

— Нам нужно изменить стратегию. — сказал он, поправляя очки. — Мы планировали использовать её для зачистки складов прямо сейчас. Но она не в состоянии. Её психика на пределе. Если мы надавим еще раз, мы её потеряем. И я сейчас не про стратегический актив, Алессандро. Я про человека.

Я посмотрел на братьев. Они не требовали её головы. Они не требовали мести. Они видели перед собой раненое существо, которое нуждалось в убежище.

— Согласен. — я прикрыл глаза ладонью. — Никаких миссий. Никаких допросов. Ближайшие пару дней они должны просто... жить.

— Отправь их в сад. — предложил Марко. — Там тихо, пахнет лимонами. А завтра... когда они придут в себя, пусть съездят в город. Шопинг, платья, обычная женская чепуха. Я сам их отвезу. Им нужно почувствовать, что мир — это не только подвалы и стрельбище.

— Мы не спустим с них глаз. — добавил Винченцо. — Охрана будет незаметной, но плотной. Пусть думают, что они свободны. Им это сейчас нужнее, чем нам их отчеты.

Мы просидели еще час, обсуждая, как укрепить защиту особняка. Мы понимали: затишье будет недолгим. Пахан и Игорь не простят нам то, что мы спрятали их «собственность». Но сейчас... сейчас мы решили дать им право на тишину.

4:45 ночи.

Когда братья разошлись, я долго не мог заставить себя встать. Я вышел на балкон, вдыхая прохладный ночной воздух.

В голове крутилась одна и та же мысль, от которой невозможно было отмахнуться.

Милена Волкова. Дочь человека, который нажал на курок в тот день, когда мои родители перестали дышать. Она — кровь моего злейшего врага. В её жилах течет яд, который я поклялся уничтожить. По всем законам мафии, по всем законам чести, я должен был ненавидеть её. Я должен был чувствовать отвращение, когда касался её кожи.

Но ненависти не было.

Было что-то другое. Первобытное, дикое желание закрыть её собой от всего мира. Желание стереть её фамилию, её прошлое, её шрамы. Я хотел быть тем монстром, который сожрет всех остальных монстров в её жизни.

Это *пугало* меня больше, чем любая война.

Я вернулся в спальню, чувствуя, как усталость наконец берет свое. Сбросив одежду, я рухнул на кровать. Перед глазами стоял её взгляд в ванной — потерянный, полный боли.

«Я вырежу их за тебя, orsetto» — моё обещание пронеслось в голове перед тем, как я провалился в тяжелый, бездонный сон.

Милена.

Я проснулась от того, что в комнате было слишком светло. Солнечные лучи пробивались сквозь тяжелые шторы, рисуя на ковре золотистые полосы. В воздухе пахло жасмином и свежесваренным кофе.

Первая мысль была привычной — страх. Что я сделала не так? Где я? Но потом память вернула события ночи. Ванная. Нож. Холодный кафель. И руки Алессандро, которые держали меня так крепко, будто я была самым ценным, что у него есть.

Я осторожно повернула голову. Камилла спала в кресле, накрытая мужским пиджаком — я узнала крой Лоренцо. Её лицо во сне казалось совсем юным, лишенным той дерзости, которой она отгораживалась от мира.

На тумбочке стоял стакан воды и записка, написанная размашистым, властным почерком: «*Спи. Сегодня — только тишина*». Без подписи. Она не была нужна.

Камилла.

Я открыла глаза, когда услышала шорох простыней. Милена сидела на кровати, обхватив колени руками. Она выглядела бледной, но в её глазах больше не было того безумного остекленения.

— Привет. — прошептала я, потягиваясь. Пиджак Лоренцо соскользнул с моих плеч, и я невольно задержала на нем взгляд. — Как ты?

— Как будто меня переехал грузовик. — Милена слабо улыбнулась. — Что произошло после того, как... ну, ты поняла.

— Тебя укололи, ты уснула. А потом братья де Лука устроили военный совет. — я встала и подошла к окну, распахивая шторы. — И, к моему огромному удивлению, они не обсуждали, как нас пристрелить. Наоборот.

Милена вопросительно приподняла бровь.

— Нам велено отдыхать, Мил. Шопинг, сад... Алессандро официально запретил тебе «воевать» в ближайшие пару дней. Они решили, что мы слишком много нервничали. Поверить не могу, что говорю это про итальянскую мафию, но, кажется, они решили нас побаловать.

Терраса. Завтрак.

Когда мы спустились к завтраку, все уже были в сборе. Но атмосфера в столовой была другой. Никаких планов нападения на столах, никаких ноутбуков.

Марко, в ярко-синей рубашке с расстегнутым воротом, бодро разливал сок.

— А вот и наши леди! — провозгласил он, отодвигая стул для Милены. — Выглядите гораздо лучше. Сегодня отличный день, чтобы потратить немного денег моего брата.

Винченцо лишь кивнул, не отрываясь от газеты, но я заметила, как он украдкой оценил состояние Милены. В его взгляде больше не было подозрения — только суровое, мужское уважение к тому, кто пережил ад.

Лоренцо сидел за ноутбуком, но как только мы вошли, он захлопнул крышку. Его взгляд на секунду замер на мне, а потом он быстро отвел глаза, поправляя очки.

— Списки подождут. — коротко бросил он. — Камилла, после завтрака я скину тебе координаты лучших бутиков Милана. У вас безлимитный доступ к картам «Семьи» на сегодня.

— О, Лоренцо, ты начинаешь мне нравиться. — подмигнула я ему, чувствуя, как щеки предательски розовеют.

Алессандро.

Я сидел во главе стола, наблюдая за тем, как Милена берет чашку кофе. Её пальцы всё еще немного дрожали, но она держалась. На ней было простое белое платье, которое делало её похожей на ангела, случайно застрявшего в логове демонов.

Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри ворочается та самая ненависть, о которой я должен был помнить. Каждый раз, когда я видел её черты, я должен был вспоминать кровь на асфальте Милана.

Но я видел другое. Я видел шрам на её предплечье, который она пыталась скрыть рукавом. Я видел тени под её глазами.

Ненависть была, но она была направлена не на неё. Она была направлена на весь мир, который посмел её сломать.

— Милена. — я произнес её имя, и все за столом замолчали. — Марко отвезет вас в город через час. Возьмите столько охраны, сколько сочтете нужным. Вечером я жду тебя в саду. Нам нужно... просто поговорить. Не о делах.

Она подняла на меня свои зеленые глаза. В них была осторожность, но и что-то еще — тихая благодарность.

— Хорошо, Алессандро. — ответила она.

Я кивнул и встал. Мне нужно было уйти, прежде чем я сорвусь и прижму её к себе прямо здесь, на глазах у братьев. Эта женщина была моим проклятием. И я должен был использовать её.

Но вместо этого я покупал ей платья и дарил тишину.

Я вышел из столовой, чувствуя, как в груди щемит от невозможного противоречия. Я — Дон Алессандро де Лука, и я только что понял, что проиграл эту битву самому себе. Защищать её стало важнее, чем мстить за прошлое. И это было самое опасное, что когда-либо случилось со мной.

Милена.

Мы вышли во двор, где у ворот уже урчал двигатель черного внедорожника. Марко стоял у открытой двери, поправляя солнцезащитные очки и перебрасываясь шутками с охраной.

Но не успели мы сделать и десяти шагов, как со стороны псарни раздался приглушенный лай, а затем — тяжелый топот. Из-за угла дома вылетели три огромных Кане-корсо, черных, как сама ночь. Малум, Силенцио и Обливио. Настоящие монстры весом по шестьдесят килограммов каждый, обученные разрывать любого, кто посягнет на покой «Семьи».

— Эй! Назад! — выкрикнул Марко, мгновенно напрягаясь. Охранники инстинктивно положили руки на кобуры.

Но псы даже не взглянули на них. Они неслись прямо на меня. Я замерла, но не от страха, а от неожиданности. В следующую секунду три тяжелых зверя врезались в меня, едва не сбив с ног. Но вместо того, чтобы вцепиться в горло, они начали... облизывать меня. Огромные мокрые языки прошлись по моим щекам, рукам, ладоням. Они скулили и виляли хвостами так сильно, что их мощные тела ходили ходуном.

— Какого черта? — Камилла отпрыгнула в сторону, широко раскрытыми глазами глядя на эту картину. — Они что, приняли тебя за гигантскую косточку?

Марко стоял с открытым ртом.

— Они никого не подпускают к себе, кроме Алессандро и кинолога. Даже Лоренцо они иногда пытаются откусить палец...

— Малум! Силенцио! Обливио! А ну назад! — раздался холодный, властный голос.

Алессандро стоял на крыльце, скрестив руки на груди. Его лицо выражало крайнюю степень недоумения. Псы мгновенно замерли, виновато прижали уши и нехотя отошли от меня, но всё равно продолжали преданно заглядывать мне в глаза.

— Поверить не могу. — пробормотал Алессандро, спускаясь к нам. Он посмотрел на меня так, будто видел впервые. — У этих зверей вместо сердец куски гранита. Видимо, ты действительно ведьма, Милена Волкова.

— Просто они чувствуют своих. — я вытерла щеку и погладила Малума по массивной голове. — Собаки не смотрят на фамилию.

Алессандро ничего не ответил, но в его взгляде промелькнуло что-то странное — смесь гордости и ревности. Он жестом приказал псам уйти, и мы наконец сели в машину.

Милан. Золотой квадрат.

Поездка в Милан была похожа на безумный вихрь. Марко оказался самым невыносимым, но забавным спутником для шопинга.

— Так... — Марко зашел в бутик *Valentino* так, будто он владел всем кварталом. — Мне нужно что-то, что кричит: «Я принцесса, но если ты подойдешь ближе, я перережу тебе плотку». У вас есть такое в новой коллекции?

Продавщица вздрогнула, но профессионально улыбнулась.

Я вышла из примерочной в облегающем шелковом платье цвета Тиффани с открытой спиной.

— Как тебе? — спросила я Камиллу.

— Слишком прилично. — Камилла критически осмотрела меня, попивая шампанское прямо из бокала, предложенного консультантом. — Где разрез до бедра? Где место для твоего любимого ножа? Ты же в нем запутаешься, когда начнется стрельба.

— Камилла, это для ужина в саду, а не для штурма крепости! — рассмеялась я.

— В этом доме ужин в саду и штурм крепости — это часто одно и то же мероприятие. — вставил Марко, лениво перебирая вешалки. — Милена, примерь вот это черное. Оно выглядит так, будто ты вдова, которая только что прикончила мужа и унаследовала все его миллионы. Алессандро это оценит. Его любимый стиль.

— Вы все ненормальные. — пробормотала я, забирая платье.

Спустя час Камилла примеряла ярко-красный комбинезон.

— Лоренцо умрет, когда увидит меня в этом. — заявила она, крутясь перед зеркалом. — Он начнет заикаться и забудет все свои пароли.

— Он и так их забывает, когда ты заходишь в серверную. — усмехнулся Марко. — Кстати, Камилла, это платье с блестками... Оно весит больше, чем твой ноутбук. Зачем тебе оно?

— Чтобы слепить врагов своим сиянием, пока ты будешь мазать по мишеням. — парировала она.

Закончив примерять платья, как истинные девушки, мы вошли в «Agent Provocateur» — бутик, где одна подвязка стоила больше, чем средний автомобиль. Воздух здесь был пропитан ароматом пудры и дорогих духов, а консультантки двигались тише теней.

Марко зашел следом за нами, стараясь сохранять невозмутимый вид «опасного парня», но когда он оказался в окружении манекенов в прозрачных боди, его уверенность заметно пошатнулась.

— Так, дамы... — Марко демонстративно уставился в потолок, рассматривая лепнину. — Я буду стоять вот у той колонны. Сделайте вид, что я — часть интерьера или статуя. Очень дорогая и вооруженная статуя.

— Ой, брось, Марко! — Камилла со смехом выудила из ближайшей корзины крошечный лоскуток черного кружева, который едва ли мог прикрыть хоть что-то. — Посмотри, какой фасон. Как думаешь, Лоренцо оценит такой «файервол»?

Марко бросил быстрый взгляд на «лоскуток» и тут же снова уставился в потолок.

— Камилла, если ты наденешь это при моем друге, его процессор сторит к чертям собачьим. А нам еще нужны его мозги для войны с русскими. Положи это на место, пока я не вызвал священника.

— Трусиска. — подмигнула ему Камилла и повернулась ко мне. — Мил, посмотри на это. Черный шелк, ручная вышивка. Это просто кричит: «Алессандро, сегодня ты проиграешь эту битву».

Я взяла в руки комплект. Он был потрясающим. Холодный шелк приятно охлаждал пальцы.

— Не слишком ли... вызывающе?

— Вызывающе — это когда ты идешь на штурм с ножом в зубах. — отрезала Камилла. — А это — стратегическое оружие массового поражения. Бери.

В этот момент к нам подошла консультантка с подносом шампанского.

— Желаете примерить? У нас есть эксклюзивная модель «Midnight Sin» (Полночный грех).

— О, название прямо про Алессандро! — хохотнул Марко, который всё-таки не выдержал и начал коситься на вешалки. — Слушай, Милена, если возьмешь то красное с лентами... — он указал на манекен в углу, — ...то мой брат забудет даже, как его зовут. Я серьезно. Этот мужчина любит сложности, а там, кажется, нужно развязать пятьсот узлов, чтобы добраться до сути.

— Марко! — я вспыхнула. — Ты невыносим!

— Я просто заботливый брат! — он поднял руки вверх, сдаваясь. — Я хочу, чтобы в нашем доме наконец-то стало тише по ночам... или наоборот, громче, но по другой причине.

Камилла в это время уже набрала целую охапку белья.

— Так, я пошла в примерочную. Марко, если услышишь мой визг — значит, я запуталась в лямках. Не входи, просто зови на помощь экзорциста.

Через десять минут я вышла из примерочной в том самом черном шелковом комплекте, накинув сверху прозрачный халатик. Камилла выглянула из соседней кабинки, вся в алом кружеве.

— Мил... — она присвистнула. — Если Алессандро тебя увидит в этом, он отменит войну. Зачем воевать, когда у тебя в спальне такое сокровище?

— Марко, оцени! — крикнула Камилла, в шутку приоткрывая штормку.

— Нет! — послышался панический голос Марко из зала. — Я не смотрю! Я клянусь, я смотрю на фикус! Этот фикус прекрасен! У него такие зеленые листья! Алессандро меня убьет, если я увижу хоть сантиметр вашей «стратегии»!

Мы с Камиллой так и покатались со смеху.

Когда мы вышли к кассе, Марко стоял у выхода, подозрительно изучая ценники на витрине.

— Ну что, закончили свои пытки? — спросил он, доставая золотую карту «Семьи».

— Закончили. — я передала пакеты кассиру. — Ты в порядке? Ты какой-то красный.

— Просто в этом магазине слишком жарко. — буркнул он, оплачивая счет, от которого у обычного человека случился бы инфаркт. — И вообще, в следующий раз на шопинг с вами пойдет Винченцо. Он старый, суровый и, кажется, вообще не знает, что такое кружево. А я слишком молод, чтобы так страдать.

Мы вышли из бутика, нагруженные пакетами с логотипами, которые стоили целое состояние.

— Спасибо за страдания, Марко! — я поцеловала его в щеку.

— Да ладно. — он улыбнулся, снова возвращая себе вид крутого парня. — Главное — не показывайте Лоренцо то красное, пока мы не взломаем серверы Павлова. Мне нужен его мозг в рабочем состоянии.

Шопинг закончился тем, что багажник джипа был забит коробками. Мы сидели в уютном кафе на площади, уставшие, но впервые за долгое время по-настоящему живые.

— Знаешь... — Камилла посмотрела на меня поверх очков. — Если не обращать внимания на то, что за соседним столиком сидят три амбала из охраны де Лука, которые смотрят на всех как на мишени... Это был отличный день.

— Да. Отличный день.— ответила я.

После чего мы сели в машину и поехали домой. Я знала, что вечером в саду меня ждет Алессандро. И почему-то мысль об этом разговоре пугала меня больше, чем встреча с псами-убийцами. Собаки любят искренность. А что любит Алессандро, мне еще только предстояло узнать.

Глава 11

Милена.

Когда мы вернулись в особняк, солнце уже начало клониться к горизонту, окрашивая небо над озером Комо в персиковые и лиловые тона. Охрана подхватила наши пакеты, а Марко, шутиливо отсалютовав нам двумя пальцами, укатил в сторону гаража, оставив нас в холле.

— Ну что, «orsetto». — Камилла толкнула меня плечом, — пора доставать тяжелую артиллерию. У тебя есть час, чтобы превратиться в женщину, ради которой Алессандро забудет, как дышать.

Я поднялась к себе, чувствуя странное волнение. Это не был страх перед допросом или пулями. Это было предвкушение чего-то неизбежного.

Ванна с ароматными маслами помогла смыть усталость дня. Я вышла, окутанная облаком пара, и подошла к зеркалу. Ритуал начался.

Я затянула волосы в высокий, тугий хвост — так, что скулы стали еще острее. Этот жест всегда придавал мне уверенности. Подводка легла идеально: тонкие, острые стрелки, вытягивающие разрез глаз, делая взгляд почти кошачьим. И последний штрих — тот самый блеск для губ с глубоким коричневым подтоном. На губах он смотрелся вызывающе и в то же время благородно.

Я надела чёрное платье из тяжелого шелка. Оно скользнуло по коже, облекая фигуру и струясь до самого пола. Открытая спина заставляла меня держать осанку — ни одного лишнего шрама не было видно, но я знала, что они там, под тканью.

Сад.

Я вышла из дома, когда сумерки окончательно опустились на поместье. Сад был преображен. Вдоль дорожек горели мягким светом невысокие фонари, а ветви вековых деревьев были украшены гирляндами с теплыми огнями. В воздухе стоял одурманивающий аромат цветов и соленой воды.

Я увидела его издалека.

Алессандро стоял у парапета, спиной ко мне, глядя на темную гладь озера. Он сбросил пиджак, оставшись в одной белой рубашке с закатанными до локтей рукавами. В его руке был стакан с виски, а лед тихо позвякивал о стекло. Даже со спины от него исходила такая мощная аура власти и опасности, что у меня перехватило дыхание.

Мои туфли на шпильках тихо цокали по каменной дорожке. Когда до него осталось несколько шагов, он замер. Он почувствовал меня раньше, чем услышал.

Алессандро медленно обернулся.

На мгновение его лицо, обычно непроницаемое, как гранит, изменилось. Стакан замер в его руке. Его взгляд, тяжелый и обжигающий, прошелся по моему высокому хвосту, по острым стрелкам, задержался на моих темных губах и медленно спустился ниже — по изгибам чёрного шелка.

Тишина в саду стала звенящей. Было слышно только, как цикады поют в траве и как бьется мое собственное сердце — быстро, слишком быстро.

— Я думал, что видел красоту, Милена... — его голос прозвучал низко, с хрипотцой, которая заставила мурашки пробежать по моей спине. — Но я ошибался.

Он поставил стакан на каменный парапет и сделал шаг ко мне. Я не отступила. Между нами осталось всего несколько сантиметров, и я почувствовала его запах — сандал, терпкий виски и холодная ярость, которую он так тщательно пытался скрыть.

— Твой отец... — он произнес это слово как ругательство. — ...он не заслуживал даже того, чтобы смотреть на тебя. А Игорь... за каждое его прикосновение я вырву по куску из его тела.

Он протянул руку и медленно, почти невесомо, провел костяшками пальцев по моей щеке. Его кожа была горячей.

— Ты пришла сюда, чтобы уничтожить меня? — прошептал он, склоняясь к моему уху. — Потому что сейчас, в этом платье, ты справляешься лучше, чем все киллеры твоего отца вместе взятые.

Я подняла голову, встречаясь с его темными глазами.

— Я пришла, чтобы поговорить, Алессандро. Ты сам обещал — никакой войны. Только тишина.

Он усмехнулся, и в этой усмешке было столько обладания, что у меня подкосились ноги.

— Тишина — это самое громкое, что есть между нами, orsetto.

Он взял мою руку и прижал её к своей груди. Под ладонью я почувствовала бешеный ритм его сердца. Он не врал — этот человек, этот холодный Дон мафии, был на грани.

— Пойдем. — он жестом указал на накрытый стол в глубине беседки, увитой розами. — Завтра мы сожжем этот мир. Но сегодня... сегодня ты принадлежишь не своей фамилии. Не своему прошлому. Сегодня ты принадлежишь этому саду. И мне.

Он предложил мне локоть, и когда я коснулась его, я поняла: этот ужин может изменить многое. Мы больше не были врагами. Мы были двумя стихиями, которые наконец-то столкнулись в самом сердце шторма.

Ужин в саду был похож на танец на лезвии ножа. Вокруг — тишина итальянской ночи, аромат роз и шум озера, а между нами — электрическое напряжение, от которого, казалось, могли загореться гирлянды над головой.

Алессандро разлил густое рубиновое вино по бокалам. Свет свечей отражался в его темных глазах, делая его взгляд почти невыносимо пристальным.

— Ты почти ничего не съела. — заметил он, не сводя с меня глаз. — Мой шеф повар будет безутешен.

— У меня пропал аппетит еще в Милане, когда я увидела ценники. — я попыталась пошутить, чтобы сбросить это удушающее напряжение, но мой голос прозвучал тише, чем я планировала.

Алессандро усмехнулся, медленно покрутив бокал в руках.

— Деньги — это единственное, о чем тебе никогда не стоит беспокоиться в этом доме, Милена.

Я сделала глоток вина. Оно было терпким и согревающим. Решимость, подогретая алкоголем и его близостью, толкнула меня задать вопрос, который мучил меня с самой первой встречи.

— Почему «orsetto»? — я посмотрела ему прямо в глаза. — Медвежонок. Это звучит... почти ласково. Совсем не в твоём стиле, Алессандро.

Он замер и поставил бокал, медленно подался вперед, опираясь локтями о стол. Теперь его лицо было так близко, что я видела каждую ворсинку на его воротнике и темную щетину на челюсти.

— Хочешь знать правду? — его голос стал низким, вибрирующим. — В ту первую ночь, когда мои люди привели тебя, ты была напугана до смерти. Но когда я вошел в комнату, ты не забила в угол. Твои глаза... они не были глазами жертвы. В них была ярость дикого зверя, загнанного в ловушку. Маленького, но смертельно опасного медведя, который готов перегрызть глотку любому, кто подойдет ближе.

Он протянул руку через стол и накрыл мою ладонь своей. Его пальцы были горячими и влажными.

— Ты выглядишь мягкой, Милена. Шелк, духи, эти губы... — он коснулся большим пальцем моей нижней губы, медленно стирая капельку вина. — Но внутри тебя — хищник. И этот контраст... он сводит меня с ума.

Я почувствовала, как по телу прошла дрожь. Его прикосновение обжигало.

— Мы враги, Алессандро. Твои братья ненавидят мою фамилию. Твоя семья пострадала от рук моего отца. Мы не должны сидеть здесь и пить вино. Ты должен ненавидеть меня.

— Я пытался... — выдохнул он, и его взгляд стал почти болезненным. — Клянусь всеми святыми и демонами, я пытался ненавидеть тебя каждую секунду. Я заставлял себя вспоминать, кто твой отец. Но потом тыходишь в комнату, смотришь на меня своим невозможным взглядом зелёных глаз, и всё, о чем я могу думать — это как сильно я хочу уничтожить каждого, кто заставил тебя плакать.

Он встал, не отпуская моей руки, и потянул меня на себя. Я поднялась, шелк платья зашуршал, когда я оказалась вплотную к нему. Алессандро обхватил мою талию, прижимая к своему жесткому телу.

— Что между нами происходит? — прошептала я, задыхаясь от его близости.

— Катастрофа. — ответил он, запуская пальцы в мой хвост и слегка оттягивая голову назад. — Самая прекрасная катастрофа в моей жизни. Я не должен хотеть тебя так сильно. Я не должен обещать тебе мир. Но я сделаю это.

Он наклонился, и я зажмурилась, ожидая поцелуя. Его дыхание коснулось моих губ.

— Ты больше не Волкова для меня, Милена. Ты — моя orsetto. И если ради того, чтобы ты осталась в этом саду навсегда, мне придется вырезать твою фамилию из истории мафии... я сделаю это, не моргнув глазом.

В этот момент между нами не осталось тайн. Искры, которые летели всё это время, превратились в пожар. Я обхватила его шею, чувствуя, как его сердце бьется в унисон с моим.

— Поцелуй меня. — сорвалось с моих губ.

Алессандро не заставил себя ждать. Его поцелуй был властным, собственническим, со вкусом вина и неистовой страсти. В нем было всё: его ярость, его защита и та самая любовь, которую он боялся признать.

Сад вокруг нас перестал существовать. Остался только вкус его губ и осознание того, что с этого момента пути назад нет. Мы сожгли мосты, и в этом огне нам предстояло либо погибнуть, либо построить совершенно что-то новое.

Он не разрывал поцелуй, даже когда мы переступили порог дома. Он подхватил меня под бедра, и я инстинктивно обхватила его талию ногами, чувствуя, как шелк платья задрался выше колен. Он нес меня по лестнице с такой легкостью, будто я ничего не весила, прижимая к стене в каждом темном углу коридора, чтобы снова и снова впиваться в мои губы.

Когда мы оказались в его спальне, он небрежным движением сбросил всё с массивного дубового стола. Лампы были выключены, и комнату заливал лишь холодный свет луны.

Он поставил меня на пол, и я услышала, как с тихим шорохом ткань соскользнула к моим ногам. Я осталась лишь в том самом черном кружевном комплекте, который так напугал Марко в магазине.

Алессандро замер. Его дыхание стало тяжелым, рваным. Он смотрел на меня так, будто я была его личным божеством и величайшим проклятием одновременно. Его взгляд обжигал кожу сильнее, чем любое прикосновение.

— Милена. — его голос был похож на рокот далекого грома. Он подошел вплотную, его руки, горячие и властные, легли на мои бедра, сминая кружево белья. — Посмотри на меня.

Я подняла голову, задыхаясь от той мощи, что исходила от него.

— Если мы сделаем это... — он сжал мои бедра сильнее, притягивая к себе так, что я почувствовала его твердость через тонкую ткань его брюк. — Пути назад не будет. Ты перестанешь быть дочерью врага. Ты перестанешь быть гостьей. Ты станешь моей. Каждой клеткой, каждым шрамом, каждым вдохом. Ты понимаешь это?

— Да. — прошептала я, впиваясь пальцами в его плечи.

Он заставил меня посмотреть ему прямо в глаза — темные, почти черные от желания.

— Ты уверена? Я не умею быть нежным, orsetto. Я хочу тебя так сильно, что боюсь сломать. Скажи мне нет сейчас, и я уйду.

— Не уходи. — я притянула его за затылок, целуя его в челюсть, в шею. — Я не хочу нежности. Я хочу тебя. Я хочу чувствовать, что я живая. Пожалуйста, Алессандро...

Этого было достаточно. Его контроль, который он так долго удерживал, окончательно рухнул.

Алессандро подхватил меня и повалил на кровать, нависая сверху. Его движения были быстрыми, жадными. Он сорвал с себя рубашку, и я наконец увидела его тело — покрытое татуировками и старыми шрамами, рельефное и мощное.

Он целовал меня так, будто хотел оставить клеймо на каждой части моего тела. Его руки были везде, исследуя изгибы, заставляя меня выгибаться навстречу его ласкам. Когда он избавился от оставшейся одежды, я почувствовала его горячую кожу против своей, и электрический разряд прошил меня насквозь.

— Моя... — прорычал он, разводя мои колени.

Алессандро замер на секунду, упираясь руками по обе стороны от моей головы. Его мышцы перекачивались под кожей, лицо было напряжено от предельного усилия воли.

— Милена...

— Да, Алессандро.

Он вошел в меня одним мощным, резким толчком. Я вскрикнула, запрокинув голову, и впилась ногтями в его спину. Это не была мягкая ласка — это была вспышка боли, переходящая в ослепляющее наслаждение. Он заполнил меня всю, становясь моим центром тяжести.

Алессандро не давал мне передохнуть. Он начал двигаться — жестко, ритмично, с первобытной силой. Каждое его движение было заявлением о правах. Он вжимал меня в матрас, заставляя мои чувства плавиться. Весь мир сузился до этого ритма, до его тяжелого дыхания у моего уха и жара его тела.

— Чья ты? — прорычал он, ускоряя темп. Его движения стали почти неистовыми, он входил так глубоко, что я чувствовала это каждой ниточкой своей души.

— Твоя... — со стоном вырвалось из моей груди. — Только твоя!

Он перехватил мои руки, прижимая их над моей головой, и я оказалась полностью в его власти. Страсть была такой густой, что её можно было коснуться рукой. Я чувствовала, как внутри меня нарастает шторм, который вот-вот готов был взорваться.

Алессандро не отрывал взгляда от моего лица, наслаждаясь моей реакцией, тем, как я дрожала под ним. В его глазах была одержимость.

Когда пик накрыл нас обоих, это было похоже на взрыв. Я закричала, содрогаясь в его руках, а он, издав низкий, горловой звук, прильнул к моим губам, забирая мой последний выдох.

Мы лежали в тишине, сплетенные телами, вдыхая запах друг друга. Моё сердце билось о его грудную клетку. Алессандро осторожно убрал прядь волос с моего лица и поцеловал меня в лоб — на этот раз почти нежно.

— Теперь ты действительно моя, orsetto. — тихо сказал он, прижимая меня к себе так крепко, будто никогда не собирался отпускать. — И горе тому, кто попытается тебя забрать.

Я закрыла глаза, чувствуя себя в абсолютной безопасности впервые за двадцать один год. В эту ночь мы не просто переспали. Мы заключили контракт кровью и страстью. И я знала: завтра начнется война, но сегодня... сегодня я наконец-то нашла свой дом. В руках своего врага. В руках своего единственного спасителя.

Тишина после бури была густой, наполненной запахом секса, пота и мускуса. Алессандро лежал, откинувшись на подушки, его грудь всё еще тяжело вздымалась. Я прижалась к его боку, чувствуя, как его сердце под моей щекой постепенно замедляет свой бешеный бег.

Он внезапно напрягся, и я почувствовала, как его рука, лежавшая на моем плече, чуть дрогнула.

— Черт. — негромко выругался он, проводя ладонью по лицу. — Милена... Мы не использовали защиту.

Я подняла на него взгляд, но он смотрел в потолок, его челюсти были плотно сжаты.

— Я чист, я проверяюсь каждые три месяца... — быстро добавил он, наконец посмотрев на меня. В его глазах было странное выражение — смесь раскаяния и чего-то еще, что я не могла прочесть. — Но я... я кончил в тебя. Я потерял контроль. Если ты хочешь, завтра мы решим этот вопрос, я пришлю врача, таблетки...

— Не нужно. — я перебила его тихим, безэмоциональным голосом.

Алессандро замер, прищурившись.

— О чем ты?

Я отвернулась, глядя на лунный свет, дрожащий на стене. Это была та часть правды, которую я не хотела озвучивать, потому что она делала меня «неправильной» в глазах любого мужчины.

— Ты не должен беспокоиться о детях. — я сглотнула комок в горле. — Мой отец... он годами заставлял меня принимать определенные препараты. Он называл это «витаминами для укрепления», но когда мне исполнилось восемнадцать, Камилла выкрала мою карту из семейной клиники.

Я почувствовала, как Алессандро придвинулся ближе, его внимание теперь было сосредоточено только на моих словах.

— Это были сильные гормональные блокаторы... — мой голос надломился. — Отец не хотел, чтобы я когда-нибудь забеременела. Он говорил, что я — его инструмент, а дети — это лишняя привязанность, которая сделает меня слабой. Он хотел быть единственным, кому я предана. Те лекарства... они выжгли всё внутри. Я бесплодна, Алессандро. Так что ты в безопасности. Твоя кровь не смешается с кровью Волковых.

В комнате повисла тяжелая, удушающая тишина. Я ожидала чего угодно: облегчения, безразличия или даже холодного кивка. Но я не ожидала того, что произошло дальше.

Алессандро резко перевернулся и навис надо мной, обхватив мое лицо ладонями. Его глаза горели такой яростью, что я инстинктивно вжалась в матрас.

— Этот ублюдок... — прорычал он, и я увидела, как на его шее вздулись вены. — Он лишил тебя даже этого права. Боже, если бы я мог убить его дважды, я бы сделал это медленно.

Он прижался своим лбом к моему, его дыхание было обжигающим.

— Посмотри на меня, orsetto. Слышишь? Мне плевать на наследников. Мне плевать на продолжение рода прямо сейчас. Всё, что мне нужно — это ты. Живая, настоящая и свободная от его тени. Ты не «инструмент». И ты не виновата в том, что он сделал.

Он начал целовать мои глаза, лоб, виски — бережно, почти благоговейно, смывая этими поцелуями горечь моих слов.

— Тебе больше не нужно об этом думать. — прошептал он мне в губы. — Забудь всё, что он тебе внушал. Здесь, в этом доме, ты в безопасности. И больше никто, слышишь, никто не посмеет дать тебе даже таблетку аспирина без моего ведома.

Я почувствовала, как по моим щекам потекли слезы — первые слезы облегчения за многие годы. Я верила ему. Я верила, что для него я — не просто способ продолжить династию.

— А теперь спи. — он крепко прижал меня к себе, укрывая нас одеялом, создавая вокруг нас кокон, в который не мог проникнуть ни один кошмар. — Ты вымотана. Завтра будет новый день. И мы встретим его вместе.

Я закрыла глаза, засыпая под мерный стук его сердца.

Я не знала тогда, что Камилла, рискуя жизнью в Москве, подменила те самые «витамины» на обычные плацебо. Я не знала, что мой организм был молодым и сильным, и он давно очистился от яда. Я была убеждена в своей пустоте.

Но в ту ночь, в объятиях Дона де Лука, я впервые за всю жизнь не чувствовала себя сломанной. Я чувствовала себя любимой. И это было самое большое чудо, в которое я когда-либо смела верить.

Глава 12

Алессандро.

Я проснулся первым. Солнце только начало заливать спальню золотом, но я уже давно просто лежал и наблюдал за тем, как она спит. Милена уткнулась носом в мою подушку, её волосы разметались по простыням, как черный шелк. В утреннем свете она казалась еще более хрупкой, и это чертовски злило меня, потому что я знал, через что ей пришлось пройти.

Слова, которые она произнесла ночью, всё еще отдавались звоном в моих ушах. *Бесплодна.*

Я сжал кулаки под одеялом. Её отец не просто ломал её дух — он пытался стереть её будущее. Как можно быть таким чудовищем, чтобы лишиться собственную дочь возможности иметь жизнь за пределами войны? В ту минуту я поклялся себе, что найду лучших врачей в Европе. Я не буду давить на неё, нет. Но я сделаю всё, чтобы она снова почувствовала себя полноценной, даже если она сама в это уже не верит.

Милена зашевелилась и медленно открыла глаза. Пару секунд она смотрела в потолок, привыкая к обстановке, а потом её взгляд встретился с моим. Она не отвела глаз. Не смутилась. В этом была вся она — гордая даже в своей уязвимости.

— Доброе утро, orsetto. — я притянул её к себе, вдыхая запах её волос.

— Доброе утро, Алессандро. — её голос был хриплым после ночи, и этот звук вызвал во мне новую волну желания, которую я с трудом подавил. Нам нужно было поговорить о деле.

— Слушай меня. — я приподнялся на локте, заставляя её сосредоточиться. — Сегодня никаких миссий. Мои люди уже начали зачистку по двум точкам из твоего списка, но ты остаешься здесь. Марко и Винченцо прикроют ребят. Тебе нужно время, чтобы прийти в себя.

Она хотела было возразить, я видел, как она набрала воздуха, но я приложил палец к её губам.

— Это не обсуждается. Сегодня ты проведешь день в саду или в библиотеке. Вечером мы обсудим результаты зачистки. Ты мне нужна со свежей головой, а не на грани обморока. Поняла?

Она вздохнула и неохотно кивнула.

— Поняла. Но я не буду просто сидеть и вышивать крестиком, Алессандро.

Я усмехнулся и поцеловал её в лоб.

— Я бы посмотрел на это зрелище. А теперь иди к себе, приведи себя в порядок. Встретимся на завтраке.

Милена поднялась, завернувшись в простыню, и начала искать свое платье. Глядя на её обнаженную спину, на плавные изгибы тела, я почувствовал, как собственнический инстинкт внутри меня просто зашкаливает. Она больше не была «активом». Она была **моей** женщиной.

Когда она оделась и, бросив на меня последний взгляд, ускользнула из комнаты, я откинулся на подушки. Моя жизнь только что стала в сто раз сложнее. Но, черт возьми, это того стоило.

Милена.

Я шла по коридору, стараясь сохранять невозмутимый вид, хотя всё мое тело ныло от непривычной, но приятной усталости. Ткань платья немного помялся, а волосы были в полном беспорядке, но мне было всё равно. Внутри меня всё пело.

Я уже почти дошла до своей двери, когда из-за поворота вышла Камилла. В руках она держала большую кружку кофе, а на плечах у неё — я готова была поклясться — висел вчерашний пиджак Лоренцо.

Мы замерли друг напротив друга.

Камилла медленно опустила кружку, её взгляд прошелся по моему лицу, задержался на припухших губах, а потом переместился на дверь комнаты Алессандро, которая была видна за моей спиной.

— О-о-о... — протянула она, и на её лице расплылась самая ехидная улыбка, которую я когда-либо видела. — Судя по тому, что ты идешь «походкой победителя», а твоё платье выглядит так, будто его снимали зубами... вечер в саду прошел крайне продуктивно.

— Камилла, не начинай. — я попыталась пройти мимо неё, чувствуя, как краснеют уши.

— Нет-нет-нет, дорогая, ты никуда не уйдешь! — она преградила мне путь, сияя от восторга. — Милена Волкова, ты только что переспала с Доном де Лука! Тем самым «ледяным принцем», который, по слухам, вместо сердца носит кассовый аппарат. И судя по твоему виду, он оказался... горячее, чем мы думали?

— Он... — я замялась, подбирая слова. — Он другой, Ками. Он пообещал мне защиту. И я ему всё рассказала.

Улыбка Камиллы стала чуть серьезнее. Она подошла ближе и тихо спросила:

— И как он отреагировал? Настоящий Алессандро, а не тот, что на обложках газет?

— Он сказал, что я — его. — прошептала я. — И что он уничтожит каждого, кто причинил мне боль.

Камилла долго смотрела на меня, а потом кивнула сама себе.

— Ну что ж. Похоже, мы не просто нашли убежище. И, судя по твоим сияющим глазам, ты наконец-то нашла кого-то, кто сильнее твоих страхов.

Она вдруг хихикнула и снова вернулась к своему обычному тону:

— Но учти, если ты забеременеешь и у тебя родится маленький итальяно-русский мафиози, я буду крестной. И я научу его взламывать серверы Ватикана раньше, чем он научится ходить!

Я грустно улыбнулась, вспомнив наш ночной разговор с Алессандро, но не стала её расстраивать.

— Идем завтракать, хакерша. Пока ты не придумала что-нибудь еще более безумное.

Мы пошли к лестнице, и я поймала себя на мысли, что впервые за долгое время я не боюсь завтрашнего дня. Что бы ни случилось, я больше не была одна.

Милена

Я успела переодеться в мягкий кашемировый свитер песочного цвета и свободные брюки. Никакого шёлка, никаких каблуков — сегодня мне хотелось чувствовать себя уютно. Хотя после ночи с Алессандро это слово казалось почти неуместным. Моё тело всё ещё помнило каждое его прикосновение, а губы до сих пор горели.

Когда мы с Камиллой вошли в столовую, там уже сидели все братья. Пахло крепким эспрессо, поджаренным беконом и свежей выпечкой.

Алессандро сидел во главе стола. Как только я переступила порог, он поднял голову. На мгновение его взгляд стал таким тяжёлым и тёмным, что у меня перехватило дыхание. Он не улыбнулся — Доны не улыбаются просто так, — но уголок его губ едва заметно дернулся. Это был собственнический взгляд. Он буквально пометил меня перед своими братьями, даже не сказав ни слова.

Я села на своё место по левую руку от него. Алессандро, не прерывая разговора с Винченцо о поставках, накрыл мою ладонь своей прямо на скатерти. Его пальцы уверенно переплелись с моими. Это был жест силы и защиты.

Лоренцо.

Я наблюдал за ними поверх своего планшета. Я всегда верил в цифры и логику, но то, что я видел сейчас, не нуждалось в расчётах. Алессандро выглядел... иначе. Исчезла та ледяная натянутость, которая преследовала его последние недели. Он сидел расслабленно, но в то же

время был готов в любой момент перегрызть глотку любому, кто просто косо посмотрит на Милену.

Затем я перевёл взгляд на Камиллу. Она сидела напротив меня и с каким-то запредельным удовольствием поглощала круассан, хитро поглядывая то на Алессандро, то на Милену.

— Лоренцо. — позвала она, заметив мой взгляд. — У тебя экран погас. Или ты теперь записываешь данные с помощью телепатии, глядя на мою подругу?

— Я анализирую аномалии. — сухо ответил я, хотя чувствовал, как внутри всё закипает. — Например, почему мой друг сегодня выглядит так, будто он только что выиграл войну, а Милена внезапно сменила боевой настрой на домашний уют.

— О, это называется «химия», умник. — Камилла облизнула палец, испачканный в шоколаде, и я поймал себя на том, что на секунду перестал дышать. — Тебе в твоих кодах такого не объяснят.

— Я знаю, что произошло. — понизил я голос, наклоняясь к ней. — Алессандро никогда не нарушал дистанцию с активами. Это против всех его правил.

— Значит, она больше не актив. — Камилла пожала плечами и дерзко улыбнулась. — Привыкай, айтишник. Кажется, в этом доме скоро сменятся не только пароли, но и правила игры. И, кстати... — она поправила воротник моего пиджака, который всё ещё был на ней. — Твой пиджак ужасно колючий. Но пахнет неплохо.

Я почувствовал, как мои уши начинают гореть. Чёрт бы побрал эту девчонку.

Милена.

— Марко и Винченцо уезжают через двадцать минут. — голос Алессандро вырвал меня из мыслей. Он поглаживал большим пальцем мою ладонь, и это движение действовало на меня гипнотически. — Они проверят склады на севере. Мы с Лоренцо остаёмся в кабинете. Милена, ты обещала мне отдых.

— Я помню. — тихо ответила я.

— А я прослежу, чтобы она не скучала! — вставила Камилла. — У нас по плану — завалиться у бассейна и обсудить... стратегические планы на будущее.

Марко, который до этого молча жевал бекон, вдруг хмыкнул и посмотрел на Алессандро.

— Послушай, брат. Я, конечно, всё понимаю... Но если ты и дальше будешь так на неё смотреть, мы никуда не уедем. У тебя на лбу написано: «Моё, не трогать, убью».

Винченцо громко откашлялся, скрывая усмешку.

— Марко, заткнись и ешь. Алессандро, мы на связи. Лоренцо, жду отчёты по трафику к полудню.

Алессандро проигнорировал колкость Марко, лишь сильнее сжав мою руку.

— Идите.

Когда братья вышли, в столовой стало тише, но напряжение не исчезло. Оно просто сменило характер. Теперь это была густая, искрящаяся тишина между нами четырьмя.

Алессандро наконец повернулся ко мне полностью. Он проигнорировал Камиллу и Лоренцо, будто их не существовало.

— Если тебе что-то понадобится... что угодно... просто скажи.

Я посмотрела в его глаза и увидела там не только страсть, но и ту глубокую, почти болезненную заботу, о которой он говорил ночью. Он действительно принял меня. Со всеми моими шрамами и «бесплодием».

— Мне ничего не нужно, Алессандро. — улыбнулась я. — У меня уже всё есть.

Камилла громко фыркнула, нарушая момент.

— Боже, Лоренцо, пойдём отсюда. Здесь слишком много романтики, я сейчас получу сахарный диабет. Идём, мне нужно, чтобы ты показал мне те закрытые протоколы.

Лоренцо встал, поправляя очки и стараясь выглядеть максимально равнодушным, хотя я видела, как он бросил короткий, изучающий взгляд на Камиллу.

— Идём, заноза. Но если ты тронешь мой основной сервер...

— Да-да, ты меня убьёшь, я помню. Поменяй пластинку! — Камилла схватила его за руку и потащила к выходу.

Мы остались одни. Алессандро медленно поднёс мою руку к своим губам и поцеловал ладонь — прямо в центр, там, где пульсировала жизнь.

— Сегодня — тишина. — прошептал он. — Наслаждайся ею, Милена де Лука.

Я вздрогнула. Он назвал меня своей фамилией. Не Волкова. Не «медвежонок».

Это было больше, чем секс. Это было клеймо. И, видит Бог, я была готова носить его с гордостью.

Бассейн.

Солнце стояло в зените, заливая террасу у бассейна ослепительным светом. Вода казалась жидким сапфиром, лениво колыхаясь от легкого ветерка.

Милена растянулась на шезлонге в черном бикини, которое не скрывало ни её идеальной фигуры, ни тонких шрамов на ребрах и бедре. Рядом с ней, прямо на горячем мраморе, развалились Малум, Силенцио и Обливио. Три огромных пса-убийцы сейчас выглядели как ленивые коврики; один из них положил тяжелую морду Милене на колено, тихо сопя во сне.

Камилла, в ярко-желтом купальнике и огромных солнечных очках, сидела на краю шезлонга, помешивая трубочкой оранжевый апероль в запотевшем бокале. На столике между ними стояло блюдо с брускеттами, пармой и оливками.

— Знаешь... — Камилла отпила коктейль и блаженно зажмурилась. — Если не обращать внимания на то, что за теми кустами сидят три снайпера, а твой новый парень — самый опасный человек в Италии, то это лучший отпуск в моей жизни.

Милена усмехнулась, лениво поглаживая Малума за ухом.

— Он назвал меня де Лука сегодня за завтраком, Ками.

Камилла чуть не поперхнулась аперолем. Она резко опустила очки на кончик носа.

— Что? Прямо так и сказал? Подруга, в мире мафии это равносильно кольцу с бриллиантом в пять карат. Он не просто переспал с тобой. Он официально пометил территорию. Теперь любой, кто посмотрит на тебя косо, будет иметь дело со всей «Семьей».

— Это пугает. — призналась Милена, глядя на искры воды. — Всё зашло слишком далеко. Он знает про «витамины» отца. Знает, что я не смогу дать ему наследников. И знаешь, что он сделал? Он не разочаровался. Он... он взбесился из-за того, что отец так со мной поступил.

Камилла на секунду замерла. Её взгляд на мгновение стал странным, затененным какой-то тайной, но она быстро моргнула и снова улыбнулась.

— Алессандро — собственник. Он любит тебя не за возможность родить пятерых карапузов, а за то, что ты — это ты. Хотя, кто знает, что там на самом деле наворотил твой отец... Организм — штука хитрая.

— Не важно. — отмахнулась Милена. — Давай лучше о тебе. Что там с «мистером Интеллектом»? Ты сегодня утром была в его пиджаке. Опять взламывали Пентагон всю ночь или между кодами проскочила искра?

Камилла фыркнула, поправляя волосы.

— Ой, Лоренцо... Он такой зануда! «Камилла, не трогай сервер», «Камилла, это закрытый протокол». Но признаю, у него чертовски сексуальный мозг. И руки. Когда он печатает, я иногда забываю, зачем вообще пришла в серверную, но он боится.

— Боится тебя?

— Боится того, что я хаос. А он привык к порядку. Но я потихоньку вскрываю его защиту. Мой личный «троян» уже в его системе. — она хитро подмигнула.

Милена рассмеялась, впервые за долгое время чувствуя себя просто девушкой, обсуждающей парней с подругой. Но смех быстро утих, когда мысли вернулись к реальности.

— Мы не сможем вечно пить апероль у бассейна, Ками. — голос Милены стал жестче.
— Игорь не остановится. Отец уже ищет нас. То, что мы здесь — временная передышка.

Камилла посерьезнела, поставив бокал на стол.

— Я знаю. Лоренцо показал мне перехваты. В Москве паника. Игорь рвет и мечет, он стягивает наемников в Европу. Они знают, что мы в Италии, но пока не уверены, под чьим крылом.

— Когда узнают, начнется бойня.— Милена села, и псы тут же подняли головы, чувствуя смену её настроения. — Алессандро хочет уничтожить логистику Игоря. Он бьет по кошельку. Но я знаю Пахана — он не прощает личных оскорблений. Для него мой побег — это плевок в лицо.

— Мы их убьём, Мил. — Камилла протянула руку и сжала ладонь подруги. — У нас есть списки. У нас есть технологии Лоренцо. И у нас есть «Семья». Алессандро не просто защищает тебя — он готовит плацдарм для полной зачистки. Мы вернемся в Россию не как беглянки, а как те, кто принесет им погребальный огонь.

Милена посмотрела на свои руки. На них больше не было крови, только золотистый загар. Но внутри она уже чувствовала холод стали.

— Я хочу, чтобы Игорь увидел меня перед смертью. — тихо сказала она. — Хочу, чтобы он понял: та, кого он считал своей вещью, стала его погибелью.

— Так и будет. — кивнула Камилла. — А пока... допивай свой коктейль. Завтра нам снова надевать кобуру, а сегодня... сегодня пусть Алессандро думает, что он контролирует ситуацию. Мужчинам полезно так думать.

Они чокнулись бокалами. Тонкий звон стекла в тишине сада прозвучал как сигнал к началу войны, которую они обе были готовы выиграть.

Глава 13

Милена.

Солнце медленно скрывалось за кипарисами, окрашивая воду в бассейне в цвет запекшейся крови. Мы с Камиллой допили апероль в тишине. Тот звон бокалов всё еще отдавался у меня в ушах, как сигнал к началу конца.

— Пора заходить. — тихо сказала я, вставая с шезлонга. Собаки мгновенно подскочили, преданно следуя за мной шаг в шаг.

Как только мы вошли в дом, уютная тишина особняка была нарушена. В холле пахло дымом, порохом и холодным металлом. У входа стояли Марко и Винченцо. Их вид говорил сам за себя: Марко сбросил испачканный в пыли пиджак на пол, его рубашка была расстегнута, а на скуле виднелась свежая царапина. Винченцо методично вытирал руки влажной салфеткой, его лицо было непроницаемым, как скала.

— Как прошло? — я остановилась на верхней ступеньке лестницы.

Марко поднял голову и хищно улыбнулся.

— Скажем так, у твоего Игоря сегодня очень плохой вечер. Два центральных склада в пригороде Милана больше не существуют. Мы сожгли всё: товар, накладные и, что важнее всего — их систему связи.

— Алессандро в кабинете? — спросила я, чувствуя, как внутри нарастает холодное возбуждение.

— Ждет нас. — коротко бросил Винченцо.

Кабинет Алессандро.

Когда мы вошли, Алессандро стоял у окна, заложив руки за спину. Лоренцо сидел за своим терминалом, его пальцы летали по клавиатуре с бешеной скоростью. На больших мониторах мелькали кадры с камер наблюдения и красные точки на картах.

Алессандро обернулся. Его взгляд мгновенно нашел меня. Он не сказал ни слова приветствия, но я увидела, как его плечи чуть расслабились, когда он убедился, что я в порядке.

— Садитесь. — приказал он. Голос был ледяным. — Марко, докладывай.

— Мы зачистили северный сектор. — Марко сел на край стола. — Охрана была серьезной, профессионалы. Русские наемники, но они не ожидали, что мы придем так нагло. Мы забрали жесткие диски и... — он бросил на стол обгоревший кожаный бумажник. — ...это было у их старшего.

Лоренцо подхватил бумажник, вытащил оттуда пластиковую карту и вставил в считыватель.

— Это пропуск в закрытый терминал порта Генуи. — подал голос Лоренцо. — Алессандро, это то, о чем говорила Милена. Через два дня туда прибывает основной груз Пахана. Если мы его перехватим, это будет не просто убыток. Это будет крах всей его европейской ветки.

Я подошла ближе к столу, чувствуя на себе взгляд Алессандро.

— Это не просто груз. — сказала я, глядя на карту. — Это «общак». Там наличные, золото и архивы, которые отец собирал годами для шантажа правительства. Если вы заберете это, Игорь станет политическим трупом в России. Пахан его уничтожит сам за такой провал.

Алессандро подошел ко мне вплотную. В кабинете стало так тихо, что было слышно гудение серверов. Он положил руку мне на затылок, слегка сжимая пальцы — привычный жест обладания, который теперь заставлял моё сердце биться быстрее.

— Ты уверена, Милена? — его глаза впились в мои. — Это будет открытая война. Не подпольные стычки, а бойня в порту. Игорь бросит туда все силы.

— Я уверена. — твердо ответила я. — И я поеду с вами. Я знаю, как устроены их контейнеры, я знаю коды. Без меня вы потратите часы, чтобы вскрыть защиту, а у вас будет всего несколько минут.

— Нет.— отрезал Винченцо. — Это слишком опасно.

Алессандро молчал долго, не отрывая от меня взгляда. Я видела, как в его глазах борется желание спрятать меня в подвале под семью замками и холодный расчет Дона, который понимает, что я — его лучший козырь.

— Она поедет. — наконец произнес Алессандро. По кабинету прошел гул удивления. — Но она будет со мной. В первой группе. Марко, готовишь план захвата. Винченцо — прикрытие снайперов. Лоренцо, мне нужна полная слепота их радаров на сорок минут.

В этот момент дверь кабинета распахнулась, и влетела Камилла. Её лицо было бледным, но глаза горели диким огнем.

— Лоренцо! Я взломала их главный сервер безопасности! У меня прямой доступ к их внутреннему каналу связи! Они сейчас на совещании!

Лоренцо мгновенно вывел звук на колонки. Сквозь помехи раздался знакомый, до боли ненавистный голос Игоря. Он был в ярости, он кричал на кого-то:

— *«Мне плевать на склады! Мне плевать на деньги! Найдите девчонку! Она должна быть в Италии! Ищите её! Она моя! Мне больше ничего не надо, кроме неё! А её подруга... да, та хакерша... её тоже найдите. После того, как Милена будет полностью принадлежать мне, я буду развлекаться со второй. Найдите их обеих!»*

Связь оборвалась. В кабинете повисла мертвая тишина.

Лоренцо, который обычно был невозмутим, медленно поднял голову. Его взгляд, обычно скрытый за стеклами очков, был настолько холодным и убийственным, что даже Алессандро напрягся. Он смотрел на Камиллу, которая стояла, тяжело дыша, её грудь вздымалась от ярости и страха.

Алессандро медленно повернулся к мониторам. Его лицо превратилось в маску из застывшего мрамора. Он не кричал, не злился. Но от той ауры чистой, концентрированной смерти, которая начала от него исходить, даже Марко поежился.

— Поднимайте всех. Мы не будем ждать два дня. Мы ударим завтра. А сегодня... — сказал Алессандро, притягивая меня к себе за талию, игнорируя всех присутствующих. — Сегодня мы покажем Игорю Павлову, что бывает, когда ты угрожаешь тому, что принадлежит Дону де Лука.

Затем он перевел взгляд на Лоренцо, который всё еще смотрел на Камиллу, его пальцы сжимались в кулаки.

— Лоренцо. — голос Алессандро был ровным, но в нем звенела сталь. — Найди мне его координаты. Прямо сейчас. Я хочу знать, где эта мразь дышит моим воздухом.

— Уже ишу, босс. — его глаза горели азартом охотника, но теперь в них была еще и личная, смертельная ярость.

Война, о которой мы говорили у бассейна, перестала быть планом. Она началась прямо здесь, в этом кабинете. И судя по взгляду Алессандро, и по холодной ярости Лоренцо, пленных в этой войне не будет.

Алессандро.

Голос Игоря в динамиках еще долго вибрировал в воздухе после того, как связь оборвалась. В кабинете стало так холодно, что, казалось, на стенах выступит иней. Я посмотрел на Милену — она стояла ровно, но её костяшки пальцев побелели. А потом мой взгляд переместился на Лоренцо.

Мой друг детства, который всегда был голосом разума и цифр, сейчас выглядел как человек, готовый убивать голыми руками. Он не сводил глаз с Камиллы, и в этом взгляде было

столько темной, неконтролируемой ярости, что я впервые за долгое время засомневался, сможет ли он держать себя в руках завтра.

— Лоренцо. — позвал я его. — Выйди с Камиллой. Проверь протоколы защиты её терминала. Если они ищут её — обеспечь ей полную невидимость.

Лоренцо молча встал, подошел к Камилле и, не говоря ни слова, просто взял её за локоть и вывел из кабинета. Его хватка была железной.

Милена.

В кабинете остались только я и три брата де Лука. Марко уже раскладывал на столе карту порта Генуи.

— Итак... — Алессандро подошел к столу, его лицо было непроницаемым. — У нас есть координаты Игоря. Он в частном секторе порта, на вилле, которая принадлежит одной из подставных фирм твоего отца. Груз придет завтра в 4 утра. Игорь будет там лично, чтобы проконтролировать погрузку «общака».

— Он не ждет нападения. — добавила я, указывая на сектор С-4. — Здесь стоят старые пакгаузы. Он думает, что это слепая зона, но я знаю, что через них можно выйти прямо к причалу. Если мы пройдем там, мы окажемся у него за спиной раньше, чем его охрана успеет поднять оружие.

— Хорошо. — Алессандро посмотрел на Винченцо. — Подготовь штурмовую группу. Черная форма, без опознавательных знаков. Мы идем туда как смерть. Прямого приказа «брать живым» нет. Если Игорь окажет сопротивление — кончайте на месте.

Винченцо кивнул и вышел. Марко, задержавшись на секунду, хлопнул Алессандро по плечу.

— Я подготовлю машины. Милена... — он посмотрел на меня с легкой усмешкой, — ...надеюсь, ты не забыла, как стрелять. Завтра будет жарко.

Когда мы остались одни, Алессандро подошел ко мне. Он молчал, просто глядя в мои глаза, будто пытался найти там хоть каплю страха.

— Ты слышала его. — тихо сказал он. — Он считает тебя своей вещью.

— Он ошибается. — ответила я, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. — Я никогда не была его. И я сама нажму на курок, Алессандро. Мне нужно это. Для себя.

Он протянул руку и достал из кобуры на поясе свой запасной пистолет — кастомизированный «Беретта» с гравировкой сокола на рукояти. Он вложил его в мою руку. Его ладонь накрыла мою, согревая холодный металл.

— Это мой личный подарок, orsetto. Помни, что ты моя женщина. Ты часть «Семьи». И если эта мразь хотя бы посмотрит в твою сторону, я хочу, чтобы ты знала: у тебя в руках сила, способная остановить любое сердце.

Он притянул меня к себе, зарываясь лицом в мои волосы.

— Иди в комнату. Тебе нужно поспать хотя бы несколько часов. В два часа ночи мы выезжаем.

Серверная. Лоренцо и Камилла.

Лоренцо запер дверь серверной изнутри. Он не спешил к компьютеру. Он стоял перед Камиллой, загородив ей выход. Его обычно спокойное лицо сейчас было напряжено, вены на шее вздулись.

— Повтори, что он сказал! — прошипел Лоренцо.

— Лоренцо, это просто угрозы... — начала было Камилла, но он резко сократил дистанцию, прижав её к холодной металлической стойке серверов.

— Он сказал, что будет «развлекаться» с тобой! — Лоренцо ударил ладонью по стойке рядом с её головой, отчего сервера загудели. — Он думает, что может коснуться тебя своими грязными руками. Он думает, что я позволю этому случиться.

Камилла посмотрела на него снизу вверх, и в её глазах не было страха — только удивление. Она впервые видела Лоренцо таким: сорвавшимся с цепи, диким.

— Я не позволю ему даже дышать в твоём направлении! — он схватил её за лицо, заставляя смотреть на него. — Завтра я лично сожгу всё, что ему дорого. Но если ты ещё раз полезешь в их сеть без моего ведома и подставишься под удар... я сам тебя запру здесь под замок. Ты поняла меня, Камилла?

— Поняла.— прошептала она, и её рука невольно легла на его грудь, чувствуя, как бешено колотится его сердце. — Лоренцо... ты сейчас выглядишь не как айтишник.

— Завтра ты увидишь, кто я на самом деле. — ответил он, и его голос был полон такой мрачной решимости, что Камилла невольно вздрогнула.

Он отпустил её и сел за компьютер. Его пальцы начали летать по клавишам, создавая вокруг Камиллы цифровой щит, который не смог бы пробить ни один хакер в мире.

Милена. 01:45 ночи.

Весь дом был в движении. Внизу, в гараже, уже урчали мощные двигатели внедорожников. Люди в черной тактической экипировке проверяли оружие.

Я стояла перед зеркалом в полный рост, и моё отражение больше не напоминало ту сломленную девчонку в ванной пару дней назад.

Я была одета в черный тактический комбинезон из плотного матового нейлона. Он облегал тело как вторая кожа, подчеркивая каждый изгиб, но при этом дарил абсолютную свободу движений. Ткань приятно холодила кожу, напоминая о том, что сейчас не время для эмоций.

На талии плотно сидел широкий кожаный пояс — мой личный арсенал. В специальных креплениях тускло поблескивали рукояти нескольких метательных ножей, рядом крепились запасные магазины. Справа, привычно оттягивая бедро, висел тяжелый «Глок-17», а слева — та самая «Беретта», подарок Алессандро. Два калибра, две силы, одна цель.

Я затянула волосы в высокий, тугой хвост. Кожа на висках слегка натянулась, заставляя меня окончательно сосредоточиться. Взгляд стал острее. Я взяла подводку и провела две безупречные, длинные стрелки. Острые, как бритва, они визуально вытянули мои глаза, сделав их холодными и хищными.

Последний штрих — блеск для губ с глубоким коричневым подтоном. Темный, строгий, он подчеркивал линию рта, которая сегодня не будет дрожать от страха. Я сжала губы, распределяя цвет. Теперь я была готова.

Дверь тихо открылась, и вошла Камилла. Она выглядела не менее эффектно. На ней был такой же черный костюм, но её пояс был буквально обвешан электроникой.

— Ну что, подруга... — Камилла подошла к зеркалу и начала наносить румяна, стараясь придать лицу живой вид. — Если мы сегодня погибнем, то хотя бы будем самыми красивыми трупами в морге Генуи.

Она нанесла слой прозрачного блеска на губы и проверила свой пояс. У неё там были компактные очки ночного видения, запасные наушники и целая связка проводов для подключения к любым терминалам. Сзади в кобуре уютно устроился «Глок-43» — компактный, легкий, идеально подходящий для её небольшой руки.

— Ты уверена, что справишься с ним? — я кивнула на её пистолет. — Он лягается, несмотря на размер.

— Мил, я три года практиковалась в тире под Москвой, пока ты была на светских раутах с Паханом. — Камилла проверила затвор с характерным металлическим щелчком. — Этот малыш — мой лучший друг после ноутбука. Главное — попасть в коленную чашечку, а остальное сделают ребята де Лука.

Она посмотрела на меня через зеркало. Её веселость на мгновение исчезла.

— Ты готова увидеть его, Милен? Игоря.

Я поправила кобуру и встретилась с ней взглядом. В моем отражении больше не было страха.

— Я готова не просто увидеть его, Ками. Я готова закончить это. Раз и навсегда.

— Тогда идем. — Камилла похлопала по своему поясу с проводами. — Лоренцо уже, наверное, весь извелся. Он так орал в серверной, что я думала, у него вены лопнут. Кажется, кто-то очень переживает за мою безопасность.

— Лоренцо не единственный, кто сегодня на грани. — я вспомнила тяжелый взгляд Алессандро. — Пошли. Пора показать им, что мы не просто «активы».

Мы вышли из комнаты и направились к лестнице. Внизу, в огромном холле, уже ждали братья. Когда мы начали спускаться, разговоры мгновенно стихли.

Алессандро.

Я стоял у подножия лестницы, проверяя снаряжение, когда услышал стук тяжелых ботинок. Я поднял голову и... на мгновение забыл, как дышать.

Милена спускалась по лестнице, и она выглядела как сама Смерть, обернутая в матовый нейлон. Высокий хвост, эти острые стрелки, делающие её взгляд нечеловеческим, и темные губы. Она не была похожа на жертву. Она была похожа на королеву воинов, идущую забрать свою корону.

Рядом с ней Камилла, обвешанная техникой, выглядела как опасный техник-ликвидатор.

Я переглянулся с Лоренцо. Мой друг-айтишник не сводил глаз с Камиллы, и я видел, как он непроизвольно сжал челюсти при виде её пистолета. Он ненавидел мысль о том, что ей придется его использовать.

— Вы вовремя. — мой голос прозвучал суше, чем я ожидал. — Машины готовы.

Я подошел к Милене, когда она ступила на последнюю ступеньку. Я протянул руку и провел большим пальцем по её скуле, едва не задевая идеальную стрелку.

— Ты выглядишь... опасно, orsetto.

— Я и есть опасность, Алессандро. — ответила она, и в её голосе не было ни капли сомнения. — Поехали. Я хочу закончить это до рассвета.

Мы вышли в гараж, где нас ждал гул моторов и холодный ночной воздух. Охота началась.

Глава 14

Милена.

Ночная трасса на Геную стелилась под колеса черной лентой. В салоне внедорожника царил полумрак, разбавляемый лишь тусклым синеватым свечением приборной панели. Алессандро вел машину уверенно, одной рукой придерживая руль, а другой сжимая мою ладонь.

Я смотрела в окно на пролетающие мимо огни, чувствуя, как внутри всё натянуто, словно струна. Мой тактический костюм плотно прилегал к телу, а тяжесть оружия на поясе напоминала: это не свидание. Это война.

Алессандро молчал долго, но я чувствовала его взгляд на себе. Наконец он поднес мою руку к своим губам, запечатлев долгий поцелуй на костяшках пальцев.

— Милена. — его голос прозвучал низко, вибрируя в унисон с мотором. — Посмотри на меня.

Я повернула голову. Его профиль в свете приборов казался высеченным из камня, но в глазах застыло выражение, которого я раньше никогда не видела. Тревога. Настоящая, глубокая тревога за кого-то, кроме себя.

— Обещай мне одну вещь... — он на мгновение отпустил мою руку, чтобы переложить ладонь мне на колено, слегка сжав его через плотный нейлон. — Что бы ни случилось там, в порту... как бы ни пошли события... ты не будешь геройствовать.

— Алессандро, я не могу просто стоять в стороне... — начала я, но он мягко перебил меня.

— Слушай меня. Я уже поговорил с Винченцо и Марко. Мы заключили договор. Если со мной что-то случится, если ситуация выйдет из-под контроля — они бросят всё. Груз, деньги, Игоря. Их единственной задачей будет вывезти тебя.

Я почувствовала, как в горле встал комок.

— Ты говоришь так, будто прощаешься.

Он бросил быстрый взгляд в зеркало заднего вида, где в нескольких метрах за нами следовали огни машин его братьев. В одной — Винченцо и Марко, готовые к штурму. В другой — Лоренцо и Камилла, которая уже разложила на коленях ноутбук и проверяла связь. За ними — еще три машины с солдатами «Семьи». Мощная, смертоносная колонна.

— Я не прощаюсь, orsetto. Доны де Лука не умирают так просто. — он едва заметно усмехнулся, но тут же снова стал серьезным. — Но я должен знать, что ты будешь под защитой. Мои братья дали клятву крови. Они жизнь отдадут, но не позволят Игорю коснуться тебя. Ты — часть нашей семьи. Понимаешь? Моя «Семья» будет оберегать тебя так же, как меня.

Он снова переплел свои пальцы с моими, не отпуская ни на секунду.

— Ты — всё, что у меня есть, кроме этого грязного бизнеса. И я не позволю твоему прошлому победить наше будущее.

— Мы вернемся вместе, Алессандро. — я сжала его руку в ответ, глядя прямо в его темные глаза. — Другого варианта нет.

Он кивнул, и на его лице снова появилась та самая маска хладнокровного лидера. Но рука на моем колене продолжала дарить тепло, которое согревало меня лучше любого бронезилета.

Впереди показались огни портовых кранов. Огромные металлические монстры возвышались над берегом, как скелеты древних чудовищ. Запах соленой воды и мазута проник в салон через вентиляцию.

Алессандро сбросил скорость, когда мы подъехали к точке сбора в паре километров от терминала. Он остановил машину и заглушил двигатель. В наступившей тишине было слышно только наше дыхание.

Он повернулся ко мне, обхватив мое лицо ладонями. Его взгляд сканировал мои глаза, губы, стрелки, будто он хотел запомнить каждую деталь.

— Я люблю твою силу, Милена. Но сегодня... просто будь моей. Иди за моей спиной. Иди со мной.

Он притянул меня к себе и поцеловал — глубоко, властно, со вкусом грядущей битвы и отчаяния. В этом поцелуе было всё: и его защита, и его страх потерять меня, и его клятва уничтожить любого, кто встанет между нами.

— Пора. — прошептал он, отстраняясь.

Мы вышли из машины. Двери соседних внедорожников захлопнулись почти одновременно. Марко и Винченцо уже проверяли затворы автоматов, их лица были скрыты черными балаклавами. Лоренцо что-то быстро шептал Камилле, которая оставалась в машине — её ноутбук был единственным окном в цифровую систему порта.

Алессандро кивнул братьям. Они всё знали. План был запущен.

— Камилла, мы заходим. — бросил Алессандро в рацию. — Лоренцо, держи периметр. Остальные — за мной.

Мы шагнули в темноту порта, оставляя за собой последние капли тепла и тишины.

Камилла. Внедорожник Лоренцо.

Внедорожник Лоренцо следовал за машиной Винченцо и Марко, погруженный в свой собственный мир напряжения. Я сидела на пассажирском сиденье, мои пальцы летали по клавиатуре ноутбука, подключенного к сети «Семьи». На экране мелькали схемы порта, красные точки потенциальных угроз и линии маршрутов.

Лоренцо вел машину, его взгляд был прикован к дороге, но я чувствовала, как он время от времени бросает на меня быстрый взгляд. После того, что случилось в серверной, между нами повисло нечто большее, чем просто деловые отношения.

— Все чисто. — доложила я в рацию, голос звучал ровно, но внутри всё дрожало. — Периметр свободен. Но учтите, скоро они поймут, что их система безопасности взломана. У нас есть максимум двадцать минут полной невидимости.

— Принято. — раздался в ответ голос Алессандро.

Лоренцо заглушил двигатель, когда мы остановились в паре километров от порта. В наступившей тишине было слышно только наше дыхание и легкое гудение ноутбука.

— Камилла. — Лоренцо повернулся ко мне. Его лицо было напряжено, но глаза... в них читалось что-то новое, что-то, что заставляло меня затаить дыхание. — Ты остаешься в машине. Твоя задача — быть нашими глазами и ушами. Любое движение, любая аномалия — немедленно докладывай.

— Я знаю свою задачу, Лоренцо. — ответила я, пытаюсь сохранить деловой тон. — И я не подведу.

Он протянул руку и осторожно убрал прядь волос с моего лица. Его пальцы были неожиданно нежными.

— Я знаю, что ты не подведешь. Но... — он замялся, что было для него крайне нехарактерно. — Я не хочу, чтобы ты рисковала.

— Я уже рискую, Лоренцо. — я посмотрела ему прямо в глаза. — Я здесь. С тобой.

Его взгляд стал более интенсивным, почти обжигающим. Он медленно наклонился, и я почувствовала его дыхание на своих губах.

— Когда Игорь говорил о тебе... — его голос был хриплым, полным подавленной ярости. — Я хотел его убить. Медленно.

Я почувствовала, как моё сердце забилось быстрее. Его признание, такое неожиданное и прямое, застало меня врасплох.

— Я знаю. — прошептала я, и моя рука непроизвольно легла на его щеку. Его кожа была горячей.

— Ты — хаос, Камилла. — он придвинулся еще ближе, его губы почти касались моих. — Мой идеальный порядок рушится, когда ты рядом. И я ненавижу это. И одновременно... я не могу без этого.

— А ты — моя тишина, Лоренцо. — я усмехнулась, чувствуя, как напряжение между нами достигает пика. — Моя защита. Моя... уязвимость.

Он больше не выдержал. Его губы накрыли мои – нежно, но с такой глубиной, что я почувствовала, как все мои внутренние защиты рушатся. Это был поцелуй, полный отчаяния, обещания и невысказанной страсти. В нем была вся его сдержанность, вся его ярость, вся его невероятная нежность, которую он так тщательно скрывал. Мои пальцы зарылись в его волосы, притягивая его ближе.

Поцелуй был коротким, но таким интенсивным, что у меня перехватило дыхание. Он отстранился, его глаза были темными и блестящими.

— Ты остаешься в машине. — его голос был хриплым. — И не смей даже думать о том, чтобы выйти. Я вернусь за тобой.

Он открыл дверь машины. В свете луны его фигура казалась еще более решительной.

— Лоренцо.— я схватила его за руку. — Будь осторожен.

Он кивнул, его взгляд задержался на мне на мгновение, а затем он исчез в темноте, присоединяясь к остальным.

Я осталась одна в машине, с губами, горящими от его поцелуя, и сердцем, которое билось так сильно, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Я знала, что он вернется. И я сделаю всё, чтобы обеспечить ему путь к победе. Моё спокойствие. Мой хакер. Мой Лоренцо.

Милена.

Порт Генуи встретил нас ледяным ветром и запахом гниющей рыбы. Огромные лабиринты из грузовых контейнеров создавали идеальные условия для засады. Я двигалась бесшумно, словно тень, сливаясь с матовыми стальными стенками. Мои «Глок» и «Беретта» были наготове, палец лежал на спусковом крючке.

Алессандро, Марко и Винченцо шли впереди, методично и профессионально зачищая путь к главному терминалу. Глушители работали исправно: только тихие хлопки и глухие удары падающих тел. Всё шло слишком гладко. Моя интуиция, заточенная годами страха перед отцом, кричала, что это ловушка.

Я забралась на крышу одного из контейнеров, заняв позицию сверху. Отсюда мне был виден весь сектор С-4. Братья де Лука вышли на открытую площадку перед пакгаузом, где должен был стоять «общак».

Внезапно тишину разрезал резкий, слепящий свет прожекторов.

— В укрытие! — рывкнул Алессандро, но было поздно.

Из-за контейнеров, как крысы из нор, высыпали десятки вооруженных людей. В одно мгновение Алессандро, Марко и Винченцо оказались в плотном кольце. Десятки стволов были направлены им в грудь. Братья замерли, их спина к спине была единственной защитой, но против такого количества наемников это было самоубийством.

Из темноты пакгауза, медленно хлопая в ладоши, вышел он. Игорь.

Он выглядел так же, как в моих кошмарах: безупречный костюм, гладко зачесанные волосы и эта тошнотворная, самодовольная ухмылка на лице.

— Алессандро де Лука. — Игорь остановился в пяти метрах от них. — Я ожидал от тебя большего. Неужели ты думал, что я не узнаю про жучки в моей системе? Твоя хакерша талантлива, но мои люди тоже не зря едят свой хлеб.

Он обвел взглядом окруженных братьев, а затем медленно повернул голову, глядя прямо в ту сторону, где я затаилась.

— Хватит прятаться, Милена. — его голос, медовый и одновременно ядовитый, заставил мою кровь застыть. — Я знаю, что ты здесь. Я чувствую запах твоего страха... или это духи,

которые тебе купил твой новый «хозяин»? Выходи. Если не хочешь, чтобы я прямо сейчас сделал в голове Алессандро лишнее отверстие.

Я медленно поднялась, не опуская оружия. Спрыгнула вниз и вышла в круг света, чувствуя на себе полный боли взгляд Алессандро.

— Опустит пушку, детка. — Игорь прищурился. — Ты же знаешь, я не люблю, когда мои вещи ведут себя агрессивно.

— А что ещё мне сделать?! Я больше не твоя вещь, Игорь. — мой голос был холодным и твердым, хотя сердце колотилось о ребра. — И никогда ею не была.

Игорь залился коротким, лающим смехом.

— Неужели? А Алессандро знает, какая ты внутри? Знает, что ты сломана? Твой отец вытравил из тебя всё живое, Милена. Ты — пустая оболочка. Красивая, дорогая, но бесполезная. Ты даже ребенка ему родить не сможешь. Ты — брак.

— Заткнись, мразь! — прорычал Алессандро, делая шаг вперед, но тут же почувствовал дуло автомата у своего виска.

— О, сам Дон соизволил заговорить. — Игорь подошел к нему почти вплотную. — Ты подобрал то, что я выбросил. Ты спишь в постели, которая предназначалась мне. Скажи, она хотя бы стоила этой войны? Стоила того, чтобы твоя семья сегодня здесь сдохнет?

Игорь снова повернулся ко мне, и его взгляд стал соляным, грязным.

— Знаешь, Милена, я передумал тебя убивать. Сначала я заставлю тебя смотреть, как мои люди будут кончать этих итальянских выскочек. А потом... потом мы вернемся домой. Я выжгу на твоём бедре свое имя, чтобы ты никогда больше не забывала, кому принадлежишь. Я буду «пользоваться» тобой каждый день, пока ты не начнешь молить о смерти, как твоя мать.

— Ты не коснешься её! — Винченцо процедил слова сквозь зубы, его мышцы были напряжены до предела.

— Я буду делать с ней всё, что захочу. — Игорь подошел ко мне и протянул руку, чтобы коснуться моей щеки. Я дернулась назад, и он злорадно оскалился. — Ты думаешь, Алессандро тебя спас? Он просто хотел поиграть в спасителя. Но посмотри на него сейчас. Он беспомощен. Он ничто.

Я посмотрела на Алессандро. Его глаза горели такой яростью, что казалось, он сейчас взорвется. Он едва заметно кивнул мне. Это был сигнал.

— Знаешь, Игорь... — я сделала шаг вперед, прямо к нему. — Ты много говорил о том, что я «сломана». Но ты забыл одну вещь. Сломанные вещи иногда становятся самыми острыми.

— И что ты сделаешь, куколка? Застрелишь меня? — Игорь широко развел руки. — Твои друзья умрут раньше, чем моя гильза коснется пола.

— Нет, Игорь. — я хищно улыбнулась, и в этот момент на его груди появилась маленькая красная точка лазерного прицела. — Я не буду в тебя стрелять. Я буду медленно и мучительно уничтожать.

В ту же секунду из динамиков порта, которые взломала Камилла, раздался её голос, усиленный в десять раз:

— Лоренцо, сейчас!

Свет прожекторов погас так же внезапно, как и включился. Тьма была абсолютной, душающей. В ту же секунду, как погас свет, порт взорвался криками и звуками разрываемой плоти. Алессандро, Марко и Винченцо, привыкшие действовать вслепую, превратились в демонов.

Я чувствовала, как адреналин выжигает страх, оставляя только инстинкты. Кто-то из наемников попытался схватить меня за горло, но я резко ушла в сторону. В темноте я наткнулась на огромного русского наемника — по запаху табака и тяжелому дыханию я поняла, что он выше меня на две головы. Я ударила его рукоятью «Глока» в кадык, и когда он согнулся, мои пальцы наткнулись на его пояс на тяжелые рукояти.

Тактические топорики. Пара стали, идеально сбалансированные.

Я отбросила пистолеты — сегодня мне нужно было чувствовать, как ломаются их кости.

Первый наемник кинулся на меня слева. Я не видела его, но слышала свист ножа. Один резкий взмах — и топорик с хрустом вошел ему в запястье. Крик захлебнулся, когда я вторым топором ударила его в шею. Горячая, липкая кровь брызнула мне в лицо, но я уже не чувствовала брезгливости.

Слышны были сухие щелчки выстрелов Алессандро и глухие удары кулаков Винченцо. Но я была в своем собственном аду. Другой наемник попытался выстрелить, ориентируясь на звук, но я была быстрее. Я зашла ему за спину и с размаху опустила топорик на его плечо. Лезвие прошло сквозь ключицу, отсекая руку почти до самой груди. Он упал, захлебываясь в собственном вое.

Я двигалась в танце смерти. Удар, хруст, брызги. Еще один наемник, решивший, что я легкая добыча, лишился головы — топор вошел в позвонки с такой силой, что тело еще секунду продолжало стоять, прежде чем рухнуть кулем.

Внезапно прожекторы моргнули и вспыхнули ледяным белым светом.

Мир снова обрел очертания, и эта картина заставила выживших наемников Игоря замереть от ужаса.

Площадка была залита кровью. Повсюду валялись части тел и гильзы. Алессандро стоял в паре метров, его нож был багровым до самого эфеса, а одежда пропиталась чужой кровью. Марко и Винченцо тяжело дышали, их кулаки были разбиты в кровь.

Но все смотрели на меня.

Я стояла в центре этого мясного цеха. Мой черный комбинезон теперь блестел от свежей крови. Капли стекали с кончиков моих волос, по щекам, смешиваясь с коричневым блеском на губах. В обеих руках я сжимала топоры, с которых на бетон лениво капала густая красная жидкость. У моих ног лежало то, что осталось от троих мужчин.

Игорь отшатнулся назад, споткнувшись о труп своего охранника. Его окружили последние пятеро выживших бойцов, но они пятились вместе с ним. На их лицах был написан первобытный страх. Они видели много смертей, но они никогда не видели, чтобы элитная «куколка» превращалась в такого зверя.

— Ты... — Игорь заикался, его лицо стало мертвенно-бледным. — Ты ненормальная... Милена, ты же сумасшедшая! Посмотри на себя! Ты же гребаный монстр!

Я медленно начала идти на него. Каждый мой шаг оставлял кровавый след на бетоне. Топорики слегка покачивались в моих руках, вычерчивая в воздухе красные дуги.

Я остановилась в паре метров от его личной охраны. Те наставили на меня стволы, но их руки дрожали так сильно, что они вряд ли попали бы в упор.

Я посмотрела Игорю прямо в глаза. Мой взгляд был абсолютно пустым и ледяным. И тогда я медленно, холодно улыбнулась. Эта улыбка не обещала жизни. Она обещала долгую, мучительную расплату.

— Ты сам сказал, Игорь... — мой голос звучал тихо, но он разнесся по всему терминалу, как приговор. — Мой отец вытравил из меня всё живое. Ты хотел видеть результат?

Я сделала еще шаг. Его охранники инстинктивно расступились, не в силах выдержать этой ауры смерти.

— Посмотри внимательно. — я приподняла один из топоров, указывая лезвием на его горло. — Нравится «новая модель», Игорь?

— Убейте её! — взвизгнул Игорь, прячась за спины наемников. — Стреляйте в неё, живо!

Но никто не выстрелил. Алессандро сделал шаг за мою спину, положив руку на рукоять своего пистолета, давая понять: любой, кто дернется, умрет еще до того, как нажмет на курок. Но он не вмешивался. Он давал мне закончить это.

Я сделала ещё один шаг, наслаждаясь тем, как расширяются от ужаса зрачки Игоря. Один взмах топора — и его никчемная жизнь закончится. Я уже видела, как сталь рассекает его горло, смывая годы унижений.

— Стоять! — вдруг взвизгнул Игорь. Это не был крик загнанного зверя. В его голосе прорезались торжество и ядовитая уверенность. — Остановись, сука, или твоя подружка не доживет до рассвета!

Я замерла. Топор в моей правой руке дрогнул. Алессандро за моей спиной резко вскинул пистолет, но Игорь уже не смотрел на него. Он смотрел в сторону темного угла пакгауза.

— Выводите её! — скомандовал он.

Из темноты вышли двое огромных амбалов. Они волокли по бетону бездыханное тело. Камилла. Её голова была запрокинута, на виске алела глубокая рана, а кровь пропитала воротник её тактического костюма. Она была без сознания. Один из наемников приставил дуло пистолета прямо к её уху.

— Ками... — выдохнула я. Внутри всё оборвалось. Весь мой драйв, вся моя жажда крови мгновенно испарились, оставив только липкий, ледяной ужас.

— Опустите оружие! Все! — заорал Игорь, вставая с колен и вытирая кровь с лица. — Быстро, блять! Или я скомандую «пли», и мозги этой хакерши разлетятся по всему порту!

Алессандро зарычал, его лицо исказилось от ярости.

— Если ты нажмешь на курок, я буду сдирать с тебя кожу заживо неделю, Игорь.

— Опустит пушку, де Лука! — Игорь уже полностью пришел в себя, чувствуя свою власть. — Ты же не хочешь расстроить свою «игрушку» смертью её единственной подружки?

Я медленно разжала пальцы. Топорики с тяжелым звоном упали на бетон.

— Алессандро... опусти. — тихо сказала я. — Пожалуйста.

Алессандро медлил секунду, его пальцы побелели на рукояти, но он медленно опустил ствол. Марко и Винченцо последовали его примеру.

Игорь подошел ко мне. Теперь в его глазах не было страха. Только чистая, концентрированная ненависть.

— Я же говорил тебе, Милена... у каждого действия есть последствия. — он больно схватил меня за подбородок, заставляя смотреть на избитую Камиллу. — Ты думала, что можешь просто уйти? Что можешь убивать моих людей и остаться безнаказанной?

Он повернулся к своим наемникам, которые всё ещё стояли в кругу, заливая раны.

— Она убила ваших братьев. Она резала вас как скот. Теперь ваша очередь.

Игорь снова посмотрел на меня, и его улыбка была похожа на оскал гиены.

— Если ты дернешься... если хоть пальцем пошевелишь, чтобы защитить себя... они выстрелят Камилле в голову. Ты будешь стоять и принимать всё, что они тебе дадут. Поняла меня?

Я посмотрела на Алессандро. Он дернулся вперед, но ствол наемника плотнее прижался к виску Камиллы.

— Стой на месте, Алессандро! — крикнула я. — Пожалуйста... не двигайся.

— Хорошая девочка. — прошептал Игорь и кивнул двоим своим бойцам. — Начинайте. Посмотрим, из чего сделана принцесса Волкова.

Первый удар пришелся мне в живот. Я согнулась, хватая ртом воздух, но тут же получила хлесткий удар по лицу. Голова мотнулась в сторону, во рту появился металлический привкус крови.

Я видела, как Алессандро сдерживают Марко и Винченцо. Его глаза были налиты кровью, он рвался ко мне, но угроза жизни Камиллы держала его крепче любых цепей.

— Сильнее! — подбадривал Игорь. — Она же у нас «крепкий орешек»!

Следующий удар — тяжелым ботинком в ребра. Я упала на колени. Снова удар. И снова. Я не издала ни звука. Я смотрела на Камиллу, молясь только об одном: чтобы она осталась

жива. Кровь заливала мои глаза, мешая видеть, но я заставляла себя стоять. Каждый удар отдавался болью в теле, но еще большая боль была в моем сердце — от осознания того, что она может быть уже мертва.

— Посмотри на неё, Алессандро! — смеялся Игорь. — Твоя королева валяется в грязи! Она — ничто! Просто мясо!

Я видела Алессандро сквозь пелену крови. Он стоял неподвижно, но всё его тело дрожало от нечеловеческого напряжения. Я знала этот взгляд. Это было затишье перед концом света.

Игорь подошел ко мне, когда я уже не могла подняться с колен, и с размаху ударил меня по лицу наотмашь.

— Ну что, Миленочка? Где твоя гордость? Где твои топорики?

Я подняла голову, сплевывая кровь ему на ботинок, и холодно улыбнулась разбитыми губами.

— Это всё... на что ты способен, ублюдок? — прохрипела я.

Игорь замахнулся для последнего удара, но в этот момент рация на поясе одного из наемников ожила. Это был голос Лоренцо, но он не был спокойным. Он был ледяным, как могильная плита.

— Игорь Павлов. Посмотри на небо.

В ту же секунду над портом раздался оглушительный рев вертолетных лопастей, а на груди Игоря снова появилась красная точка. Но на этот раз их было десятки.

Алессандро медленно поднял голову, и его оскал был страшнее любого оружия.

— Время вышло, мразь.

Бонус 2. Камилла и Лоренцо.

Камилла.

Внутри внедорожника пахло озоном от работающего оборудования и моим собственным страхом, который я отчаянно пыталась заглушить. Мониторы заливали салон холодным синим светом. Я была богом этого порта: я видела тепловые сигнатуры бойцов, слышала каждый шепот через микрофоны на воротниках ребят и контролировала каждую камеру.

— Лоренцо, сектор С-4 чист. Можете заходить.— мой голос в наушниках звучал на удивление твердо.

Я видела на экране, как Алессандро и Милена двигаются сквозь лабиринт контейнеров. А потом... потом начался ад. Когда свет прожекторов выхватил их из темноты, я чуть не раздавила пальцами клавиатуру.

— Лоренцо! Это ловушка! — закричала я, но связь внезапно наполнилась помехами. Игорь использовал глушилки, но я была чертовски хорошим хакером, чтобы позволить ему заткнуть меня. Я в обход системы пустила сигнал через спутник.

Я слышала всё. Весь этот грязный, тошнотворный монолог Игоря. Каждое слово про «бракованную вещь» и «пустую оболочку» отзывалось во мне яростью.

— Ах ты мразь... — прошептала я, лихорадочно взламывая систему освещения порта.

Нужно было дать ребятам преимущество. Я нашла главный рубильник в системе и приготовилась.

— Сейчас... сейчас... — я ждала сигнала. — Лоренцо, сейчас!

Я вырубил свет. Весь порт погрузился во тьму, которую я контролировала. Я видела, как Алессандро и братья вырезают охрану в темноте. Это было красиво. Это было справедливо.

А потом я увидела через камеру ночного видения, что творит Милена. Моя подруга, моя тихая Милена... она превратилась в машину для убийства. Я видела, как мелькают топоры, как разлетаются брызги, которые на тепловизоре выглядели как яркие вспышки белого пламени. Я видела, как она отсекает конечности, как падает голова наемника.

— Так их, Мил... жги их всех. — шептала я, и мои руки дрожали не от страха, а от адреналина.

Но вдруг датчик движения на моем мониторе, настроенный на периметр самой машины, истошно запищал.

Красная точка. Две. Три.

— Какого черта... — я обернулась к окну.

Три огромных тени выросли прямо из ночной мглы. Они не шли на штурм вместе с остальными, они ждали здесь. Ждали меня.

Тяжелый молот врезался в бронированное стекло пассажирского окна. Оно не рассыпалось, но пошло густой паутиной трещин. Второй удар — и стекло вылетело внутрь, осыпая меня острыми крошками.

— Ух ты, какая мышка тут спряталась! — прорычал один из наемников, просовывая руку внутрь, чтобы открыть дверь.

Я не думала. Мой «Глок 43» сам прыгнул в руку. Я выстрелила в упор, прямо в лицо первому амбалу. Его голова мотнулась назад, и он рухнул, окрашивая обшивку двери красным.

— Ах ты сука! — второй наемник вырвал дверь вместе с петлями.

Я попыталась выстрелить снова, но третий схватил меня за запястье, выкручивая руку так, что я вскрикнула от боли. Пистолет упал на пол. Они вытащили меня из машины, как тряпичную куклу.

— Игорь сказал привести её, но не говорил, что она должна быть целой.— прохрипел тот, что держал меня.

Я ударила его локтем в челюсть, из последних сил пытаюсь дотянуться до кнопки экстренного сигнала на воротнике.

— Лоренцо! Они здесь! Помоги...

Удар пришел сбоку. Тяжелый приклад автомата врезался мне в висок. Мир вокруг вспыхнул миллионом искр, а потом мгновенно схлопнулся в узкую черную точку. Последнее, что я слышала — это бешеный, нечеловеческий крик Лоренцо в моих наушниках, которые еще работали.

А потом наступила абсолютная, ледяная темнота.

Лоренцо.

Каждый мой вдох был пропитан цифрами и тактикой, пока я не услышал этот звук. Звук разбивающегося стекла.

— Камилла? — я замер среди перестрелки.

Выстрел «Глока». Её крик. А потом — тишина, которая была страшнее любого взрыва.

— Камилла! Ответь мне! — я орал в рацию, срывая голос.

В наушнике раздался смех наемника и звук удара. Глухого, тяжелого удара о человеческое тело. А потом связь оборвалась.

В этот момент мой мозг, мой идеальный компьютер, просто сгорел. Я не видел Игоря, не видел Милену. Я видел только пустой экран монитора, который означал, что её больше нет в сети.

Я сорвал с себя наушники. Мои глаза застилала красная пелена. Я больше не был тактиком. Я был зверем, у которого отобрали его единственное сокровище.

— Снайперы! — мой голос в общей частоте был похож на скрежет металла. — Сектор А-12! Машина связи! Уничтожить всех! Живо!

Я рванул вперед, не пригибаясь. Пули свистели рядом, задевая мои плечи, но я их не чувствовал. Видел только две тени, которые волокли её — мою Камиллу — по бетону.

Если они её убили, я не просто уничтожу этот порт, а сотру с лица земли всё, что связано с фамилией Павлов. Я вырежу их род до седьмого колена.

Вскинул винтовку и на бегу сделал два выстрела. Один наемник упал с простреленным коленом, второй замешкался, и это была его последняя ошибка. Моя пуля вошла ему точно между глаз.

Я подлетел к Камилле, когда она уже лежала на земле. Кровь на её виске была слишком яркой, слишком реальной.

— Ками... — я упал рядом, и мои руки, которые могли взломать любую систему мира, сейчас дрожали, не смея коснуться её. — Пожалуйста, только не это.

Лоренцо шел по окровавленному бетону порта, не чувствуя веса Камиллы на своих руках. Она казалась ему пушинкой, драгоценным грузом, который он едва не потерял из-за собственной самоуверенности. Шум вертолетных лопастей над головой заглушал крики раненых и треск догорающих контейнеров, но в голове Лоренцо было пугающе тихо.

Он остановился возле Алессандро. Тот стоял над Игорем, который скорчился у его ног. Лицо друга было забрызгано кровью, а в глазах горел первобытный огонь.

— Алессандро. — голос Лоренцо был лишен всяких эмоций, кроме ледяной, расчетливой ненависти. — Не убивай его. Пока не убивай.

Алессандро поднял голову, тяжело дыша. Он перевел взгляд с поверженного врага на бледное лицо Камиллы, лежащей на руках брата.

— Я хочу, чтобы он оказался в нашем подвале. — продолжил Лоренцо, и каждое его слово было как удар молота. — Я хочу, чтобы он не просто умер. Я хочу, чтобы он молил о смерти каждую секунду своего никчемного существования. Привези его. Я сам займусь его «обновлением».

Алессандро коротко кивнул, и в этом жесте было молчаливое согласие. Он понимал Лоренцо как никто другой.

— Марко, Винченцо! — крикнул Алессандро братьям. — Пакуйте эту мразь. Живым. До особняка.

В вертолете было шумно, но Лоренцо этого не замечал. Он сидел на полу, прижимая Камиллу к своему бронезилету. Одной рукой он сжимал её ладонь — тонкую, перепачканную в пыли и порохе, а другой придерживал её голову, боясь лишний раз шевельнуть её.

— Пожалуйста, Ками... только не уходи.— шептал он ей в волосы, игнорируя недоуменные взгляды солдат.

Её бледность пугала его больше, чем любая кибератака. Он смотрел на её закрытые веки и вспоминал, как она дерзко улыбалась ему всего пару часов назад. Весь его мир, состоящий из логики и кодов, сейчас зависел от одного её вдоха.

Когда вертолет приземлился на лужайке особняка де Лука, их уже ждал семейный врач — доктор Бьянки.

Лоренцо не позволил никому коснуться её. Он сам вынес Камиллу из кабины и на руках донес до медицинского крыла.

— На стол, Лоренцо, положи её сюда. — командовал врач, быстро надевая перчатки.

Следующие полчаса были для Лоренцо пыткой. Он стоял в углу, сжимая кулаки так, что ногти вонзались в ладони. Он смотрел, как Бьянки светит ей в зрачки, слушает дыхание и обрабатывает рану на виске.

Наконец, доктор вздохнул и снял маску.

— Жить будет. — коротко сказал он, заметив, как Лоренцо едва не рухнул от облегчения. — Сильное сотрясение мозга и истощение. Удар был профессиональным, но череп цел. Мы сейчас поставим ей капельницу, чтобы снять отек и восстановить баланс. Ей нужно поспать. Долго и спокойно.

— Я сам отнесу её в комнату.— отрезал Лоренцо, как только врач закончил с капельницей.

Он осторожно подхватил её вместе с трубками и отнёс в спальню, уложив её на белоснежные простыни, которые теперь казались слишком контрастными по сравнению с её темным тактическим костюмом.

Лоренцо сел в кресло рядом с кроватью. Он сбросил свой бронезилет, оставшись в одной черной рубашке, рукава которой были закатаны. Его пальцы всё еще были в пятнах её крови.

Он смотрел на ритмичное движение её груди. *Вдох. Выдох.*

— Ты — мой самый сложный код, Камилла. — тихо проговорил он, накрывая её ладонь своей.

Он не собирался уходить. Он будет сидеть здесь, в этой тишине, пока она не откроет свои голубые глаза и не скажет какую-нибудь колкость в его адрес. И только тогда он спустится в подвал к Игорю, чтобы показать, что случается, когда кто-то пытается навредить тому, что ему принадлежит.

В комнате царил полумрак, нарушаемый только мерным пиканьем монитора, который он сам подключил к её запястью. Это была его личная молитва — слушать ритм её сердца. И этой ночью он был самым верным стражем её снов.

Глава 15

Алессандро.

Я стоял, скованный самой страшной цепью — угрозой жизни. Мою Милену били. Её тело вздрагивало от ударов, но она не падала, не кричала. Её взгляд, полный крови и боли, был прикован к бездыханному телу Камиллы.

Внутри меня бушевал ад. Я хотел разорвать Игоря на куски. Хотел убить каждого, кто осмеливался коснуться её. Мои руки дрожали от нечеловеческого напряжения, пальцы сжимали рукоять пистолета до белых костяшек. Марко и Винченцо держали меня, чтобы я не бросился на верную смерть и не обрек Камиллу.

Я видел, как Игорь подошел к ней, когда она уже не могла подняться с колен. Он ударил её по лицу наотмашь. Я почувствовал, как что-то внутри меня оборвалось.

— Посмотри на неё! — смеялся Игорь. — Твоя королева валяется в грязи! Она — ничто! Просто мясо!

Я видел, как Милена подняла голову, сплевывая кровь ему на ботинок. Она посмотрела на него разбитыми губами, а потом... улыбнулась. Это была самая страшная улыбка, которую я когда-либо видел. Улыбка хищника, который получил смертельную рану, но всё ещё готов убивать.

— Это всё... на что ты способен, Игорь? — прохрипела она.

Игорь замахнулся для последнего удара, но в этот момент рация на поясе одного из наемников ожила. Это был голос Лоренцо. Но он не был спокойным. Он был голосом возмездия.

— Игорь Павлов. Посмотри на небо.

В ту же секунду над портом раздался оглушительный, пробирающий до костей рев вертолетных лопастей. Десятки красных точек лазерных прицелов вспыхнули на груди Игоря, его наемников, наемников которые держали Камиллу. Мой друг-айтишник не просто взломал систему. Он переписал правила этой игры.

Моя ярость, сдерживаемая угрозой, вырвалась наружу. Я посмотрел на Милену. Она тоже подняла голову, и в её глазах вспыхнул тот самый безумный огонек, который я так любил. Мы одновременно поняли.

— Время вышло, мразь. — прорычал я, и мой голос был голосом хищника, наконец сбросившего цепи.

Первый снайперский выстрел разорвал тишину.

Площадка превратилась в огненный ад. Снайперы сверху методично выбивали одного за другим, а наши вертолеты уже спускались, выбрасывая штурмовые группы.

Я рванул к Игорю. Не выстрелил, а схватил его за грудки, поднял и с силой ударил о ближайший контейнер.

— Ты думал, что сломал её? — прорычал я, нанося удар за ударом. — Она сильнее всей русской мафии в тысячу раз, ублюдок! Ты сдохнешь! А она будет жить!

Милена, избитая и окровавленная, медленно поднялась на ноги. Она посмотрела на Алессандро, который уже втапывал лицо Игоря в бетон, на Марко и Винченцо, которые зачищали оставшихся наемников, и на Лоренцо, который упал на колени рядом с Камиллой.

В её глазах горела чистая, неукротимая ярость. Слез не было. Только огонь.

Она сделала шаг к Игорю, но Алессандро уже держал его за горло, прижимая к земле. Он поднял голову, его глаза встретились с её взглядом.

— Он твой, orsetto. — сказал он, и в его голосе было обещание кровавой расплаты. — Но сначала он ответит за то, что посмел прикоснуться к тебе и к ней.

Милена кивнула. Это был не конец. Это было только начало.

— Марко, Винченцо! — Его голос разрезал тишину, как выстрел. — В мешок его. В подвал особняка. Пристегните его так, чтобы он не мог даже пошевелить пальцем. Проследите, чтобы он не сдох по дороге. Его смерть будет долгой, и она начнется только тогда, когда я этого захочу.

Братья молча кивнули, волоча обмякшее тело Игоря к одной из машин. Алессандро даже не обернулся. Весь мир для него сузился до одной точки — до Милены.

Она стояла поодаль, качаясь от боли и усталости. Её лицо было разбито, губа рассечена, а черный комбинезон пропитался багровыми пятнами. Она выглядела как падший ангел, только что прошедший через все круги ада.

Алессандро подошел к ней почти бесшумно. Его руки, еще минуту назад ломавшие кости врагов, теперь дрожали, когда он коснулся её лица.

— Милена... — Его голос надломился. — Orsetto.

Она подняла на него глаза, полные боли, но всё еще живые.

— Камилла... она у Лоренцо? — прохрипела она.

— Да. — Алессандро притянул её к себе, наплевав на кровь, грязь и свидетелей. Он обнял её так крепко, будто пытался срастить её сломанный мир со своим. — Она в безопасности. Лоренцо уже везет её домой. Ты справилась. Ты спасла её.

Милена уткнулась лицом в его плечо, и только сейчас её тело начало бить крупной дрожью. Весь адреналин испарился, оставив только всепоглощающую боль. Её ноги подкосились.

Алессандро не дал ей упасть. Он подхватил её на руки, прижимая к груди, как самое хрупкое сокровище.

— Я держу тебя. Слышишь? Я больше тебя не отпущу.

Во внедорожнике пахло кожей и оружейной смазкой. Алессандро посадил Милену на заднее сиденье, но сам не сел за руль — он приказал одному из солдат вести машину, а сам устроился рядом с ней, позволяя её голове лежать у себя на плече.

— Не закрывай глаза. — шептал он, вытирая влажной салфеткой кровь с её скулы. — Милена, смотри на меня. Тебе нельзя засыпать, пока врач не осмотрит тебя.

Её веки были тяжелыми, как свинец.

— Так... больно... Алессандро.

— Знаю, маленькая моя. Знаю. — он целовал её в лоб, поправляя спутавшиеся волосы.

Чтобы она не провалилась в темноту, он начал говорить. Не о мафии, не о смерти, а о том, что прятал глубоко внутри.

— Знаешь... когда я был маленьким, Лоренцо всегда был самым тихим. Однажды мы с Винченцо и Марко украли на кухне огромный торт, который приготовили для приема отца.

Милена едва заметно улыбнулась уголком губ.

— И что?..

— Мы спрятались в старом садовом домике. Лоренцо тогда было всего пять, он нашел нас по следу из крема. Он не сдал нас отцу, но потребовал половину торта в обмен на молчание. Уже тогда он был чертовым стратегом. — Алессандро тихо рассмеялся, и этот звук в тишине машины казался чем-то нереальным. — Мы объелись так, что потом три дня не могли смотреть на сладкое. Отец в ярости искал виновных, а мы сидели в саду под старым дубом и клялись, что будем защищать друг друга до конца.

Он чувствовал, как её дыхание становится прерывистым. Он погладил её руку, не давая ей отключиться.

— У нас было дерево в поместье. Мой отец хотел его срубить, чтобы расширить парковку, но мы вчетвером обхватили ствол и простояли так весь день. Он не решился нас оттащить. Это дерево до сих пор стоит там. Я покажу тебе его завтра. Мы устроим там ужин... без пушек, без крови. Только ты, я и тишина.

— Рассказывай еще... — прошептала Милена, цепляясь за его голос, как за спасательный круг.

— Винченцо в юности мечтал стать гонщиком, а не солдатом. — продолжал Алессандро, чувствуя, как его сердце сжимается от нежности. — Он по ночам угонял машины отца и гонял по серпантинам. А я всегда сидел на пассажирском и прикрывал его, если полиция садилась на хвост. Мы были неразлучны. Мы всегда были Семей, Милена. И теперь ты — часть этого дерева. Ты — корень, который держит меня.

Когда машина въехала в ворота особняка, Милена всё еще держалась. Она слушала его истории — о разбитых коленях, о первых победах, о моментах, когда они были просто детьми, а не монстрами.

Алессандро снова взял её на руки, выходя из машины. На пороге их уже ждал врач.

— Потерпи еще немного. — прошептал он ей на ухо. — Ты дома.

Он занес её в дом, чувствуя, что эта ночь навсегда изменила их. Игорь Павлов мог избить её тело, но он не знал, что своими ударами он только сильнее вковал её в сердце Алессандро.

Обособник гудел, как встревоженный улей, но в медицинском крыле царил гнетущая тишина. Алессандро отнес Милену в одну из комнат, где уже ждал доктор. Врач сразу же приступил к осмотру, его движения были быстрыми и профессиональными, но его лицо говорило о серьезности ситуации.

Милена лежала на кровати, её тактический костюм был разрезан, открывая синяки и ссадины. Кожа Алессандро покрылась мурашками от увиденного. Он не мог отвести взгляд от её тела, от этих отметин чужой жестокости. Её лицо было опухшим, губа разбита, под глазом расплывался синяк.

— Серьезное сотрясение мозга. — голос доктора был приглушенным и серьезным. — Перелом двух ребер. Множественные ушибы и гематомы. Нос, к счастью, цел. Потеря крови незначительная, но внутренние кровоизлияния есть. Нужно обезболить и постоянно наблюдать. Первые часы критические.

Алессандро сжал кулаки. Внутри него снова поднялась волна ярости, но он подавил её. Сейчас ему нужно было быть сильным для неё. Он сел на край кровати, осторожно взял её руку и переплел свои пальцы с её тонкими, окровавленными пальцами.

— Я здесь. Я рядом. — шептал он, глядя в её мутные глаза.

Врач сделал несколько уколов, поставил капельницу. Милена слегка застонала, её тело было напряжено от боли.

— Не... уходи... — прошептала она, её голос был слабым, почти неслышным, но в нем прозвучала такая отчаянная мольба, что сердце Алессандро сжалось.

— Я никуда не уйду. — он наклонился и поцеловал её в горячий лоб. — Клянусь. Каждую секунду. Пока ты не проснешься и не скажешь мне, что хочешь отомстить лично.

Он держал её за руку, чувствуя каждый её вздох, каждый слабый толчок пульса. Он видел, как её тело постепенно расслабляется под действием лекарств. Её взгляд стал более спокойным, но она всё ещё крепко сжимала его ладонь, будто боясь, что он исчезнет.

Доктор вышел, оставив их одних. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь мерным пиканьем аппаратуры и тихим дыханием Милены.

Алессандро смотрел на неё, на её избитое, но такое стойкое лицо. Он думал о том, что она пережила, о том, как она стояла там, принимая удары ради Камиллы. Она была не просто красивой женщиной. Она была воином. Его воином. Его *королевой*.

Он провел большим пальцем по её скуле, стирая последнюю каплю крови.

— Он заплатит, Милена. — прошептал он. — За каждый синяк. За каждую твою слезу. За каждый удар. Ты увидишь.

Её рука, казалось, немного расслабилась, но пальцы всё ещё цеплялись за его ладонь. Он не сдвинулся ни на миллиметр. Его место было здесь. Рядом с ней. В её боли. В её выздоровлении. Он будет её якорем в этом шторме.

Он чувствовал, как его собственное тело ломит от усталости, но он не мог позволить себе расслабиться. Она нужна ему. Живая. Целая. И он сделает всё, чтобы она стала такой.

Милена.

Боль пришла раньше, чем я открыла глаза. Она была густой, пульсирующей и какой-то... вездесущей. Казалось, каждая клетка моего тела превратилась в оголенный нерв. Самым тяжелым был вдох — стоило мне попытаться вздохнуть чуть глубже, как в грудь вонзились раскаленные иглы. Ребра. Игорь не жалел сил.

Я попыталась пошевелиться, но голова тут же взорвалась тошнотой и головокружением. Веки казались свинцовыми. Сквозь полузабытьё я чувствовала запах — стерильный, лекарственный, но сквозь него пробивался едва уловимый аромат сандала и дорогого табака.

Я заставила себя открыть глаза. Свет в комнате был приглушен, но даже этот мягкий сумрак резал зрачки. Я находилась в своей спальне. Всё тело было стянуто тугими бинтами, а к руке тянулась тонкая трубка капельницы.

Моя ладонь была в плену. Я почувствовала тепло, исходящее от чьих-то пальцев, и легкое, ритмичное поглаживание по тыльной стороне руки. Я повернула голову — это движение далось мне с трудом — и увидела его.

Алессандро сидел в кресле, придвинутом вплотную к кровати. Его вид напугал бы любого, но не меня. Его рубашка была расстегнута на несколько пуговиц, рукава закатаны, на скуле виднелся след от засохшей крови. Но страшнее всего были его глаза. Темные, глубоко запавшие, они горели каким-то мрачным, лихорадочным светом. Он выглядел так, будто не спал вечность.

— Ты проснулась. — его голос был хриплым, надтреснутым.

Я попыталась что-то сказать, но из горла вырвался лишь сухой шелест. Он тут же поднес к моим губам стакан с водой и трубочкой, осторожно приподнимая мою голову другой рукой. Вода показалась мне нектаром.

— Ка... Камилла? — это было первое, что я смогла выдавить.

— Она жива, Милена. В соседней комнате. Лоренцо от неё не отходит ни на шаг. У неё сотрясение, но врач говорит, что угрозы жизни нет. Благодаря тебе.

Я закрыла глаза, и слеза, которую я не смогла сдержать, скатилась по виску. Жива. Значит, всё было не зря. Каждая вспышка боли перед глазами, каждый удар — всё это имело смысл.

— Не плачь. — Алессандро коснулся моей щеки, вытирая слезу большим пальцем. Его рука была такой большой и надежной. — Тебе нельзя напрягаться. Ребра должны срастись.

— Алессандро... — я снова посмотрела на него. Моя рука в его ладони казалась совсем крошечной. — Пожалуйста, не уходи. Мне страшно закрывать глаза.

Я жала его пальцы настолько крепко, насколько позволяли силы. В груди снова кольнуло, и я невольно поморщилась.

— Я никуда не уйду, моя маленькая. — он наклонился ниже, почти касаясь своими губами моего уха. Его дыхание обжигало кожу. — Я не отошел от этой кровати ни на минуту, пока ты спала, и не отойду, пока ты не начнешь бегать по этому дому.

— Он... Игорь... — я замялась, вспоминая его издевательский смех.

Лицо Алессандро на мгновение превратилось в маску из застывшего камня. Такую холодную ярость я видела только один раз — когда он убивал людей в порту.

— Он в подвале, Милена. В самом глубоком и холодном месте этого дома. Он ждет своего часа. И я обещаю тебе: когда ты немного окрепнешь, я отведу тебя к нему. Ты сама решишь, когда его крики станут слишком тихими.

Я почувствовала странное удовлетворение от этих слов. Раньше я бы ужаснулась своей жестокости, но теперь... теперь я знала, что доброта для таких, как Игорь — это слабость.

— Поспи еще. — Алессандро снова поцеловал меня в лоб, задерживаясь губами на коже. — Я держу тебя. Слышишь? Я не отпущу твою руку.

Я кивнула, чувствуя, как веки снова наливаются тяжестью под действием лекарств. Его присутствие окутывало меня, как непробиваемый щит. Последнее, что я помнила перед тем, как снова провалиться в сон — это тепло его ладони и тихий, ровный ритм его сердца, за которым я следила, пока сознание не погасло.

В комнате царил полумрак. Тяжелые шторы были задернуты, и только узкая полоска лунного света ложилась на ковер. Алессандро сидел на своем неизменном месте, не выпуская руки Милены. Его лицо осунулось, под глазами залегли тени, но он бодрствовал, как цепной пес, охраняющий свое сокровище.

Дверь тихо скрипнула. В проеме показались две массивные фигуры. Марко и Винченцо вошли почти бесшумно, что было редкостью для их тяжелых шагов. Марко был без пиджака, в одной черной рубашке с закатанными рукавами, на которых виднелись свежие багровые пятна. Винченцо шел следом, его лицо было непроницаемым, но в глазах застыло тяжелое беспокойство.

Алессандро даже не обернулся. Он знал их шаги.

— Как она? — шепотом спросил Марко, останавливаясь у изножья кровати. Его обычно дерзкий голос сейчас звучал глухо и надтреснуто.

— Спит. — коротко ответил Алессандро. — Врач говорит, кризис миновал, но телу нужно время, чтобы восстановиться после такого...

Марко сжал кулаки так, что хрустнули костяшки. Он посмотрел на бледное лицо Милены, на синяки, которые проступали сквозь мазь.

— Маленькая дьяволица. — с какой-то странной нежностью пробормотал он. — Стояла там, в кругу, и даже не пискнула. Если бы я не видел это своими глазами, не поверил бы, что в этой девчонке столько стали.

Винченцо подошел ближе и положил руку на спинку кровати, глядя на монитор, следящий за её пульсом.

— Мы все ей обязаны. — тихо произнес он. — Она спасла Камиллу. Если бы не её выдержка, Лоренцо сейчас бы не сидел в соседней комнате, а рвал бы на себе волосы у могилы.

Алессандро наконец поднял голову.

— Что внизу?

Марко хищно усмехнулся. В этой улыбке не было ни капли веселья — только холодная тьма.

— О, внизу у нас очень весело. Игорь Павлов наконец-то начал понимать, куда он попал. Мы с Винченцо провели там последние три часа.

— Он всё еще думает, что его кто-то спасет? — Алессандро чуть сильнее сжал руку спящей Милены.

— Уже нет. — Винченцо сделал шаг вперед, его голос стал ледяным. — Мы «позаботились» о его руках. Тех самых, которыми он её бил. Марко немного увлекся с инструментами... Скажем так, пианистом ему больше не быть. Он орал так, что стены дрожали, пока мы не засунули ему в рот его же собственный галстук.

— Он просит смерти. — добавил Марко, и в его глазах блеснул опасный огонек. — Каждые пять минут скулит и просит, чтобы мы его пристрелили. Но мы сказали ему, что сегодня — только разогрев. Мы не даем ему спать. Включаем свет, обливаем ледяной водой, как только он закрывает глаза. Он должен прочувствовать каждую секунду страха, который чувствовала она.

Алессандро кивнул. Это была справедливая плата, но её было недостаточно.

— Не убивайте его. Пока она сама не увидит его конец.

— Конечно, босс. — Марко еще раз посмотрел на Милену. — Поправляйся, Мил. Мы там для тебя столько «развлечений» приготовили... Тебе понравится.

— Камилла приходила в себя? — спросил Винченцо, уводя разговор от кровавых подробностей.

— Лоренцо говорит, она открывала глаза на пару минут. — ответил Алессандро. — Он кормит её с ложечки бульоном и не подпускает к ней даже горничных. Он в бешенстве, что не уберег её.

— Мы все в бешенстве. — подытожил Марко. Он подошел к Алессандро и положил руку ему на плечо. — Иди поспи хоть пару часов. Мы посидим с ней. Клянусь, если она хоть пальцем шевельнет, мы тебя позовем.

Алессандро покачал категорично головой.

— Нет. Моё место здесь.

Братья переглянулись. Они понимали, что спорить бесполезно. Они постояли еще минуту в тишине, отдавая дань уважения девушке, которая стала для них не просто «активом», а частью семьи.

— Мы вернемся в подвал. — тихо сказал Винченцо. — У Игоря еще остались целые пальцы на ногах. Надо исправить это недоразумение.

Они вышли так же тихо, как и вошли. Алессандро снова остался наедине с Миленой. Он наклонился и прошептал ей на ухо:

— Слышала? Твои рыцари уже начали свою работу. Тебе остается только проснуться и забрать свою победу.

Милену во сне едва заметно вздохнула, и Алессандро показалось, что на её разбитых губах на мгновение промелькнула тень той самой хищной улыбки.

Глава 16

Прошло три дня. Воздух в особняке наконец перестал казаться наэлектризованным, хотя на нижних этажах всё еще витала тень того, что происходило в подвале.

Солнце ярко заливало просторную столовую. На столе дымился крепкий кофе, стояли тарелки с омлетом, свежие фрукты и круассаны. Это была первая попытка «Семьи» собраться всем вместе после той кровавой ночи в порту.

Первым в столовой появился Алессандро. Он выглядел безупречно в темно-синей рубашке, но его взгляд то и дело возвращался к дверям. Следом вошли Марко и Винченцо — они о чем-то негромко спорили, но при виде брата замолчали.

— Как они? — коротко спросил Марко, усаживаясь за стол.

— Сейчас спустятся. — ответил Алессандро, и в этот момент послышались шаги.

В дверях появились Милена и Камилла. Они шли медленно, поддерживая друг друга. На Милене был мягкий шелковый халат глубокого изумрудного цвета, который скрывал бинты на ребрах, но не мог спрятать желтеющий синяк на скуле и разбитую губу. Её волосы были распущены, и в глазах, несмотря на перенесенную боль, горел холодный, спокойный огонь.

Камилла выглядела чуть менее бледной. На её виске белел аккуратный пластырь, а на плечи был накинута огромная черная худи — явно принадлежащий Лоренцо. Она слегка прихрамывала, но когда увидела накрытый стол, её губы тронула слабая усмешка.

Братья поднялись одновременно. Это был жест уважения, который не купишь ни за какие деньги.

— Присаживайтесь, воительницы. — Винченцо отодвинул для них стулья.

Вслед за девушками в комнату вошел Лоренцо. Он выглядел так, будто не спал всё это время: глаза покраснели, но стоило ему увидеть, как Камилла осторожно садится, он тут же оказался рядом, поправляя ей подушку под спиной.

— Я сама, Лоренцо. — фыркнула Камилла, но не отстранилась. — Я не фарфоровая кукла.

Но Лоренцо ничего не ответил, а просто стал наливать ей чай с лимоном.

Алессандро подошел к Милене. Он положил руки ей на плечи, едва касаясь, чтобы не причинить боли.

— Как ребра? — тихо спросил он ей на ухо.

— Ноют. — честно призналась Милена, поднимая на него взгляд. — Но это напоминает мне о том, что я жива. А он — нет. В смысле, не совсем.

— Скоро это закончится. — пообещал Алессандро и сел рядом, не выпуская её руки.

Завтрак проходил в странной атмосфере — смеси домашнего уюта и мафиозного совета.

— Ну что, девчонки. — Марко отхлебнул кофе, глядя на них с нескрываемым восхищением. — Вы теперь легенды. Мои парни в гараже только и обсуждают, как «мини-версия Волкова» кромсала наемников топориками. Кажется, у тебя появился фан-клуб, Мил.

— Я бы предпочла, чтобы они обсуждали мой вкус в одежде, а не в холодном оружии. — отозвалась Милена, пробуя омлет. Боль при жевании всё еще была, но она старалась не подавать виду.

— А я? — Камилла подняла бровь. — Про мой взлом системы никто не говорит? Я, между прочим, свет выключила в самый эпичный момент.

— Твой взлом — это искусство, Ками. — подал голос Лоренцо, не отрывая взгляда от своей тарелки. — Но то, что ты позволила подойти к машине... за это мы еще поговорим, когда ты поправишься.

— Ой, началось. — закатила глаза Камилла, переглянувшись с Миленой. Те понимающе улыбнулись друг другу. Между ними теперь была связь, которую не разорвать — связь, скрепленная кровью в том кругу.

— Что с Игорем? — вдруг спросила Милена. Атмосфера за столом мгновенно похолодела.

Винченцо и Марко переглянулись.

— Он в подвале. — ответил Винченцо. — Мы... немного поработали над его самомнением. Он просто кусок мяса, который ждет финала. Он сдал все счета, все контакты твоего отца в Европе и все точки отгрузки.

— Он просит о встрече. — добавил Алессандро, глядя прямо в глаза Милене. — С тобой. Просит, чтобы ты его пристрелила. Думает, что ты проявишь милосердие.

Милена медленно отложила вилку. Она коснулась своей разбитой губы и посмотрела на Камиллу.

— Милосердие? — переспросила она. — Он ошибся адресом.

— Пойдем туда сегодня? — спросила Камилла, её голос дрогнул, но взгляд был твердым.

— Только если врач разрешит. — отрезал Лоренцо. — И только под нашим присмотром.

— Именно. Мы пойдем вместе. — решил Алессандро. — Но сначала — ешьте. Вам нужны силы, чтобы поставить финальную точку для этого ублюдка.

Милена кивнула и снова взяла Алессандро за руку под столом. Он не просто спас её — он подточил её зубы и когти. И сегодня она собиралась ими воспользоваться.

Милена.

Завтрак был окончен. Тарелки были отодвинуты, и в воздухе повисла тяжелая, почти осязаемая решимость.

— Нам нужно переодеться. — тихо сказала я, обращаясь к Камилле.

Она кивнула. Мы медленно встали. Камилла, всё еще кутаясь в огромное худи Лоренцо, выглядела как раненая птица, которая всё же собирается взлететь. Лоренцо проводил её взглядом, полным такого беспокойства, что это было почти физически ощутимо.

Я направилась к лестнице, чувствуя, как каждый шаг отдается тупой болью в ребрах. Алессандро поднялся следом. Он не спрашивал разрешения — он просто пошел за мной.

В спальне я остановилась перед шкафом, пытаясь распутать пояс шелкового халата. Пальцы плохо слушались, а попытка поднять руки, чтобы снять одежду, вызвала резкую вспышку боли в груди. Я невольно закусила губу.

— Позволь мне. — тихий голос Алессандро раздался прямо за моей спиной.

Его большие, теплые ладони легли на мои плечи. Он осторожно развязал узел и помог мне освободиться от халата. Я осталась в белье, и в зеркале отразились бинты, туго стягивающие мою грудную клетку, и расцветающие на коже синяки.

Алессандро замер. Я видела в отражении, как его челюсти сжались. Он медленно провел кончиками пальцев по краю бинта, не касаясь самой кожи, будто боялся, что я рассыплюсь.

— Это скоро пройдет, всё хорошо. — прошептала я, поворачиваясь к нему.

— Прости, я должен был защитить... — его голос вибрировал от сдерживаемой ярости.

Он достал из шкафа черную кашемировую водолазку и удобные брюки. Очень осторожно, словно я была сделана из тончайшего стекла, он помог мне одеться. Каждое его движение было наполнено такой нежностью, что у меня перехватило дыхание. Когда он закончил, он не отстранился. Его руки обвили мою талию, притягивая к себе так бережно, чтобы не сдавить ребра.

Я подняла голову, глядя в его темные, горящие обожанием глаза.

— Спасибо, Алессандро. За всё.

Он ничего не ответил. Он просто наклонился и накрыл мои губы своими. Это не был поцелуй страсти — это был поцелуй-клятва. Глубокий, тягучий, пахнущий кофе и обещанием

вечной защиты. В этом жесте была вся его сила, переданная мне. Когда он отстранился, я почувствовала, что готова.

— Идем? — спросил он.

— Да. Пора заканчивать.

Мы спустились вниз. В холле нас уже ждали остальные. Камилла переделалась в черный спортивный костюм, её лицо было сосредоточенным. Рядом с ней, как тень, стоял Лоренцо, проверяя что-то в своем планшете. Марко и Винченцо уже стояли у тяжелой стальной двери, ведущей в цокольный этаж. В их руках были ключи и... инструменты, которые не предвещали ничего хорошего.

— Готовы? — коротко спросил Винченцо.

Я посмотрела на Камиллу. Она коротко кивнула мне, сжав кулаки. Мы обе знали, что этот спуск в подвал — наш личный обряд очищения.

Алессандро взял меня за руку, переплетая наши пальцы.

— Открывай. — скомандовал он.

Дверь со стоном поддалась. Из подвала потянуло холодом, сыростью и отчетливым, металлическим запахом крови. Мы начали спускаться по каменной лестнице. Гул наших шагов отдавался в ушах, как бой барабанов перед казнью.

Чем ниже мы спускались, тем громче становились звуки. Это был не крик — Игорь уже не мог кричать. Это был хриплый, захлебывающийся звук человека, который потерял всякую надежду.

В самом конце коридора, в камере, залитой резким светом единственной лампы, на железном стуле сидело то, что осталось от Игоря Павлова. Его руки были прикованы к подлокотникам, голова свешена на грудь. Его безупречный костюм превратился в грязное рванье, пропитанное багровым.

Когда мы вошли, он с трудом поднял голову. Его глаза, заплывшие от ударов, сфокусировались на мне и Камилле.

— Пришли... — прохрипел он, и из угла его рта потекла струйка крови. — Пришли... посмотреть...

Алессандро сделал шаг вперед, заслоняя меня своим плечом, но я мягко отстранила его руку. Я хотела, чтобы Игорь видел меня. Видел ту, которую он называл «бракованной вещью».

— Мы пришли не просто смотреть, Игорь. — мой голос в тишине подвала прозвучал как щелчок затвора. — Мы пришли попрощаться.

Камилла встала рядом со мной. Лоренцо положил руку ей на плечо, и я видела, как Игорь вздрогнул от того, какой силой теперь обладали его бывшие жертвы.

В подвале стало очень тихо. Охота, начатая много лет назад, сегодня должна была закончиться здесь. Я понимала, что это не конец, так как отец тоже ищет меня, но шаг за шагом приближалась к своей свободе, которую так жаждала.

Я остановилась в шаге от него. Внутри меня не было страха. Только пустота, которую нужно было чем-то заполнить.

— Почему, Игорь? — мой голос был ровным, как линия кардиограммы покойника. — Почему мой отец отдал меня тебе, как кусок мяса?

Игорь снова дернулся в конвульсиях смеха, который перешел в мучительный кашель.

— Ты... ты до сих пор ничего не поняла? Ты думала, ты просто разменная монета? — он поднял на меня свои безумные, заплывшие глаза. — Твой отец... великий Пахан... он боится тебя, Милена. Боится больше, чем Интерпола и всех итальянских семей вместе взятых.

Я нахмурилась, чувствуя, как за спиной напрягся Алессандро.

— О чем ты несешь?

— Ты — вылитая мать. — Игорь оскалился, обнажая разбитые десны. — Такая же сильная. Такая же... опасная. Твой отец не «потерял» её в автокатастрофе, как тебе рассказывали.

Он сам её убил. Своими руками. Потому что она была единственной, кто мог повести людей против него. Она была истинным лидером.

Земля ушла у меня из-под ног. Слова Игоря вонзились в мозг, как отравленные стрелы. Мама... он убил её?

— И он видел ту же искру в тебе. — продолжал Игорь, наслаждаясь моей болью. — Он знал: рано или поздно ты поймешь свою силу. Ты займешь его трон. Русская братва пойдет за тобой, а не за этим стареющим параноиком. Он отдал тебя мне, чтобы я сломал тебя. Чтобы уничтожил твою волю. Чтобы ты никогда не вспомнила, чья кровь течет в твоих жилах.

Игорь закашлялся, захлебываясь кровью, но продолжал шептать:

— Он никогда тебя не оставит, Милена. Даже если ты убьешь меня. Для него ты — угроза, которую нужно либо приручить, либо стереть. Он убил твою мать... и он придет за тобой.

Я стояла неподвижно. В голове прокручивались обрывки детских воспоминаний: тихий смех мамы, её стальной взгляд и то, как быстро отец заставил всех забыть о её существовании. Всё встало на свои места. Вся моя жизнь была побегом от человека, который должен был меня защищать, но вместо этого продал в рабство из трусости.

Я почувствовала руку Алессандро на своем плече. Он был готов остановить это в любую секунду, но я лишь слегка качнула головой.

Я медленно перевела взгляд на стол с инструментами Марко. Там, среди ножей и зажимов, лежал тяжелый стальной предмет с четырьмя отверстиями. **Кастет.**

Я подошла и взяла его. Металл был холодным и тяжелым. Я медленно надела его на пальцы, чувствуя, как он идеально ложится на суставы. Мои пальцы, еще недавно дрожавшие от боли, теперь сжались в смертоносный кулак.

— Ты закончил? — спросила я, поворачиваясь к Игорю.

Его глаза расширились. Он увидел в моем взгляде то, чего так боялся мой отец. Настоящую наследницу Пахана.

— Милена, стой... — прохрипел он, пытаясь дернуться в цепях. — Я же... я просто выполнял приказ...

— Ты не просто выполнял приказ, Игорь. Ты получал от этого удовольствие. — я подошла к нему вплотную. — Ты сказал, что я — угроза? Ты прав.

Я ударила. Первый удар пришелся ему в челюсть. Звук ломающейся кости эхом разнесся по подвалу. Игорь вскрикнул, но я не дала ему опомниться.

Я била его снова и снова. За маму. За Камиллу. За каждый шрам на моем теле. За каждую слезу, которую я пролила в одиночестве, думая, что я — ничто. Кастет с глухим стуком входил в его плоть, превращая лицо Игоря в месиво.

Я не слышала его криков. Я не видела, как Марко и Винченцо переглянулись, пораженные моей яростью. Я видела только лицо своего отца в каждом ударе.

Когда мои руки уже по локоть были в крови, а Игорь перестал даже хрипеть, я остановилась. Это уже было не тело человека. Это был мусор.

Я тяжело дышала. Мой кастет был багровым, капли крови стекали с него на бетон. Я медленно сняла его и бросила на пол. Звук удара металла о камень поставил точку в моей прошлой жизни.

Алессандро подошел ко мне сзади и обнял, не обращая внимания на кровь на моей одежде. Он прижал меня к себе, давая опору.

— Всё кончено, orsetto. — прошептал он.

— Нет, Алессандро. — я обернулась к нему, и мой взгляд был холодным, как сибирская зима. — С Игорем — кончено. Но мой отец еще жив. И теперь я знаю, зачем мне нужна эта сила.

Я посмотрела на Камиллу. Она стояла рядом с Лоренцо, бледная, но в её глазах читалось то же самое понимание. Мы больше не были беженками. Мы были теми, кто идет за головой короля.

— Лоренцо. — я вытерла лицо рукой, оставляя на щеке кровавый след. — Начинай искать слабые места в счетах моего отца. Все до единого. Камилла тебе поможет.

Я посмотрела на Алессандро.

— Ты сказал, что я — часть твоей «Семьи». Ты сможешь мне забрать то, что принадлежит мне по праву крови?

Алессандро взял мою окровавленную руку и поцеловал ладонь, глядя мне прямо в глаза.

— До самого конца, моя королева.

Мы вышли из подвала, оставляя труп Игоря в темноте. Впереди была новая война, но теперь я знала: я — не вещь. Я — Пахан, который идет домой. И теперь я заберу всё, что мой отец забрал у меня.

Глава 17

Милена.

Прошло еще несколько дней. Синяки на моем лице из пугающе-багровых превратились в бледно-желтые, а ребра отзывались болью только при резких движениях. Но тяжелее всего было в голове. Слова Игоря о маме и отце крутились там, как заевшая пластинка, не давая покоя.

Я стояла на балконе, глядя на то, как наступает новый день.

— Слишком много мыслей для такого красивого утра. — раздался тихий голос сзади.

Я не обернулась. Я узнала этот голос из тысячи. Алессандро подошел и встал рядом, облокотившись на перила. Сегодня на нем не было строгого костюма или тактической экипировки — только простая белая футболка и свободные брюки. Он выглядел... по-домашнему.

— Я не могу просто выключить это, Алессандро. — тихо сказала я. — Кажется, что если я расслаблюсь, прошлое снова схватит меня за горло.

Он помолчал, а потом мягко взял мою ладонь и переплел наши пальцы.

— Собирайся.

— Куда?

— Увидишь. Никаких телефонов, никакой охраны в поле зрения, никаких разговоров о подвалах. Только ты и я. Нам обоим нужна перезагрузка.

Мы ехали в его старом кабриолете — редкая машина, которую он, кажется, хранил для особых случаев. Ветер трепал мои волосы, выдувая из головы тяжелые мысли. Алессандро вел машину уверенно, его рука время от времени ложилась на моё колено, напоминая о том, что он рядом.

Мы поднялись высоко в горы, туда, где оливковые рощи сменялись дикими скалами, обрывающимися прямо в лазурное Лигурийское море. Он остановил машину на краю утеса, где под старой раскидистой пинией была спрятана небольшая каменная терраса.

— Это моё тайное место. — сказал он, выходя из машины и обходя её, чтобы открыть мне дверь. — Здесь я прятался от отца, когда он слишком сильно давил на нас с братьями.

Он достал из багажника корзину и плед. Несмотря на мою слабую попытку помочь, он решительно забрал всё сам. После чего расстелил плед на мягкой траве, которая пахла нагретой землей и солью. Мы устроились в тени дерева. Из корзины появились свежий хлеб, сыр, виноград и бутылка вина, которое, по словам Алессандро, делали на одной из их дальних вилл.

Я полулежала, оперевшись на локоть, и смотрела на море. Оно было таким спокойным, таким безразличным к человеческим драмам.

— Знаешь... — я сорвала виноградину и задумчиво посмотрела на неё. — Я никогда не была на пикнике. В России всё было... по-другому. Рестораны, приемы, бронированные окна. Отец считал, что открытое пространство — это уязвимость.

Алессандро разлил вино по бокалам и протянул один мне.

— Твой отец видел опасность в красоте, потому что сам был уродлив внутри. Здесь ты в безопасности. Эти скалы — мои лучшие охранники.

Он придвинулся ближе, осторожно обнимая меня за талию. Я прислонилась спиной к его крепкой груди, чувствуя, как его тепло проникает сквозь мою тонкую блузку. Он был моим якорем.

— Ты думаешь о том, что сказал Игорь? — его голос вибрировал у моего уха.

— Постоянно. — честно призналась я. — Если он не врал... если папа действительно убил маму... то я всё это время жила с монстром.

— Мы все дети монстров, Милена. — Алессандро поцеловал меня в макушку. — Но мы сами выбираем, продолжать ли их путь или выжечь его дотла. Ты не твой отец. Ты — женщина, которая выстояла там, где сломались бы мужчины. И ты — моя женщина. Это единственное, что сейчас имеет значение.

Я повернулась в его объятиях, глядя в его глаза. В них больше не было холода. Только бесконечная нежность.

— Алессандро. — я коснулась пальцами его губ. — Ты вечно спасаешь меня от самой себя. До тебя я жила с чувством того, что у меня не может быть нормального будущего, всё было чёрно-белым. А теперь я ощущаю, что начинаю жить, как будто проснулась от вечного сна.

Он перехватил мою руку и поцеловал ладонь.

— Мы спасаем друг друга, orsetto. До тебя я был просто бесчувственным механизмом для управления империей. Ты заставила меня почувствовать, что под этим дорогим сукном еще бьется сердце.

Он медленно наклонился и поцеловал меня. На этот раз поцелуй был долгим, со вкусом сладкого винограда и соленого ветра. В нем не было спешки — только желание зафиксировать этот момент тишины, эту хрупкую идиллию, которую мы заслужили.

Мы просидели там несколько часов, разговаривая о пустяках, глядя на проплывающие внизу яхты и просто молча слушая шум цикад. На мгновение мне показалось, что никакой войны нет. Есть только мы — двое людей на краю мира. Но когда солнце начало заходить за горизонт, мы стали собираться обратно домой.

Солнце уже почти полностью скрылось за горизонтом, когда кабриолет Алессандро въехал в ворота особняка. Воздух наполнился ароматом ночных цветов и легкой прохладой, но внутри меня всё ещё горел огонь этого дня, проведенного наедине. Эта передышка была необходима, но теперь я чувствовала себя по-новому заряженной, решительной и... странно уязвимой.

Алессандро заглушил двигатель, и в наступившей тишине я почувствовала его взгляд.

— Устала? — спросил он, его голос был низким и бархатистым.

— Нет. — я покачала головой, поворачиваясь к нему.

Он улыбнулся, и эта улыбка была самой искренней, которую я видела на его лице. Он вышел из машины, обошел её и открыл мою дверь. Моя рука скользнула в его, и я почувствовала, как по телу пробегает электрический разряд.

Мы вошли в дом. В столовой горел свет, и доносились тихие голоса Лоренцо и Камиллы — они, очевидно, не теряли времени даром, уже погрузившись в работу. Но мы не пошли к ним. Алессандро повел меня вверх по лестнице, в мою комнату. Каждый его шаг был уверенным, а моя рука в его ладони чувствовала себя защищенной.

В спальне царил полумрак, рассеиваемый лишь лунным светом, проникающим сквозь неплотно задернутые шторы. Алессандро закрыл дверь за нами, и этот тихий щелчок отрезал нас от всего мира.

Я повернулась к нему. Его глаза сканировали моё лицо, будто он пытался прочесть в них каждую мысль, каждое чувство. Его пальцы мягко легли на мои скулы, касаясь места, где ещё недавно алел синяк.

— Боль... она всё ещё здесь? — его голос был нежным, почти шепотом.

— Нет. — я покачала головой, чувствуя, как его прикосновение прогоняет любую боль. — Не сейчас.

Он медленно наклонился, и наши губы встретились. Это был поцелуй, который начался с нежности, но быстро набрал силу. Поцелуй, в котором было всё пережитое: страх за Камиллу, ярость в порту, боль от ударов, облегчение от спасения, тишина на скалах и обещание буду-

щего. Мои руки поднялись к его шее, зарываясь в мягкие волосы на затылке, притягивая его ближе.

Он ответил с такой же пылкостью, его губы двигались властно, но с непередаваемой осторожностью, помня о моих ранах. Я чувствовала его сильные руки на своей талии, как он прижимает меня к себе, не давая ни единого шанса на отступление.

Его поцелуи спустились по моей шее, обжигая кожу. Я запрокинула голову, выгибаясь в его объятиях, чувствуя, как каждая клеточка моего тела отзывается на его прикосновения. Он прижал меня к себе еще крепче, и я ощутила твердость его тела сквозь тонкую ткань моей блузки.

— Ты моя, Милена. — прошептал он, его голос был низким и хриплым. — Вся моя.

Мои пальцы расстегнули пуговицы на его рубашке, и я почувствовала тепло его кожи под моими ладонями. Мы двигались к кровати, не разрывая поцелуя. Одежда падала на пол, становясь ненужным барьером между нами.

Когда он осторожно уложил меня на мягкие простыни, его глаза вновь встретились с моими. В них читалось столько обожания и желания, что я почувствовала, как мое сердце тает. Он провел рукой по моим бинтам, его прикосновение было легким, целительным.

— Ты прекрасна. — сказал он, его голос был полон искренности. — Каждая рана, каждая отметина — это часть тебя. И я люблю каждую из них.

В комнате было так тихо, что я слышала, как бешено колотится моё сердце, переключаясь с ритмичным дыханием Алессандро.

— Ты уверена? — прошептал он, его голос вибрировал от сдерживаемого напряжения. — Твои ребра...

— Плевать на ребра, Алессандро, — я потянула его на себя. — Мне нужен ты. Весь. Прямо сейчас.

Он медленно, с невероятной осторожностью, опустился на меня, стараясь перенести весь свой вес на локти. Когда он вошел в меня — плавно, почти благоговейно — я невольно закусила губу, но не от боли, а от той ошеломляющей полноты чувств, которая накрыла меня с головой. Это было похоже на то, как если бы все разрозненные части моей души наконец-то встали на свои места.

Алессандро замер на мгновение, вглядываясь в моё лицо, ловя каждый вздох, каждую дрожь моих ресниц. Он искал любые признаки боли, но кивком головы я дала ему понять, что всё хорошо.

Его первые движения были медленными и тягучими, словно он изучал меня заново, боясь повредить хрупкую оболочку моего тела. Но по мере того, как наши дыхания сплетались в одно, осторожность начала уступать место долгожданной страсти.

Темп постепенно нарастал. Нежность сменилась властной, пульсирующей ритмичностью. Я чувствовала силу его мышц, жар его кожи и ту невероятную энергию, которая исходила от него. Мои пальцы впилась в его плечи, я выгибалась навстречу каждому его толчку, забыв о бинтах и синяках. Сейчас существовало только это мгновение.

Воздух в комнате стал густым и горячим. Мои тихие стоны смешивались с его хриплым шепотом на итальянском — я не понимала слов, но чувствовала их смысл каждой клеточкой кожи. Это был танец на грани — между болью прошлого и надеждой будущего.

С каждым новым движением мы уходили всё глубже, туда, где не существовало имен, фамилий и мафиозных кланов. Была только эта ослепительная вспышка, это чувство абсолютной принадлежности. Когда финал накрыл нас обоих, оглушительный и яркий, я прижалась к нему, пряча лицо в изгибе его шеи, чувствуя, как его сердце бьется в унисон с моим.

Мы еще долго лежали в тишине, сплетенные руками и ногами. Алессандро бережно укрыл нас пледом, продолжая целовать мои виски и плечи. Его дыхание постепенно выравнилось, но он не отпускал меня ни на миллиметр.

— Что-то болит? Всё хорошо? — пробормотал он в мои волосы.

Я закрыла глаза, чувствуя себя наконец-то там, где должна быть.

— Всё прекрасно, Алессандро.

В эту ночь я спала без кошмаров. Впервые за всю свою жизнь я знала, что за моей спиной стоит человек, который не просто готов убить за меня, но и готов исцелить каждую мою рану — прикосновением, словом, собой.

Алессандро.

Первый луч солнца прокрался сквозь щель в шторах, осветив лицо Милены. Она спала, свернувшись калачиком, и даже сквозь синяки и отеки было видно, как прекрасна она в своей уязвимости. Я смотрел на нее, и в груди разливалось тепло, которое я никогда раньше не испытывал. Это было нечто большее, чем просто влечение или деловая связь. Это было... обожание.

Я осторожно выбрался из-под её руки, стараясь не разбудить. Её дыхание было ровным, спокойным. Наконец-то. Она спала так, как, наверное, не спала уже много лет.

Вышел из комнаты, тихо прикрыв дверь, и отправился в свою. Зеркало в ванной встретило меня отражением усталого, но решительного мужчины. Включил холодную воду и плеснул себе в лицо. После начал быстро бриться, но старался не пораниться, думая о том, какой вид я хочу, чтобы она увидела, когда проснется. Идеальный образ — это моя тактика.

Я выбрал свой любимый темно-синий костюм, рубашку цвета слоновой кости и галстук с тонким серебристым узором. Потому что хотел выглядеть как человек, которому она может доверить всё. Но не понимаю, любовь ли это. Я не знаю, что это такое, но думаю, что уже сейчас готов отдать свою жизнь за неё столько раз, сколько это потребуется. Она — мой кислород, и это осознание меня немного пугает.

Перед тем, как спуститься, взял телефон. Быстро набрал сообщение Марко:

«Купи ей новый айфон. Самый последний. У неё старый, неудобный. И не забудь про бордовые лилии и серебряную подвеску с медвежоном. Я сам отнесу».

Я знал, что Марко справится. Он всегда находил способ достать всё, что нужно. И буквально через тридцать минут с её новым телефоном в руке, я начал свою работу. Я вбил в экстренные контакты номера Марко, Винченцо, Лоренцо и свой собственный. Свой номер я поставил на первое место в экстренных вызовах. Не хотелось, чтобы она думала, что я её контролирую, но она должна была знать, что я всегда рядом.

После осторожно вошел обратно в её комнату. Она всё ещё спала. Я положил новый телефон рядом с её ладонью, а на тумбочке рядом поставил большой букет бордовых лилий и серебряную подвеску. Мой медвежонок... Символ силы и нежности.

Я поцеловал её в лоб и прошептал

— Спи спокойно, orsetto.

Затем вышел и направился в свой кабинет. Там уже ждали Лоренцо, Марко и Винченцо. Братья выглядели как всегда — готовые к бою.

— Ну что, начинаем? — Лоренцо уже сидел за главным компьютером, на экране которого мелькали схемы и адреса.

— Начинаем. — кивнул я, садясь во главе стола. — Игорь — это только верхушка айсберга. Нам нужно разобраться с теми, кто его поддерживал. Я составил список.

Я указал на экран, где появилось имя: **Александр «Жук» Жуков.**

— Жуков отвечает за «легальный» бизнес Пахана. Гостиницы, рестораны, казино. Прикрывает все его грязные дела. Его ликвидация — это удар по всей финансовой системе.

— Кстати, он — тот, кто пытался подкупить нашего начальника полиции в Генуе. — добавил Винченцо. — Он слишком обнаглел.

— Следующий... — я указал на следующее имя. **Артур «Ёж» Егоров.** — Контролирует все порты и склады. Говорят, он знает обо всех незаконных поставках, которые проходят через страну. Именно он, скорее всего, и помог Игорю с оружием.

— Ёж — настоящий псих. — сказал Марко, потирая кулаки. — Но зато знает все дыры в системе. Ликвидировать его — значит, перекрыть кислород.

— И последний, кого мы трогаем сегодня... — я указал на крупное фото пожилого мужчины с жестким лицом. **Николай «Дед» Смирнов**. — Говорят, он — мозг Пахана. Все его самые грязные операции, самые опасные «решения» — это его рук дело. Если мы уберем его, потеря контроля русским обеспечена.

— Дед — это вообще легенда. — усмехнулся Лоренцо. — Говорят, он никогда не выходит из своего поместья под Москвой. У него там целая армия телохранителей.

— Значит, нам придется его выманить. — я усмехнулся. — У каждого есть слабое место. А у «Жука», как мы знаем, есть дочь, которая любит модные бутики и дорогой алкоголь. У «Ежа» — страсть к редким лошадям. А Дед... Дед любит порядок. Он не терпит хаоса. Наша работа — создать для него этот хаос.

— А как насчет отца Милены — **Викторий Волков** (Пахан)? — спросил Винченцо. — Ты же не собираешься его пока трогать?

— Пока нет. — ответил я. — Он — наша главная цель. Но для этого нам нужно действовать осторожно. Мы должны лишить его всей его опоры. А когда он останется один, как одинокий волк, тогда мы его и растерзаем.

— Начнем с Жукова? — спросил Марко.

— Именно. — подтвердил я. — Он самый близкий к «легальному» бизнесу. Его ликвидация вызовет меньше подозрений, чем Егорова или Деда. Лоренцо, подготовь для Марко и Винченцо всю информацию про первую мишень. Адреса, маршруты.

— Уже всё готово. — Лоренцо кивнул. — Его личная охрана — сборище бывших спецназовцев, но без мозгов. Для вас — разминка.

— Отлично. — я встал. — Сегодня вечером — операция. А пока... я пойду проверю, не проснулась ли Милена.

Я вышел из кабинета, чувствуя, как внутри меня разгорается огонь. Война началась. И на этот раз она будет идти по моим правилам.

Бонус 3. Камилла и Лоренцо.

В серверной особняка всегда было прохладно — оборудование требовало строгого температурного режима. Но сегодня здесь было необычно уютно. Лоренцо притащил сюда огромный бескаркасный пуф, кучу пледов и даже мини-холодильник.

Пока Алессандро и Милена пытались найти покой среди оливковых рощ, здесь, среди мигающих синих светодиодов и мерного гула мощных процессоров, двое людей строили свой собственный мир.

— Лоренцо, если ты еще раз проверишь мой пульс через этот дурацкий браслет, я взломаю твою кофемашину, и она будет выдавать тебе только декаф до конца жизни. — проворчала Камилла, поудобнее устраиваясь на его плече.

Лоренцо, чьи пальцы замерли над планшетом, тихо усмехнулся. Он отложил гаджет в сторону и поправил мягкий плед, который вечно сползал с её колен.

— Твой пульс был 58 ударов в минуту три минуты назад. Это ниже твоей нормы на два пункта. — сухо ответил он, но в его голосе не было привычного холода. Только бесконечная, почти болезненная забота.

— Это называется «я расслабилась», придурок. — Камилла подняла голову и посмотрела на него. На её виске всё еще был пластырь, но глаза светились прежним озорством. — Ты вообще знаешь, что это такое? Или у тебя в мозге только двоичный код?

Лоренцо замолчал. Он смотрел на нее — бледную, хрупкую, но всё такую же невыносимо живую. Он вспомнил тот момент в порту. Звук разбитого стекла. Тишину в эфире. И то, как внутри него всё просто... отключилось. Весь его мир, построенный на логике и вероятностях, схлопнулся до размеров одной маленькой точки — её лица на окровавленном бетоне.

— В тот день... — начал он, и его голос внезапно стал глухим. — Когда связь оборвалась... я впервые в жизни понял, что такое настоящий системный сбой.

Камилла замерла. Она редко видела Лоренцо таким — открытым, без своих цифровых доспехов.

— Я привык всё контролировать, Камилла. Каждую камеру, каждый байт информации. Я думал, что если я вижу тебя через объектив, ты в безопасности. Но когда я увидел этих ублюдков... я понял, что все мои программы — это просто мусор, если я не могу закрыть тебя собой.

Он повернулся к ней, и его рука, обычно такая точная и уверенная, слегка дрогнула, когда он коснулся её щеки.

— Знаешь — тихо сказала Камилла, глядя на экран, но не видя фильма. — Я никогда не видела тебя таким, как в тот момент, когда я открыла глаза. Ты выглядел так, будто сам готов был сгореть заживо.

Лоренцо замер. Его рука на мгновение остановилась. Он вспомнил ледяную пустоту в груди, когда увидел её без сознания.

— Я не просто испугался, Камилла — его голос звучал непривычно низко, без всяких насмешек. — В тот момент, когда связь оборвалась, я понял одну вещь. Все эти годы я жил в мире, который сам построил из цифр и логики, чтобы никто не мог мне причинить боль. Но ты пробралась внутрь. И когда я подумал, что тебя больше нет... я понял, что в этом мире мне больше нечего защищать. Без тебя всё это — просто железо и пустые стены.

Он перевел взгляд на неё. Камилла приподнялась на локтях, внимательно вглядываясь в его лицо. Лоренцо выглядел уставшим, но в его глазах больше не было холодного расчета. Только искренность, которая пугала его самого.

Он достал из кармана небольшую коробочку — простую, без пафоса, — и открыл её. Внутри лежала тонкая серебряная цепочка с кулоном в виде крошечного ключа.

— Я не умею говорить красивые речи, как Алессандро — Лоренцо чуть смутился, что было для него почти невозможным. — И я не буду обещать тебе спокойную жизнь, потому что мы оба по колено в этой грязи. Но я обещаю, что никто и никогда больше не коснется тебя, пока я дышу.

Он взял её за руку, переплетая их пальцы.

— Камилла... я не хочу больше этих «странных отношений». Я не хочу гадать, кто мы друг другу. Я хочу, чтобы ты была моей. Официально. Ты согласна?

Камилла замерла. Её дерзкий язык, который обычно всегда находил колкий ответ, сейчас подвел её. Она смотрела на этот маленький ключ и понимала, что Лоренцо только что отдал ей ключ от самого себя.

— Ты серьезно? — прошептала она, и в её глазах заблестели слезы. — Даже несмотря на то, что я взламываю твои пароли и ворую твои любимые чипсы?

— Особенно из-за этого. — Лоренцо слабо улыбнулся.

Камилла резко подалась вперед, обхватывая его шею руками.

— Да. Тысячу раз да, ты, невыносимый гений.

Лоренцо обнял её в ответ, прижимая так крепко, будто всё ещё боялся, что она может исчезнуть. Он наклонился и накрыл её губы своими. Это был поцелуй, в котором не было кодов или алгоритмов — только чистая страсть, нежность и облегчение. Камилла ответила ему с такой же жадной, чувствуя, как внутри всё замирает от осознания: она дома.

В этой серверной, среди холодного оборудования, стало очень жарко. Фильм давно закончился, по экрану бежали титры, но им было всё равно.

— Я люблю тебя. — прошептал Лоренцо ей в самые губы, впервые произнося эти слова вслух.

— Знаю. — улыбнулась Камилла, вытирая слезу счастья. — У тебя пульс участился. Я это и без браслета чувствую.

Лоренцо тихо рассмеялся и снова поцеловал свою маленькую хакершу, понимая, что это — самое лучшее обновление в его жизни. В его голове больше не бежали строки кода. Там была только одна команда, работающая в бесконечном цикле: *«Беречь её. Любой ценой»*.

Пока друг детства — Дон планировал войну, а Милена залечивала раны на солнце, в холодном сердце серверной два хакера нашли то, что не мог взломать ни один компьютер в мире. *Любовь*.

Глава 18

Миленa.

Утренний свет робко пробивался сквозь щели в шторах, рисуя на полу золотистые полосы. Я медленно открыла глаза, и первая мысль, которая пришла мне в голову, была о боли в ребрах. Но потом я увидела их.

Новый телефон лежал около моей руки. Я взяла его в руки – он был гладким, прохладным и совершенно незнакомым. На тумбе в вазе, красовались мои любимые лилии, которые заполнили своим ароматом всю комнату. А на бархатной подушечке, покоилась серебряная подвеска с крошечным медвежонком. Она была чудесной. Мои пальцы, еще непослушные от сна, коснулись цепочки.

Алессандро. Он был здесь. Он позаботился обо мне.

Я осторожно, стараясь не причинить себе лишней боли, поднялась в сидячее положение. Сердце запело от какой-то новой, непривычной радости. Он подарил мне не просто телефон — он подарил мне связь с ним и комфорт. А подвеска... она была как маленькое обещание.

Решив, что пора спускаться на завтрак, я пошла в душ, холодная вода помогла окончательно проснуться. После нанесла немного макияжа и расчесала волосы. Вышла в комнату, замотанная в полотенце, и опять взяла в руки подвеску с желанием надеть, но дверь комнаты тихо открылась. Алессандро вошел, и его взгляд сразу же упал на мои руки. Он заметил подвеску. На его лице появилась теплая, немного смущенная улыбка.

— Ты проснулась. — сказал он, подходя ближе.

— Доброе утро. — ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно. — Спасибо за... всё. Это так мило.

— Не стоит благодарности. — он осторожно взял мою руку, ту, что с подвеской. — Давай я помогу тебе надеть её.

Он снял цепочку с подушечки и, присев на край кровати, аккуратно застегнул её на моей шее. Металл был прохладным, а подвеска удобно легла на ключицу.

— Медвежонок... — я невольно улыбнулась. — Почему опять медвежонок?

— Потому что он сильный. — ответил Алессандро, глядя мне в глаза. — И потому что я хочу, чтобы ты знала: даже когда я не рядом, кто-то большой и сильный тебя оберегает.

Я почувствовала, как к горлу подкатил комок.

— Алессандро... это было не нужно. Ты и так сделал для меня слишком много.

— Это не слишком много. — он осторожно погладил мою щеку. — Это просто начало. Успокойся. Все уже позади. Сейчас мы все вместе, и нам нужно просто жить дальше. А жить дальше – значит, идти к цели.

Я одарила его своей тёплой улыбкой и подошла к шкафу. Выбрала черный лонгслив и брюки – простую, удобную одежду, которая не стесняла моих движений.

— Всё, что мы здесь делаем — это только первый шаг. — сказал он, наблюдая за мной. — Твой отец — конечная цель. Нам нужно быть готовыми.

На выходе из моей комнаты мы встретили Камиллу. Она тоже была в простом белом лонгсливе и брюках, выглядела свежей, хоть и немного уставшей.

— Привет. — улыбнулась она, увидев меня. — Готова спуститься?

Мы переглянулись, и в этот момент я заметила блеск на её шее. Серебряная подвеска. Такого же дизайна, но немного другая. Я показала ей свою.

Камила прищурилась, а потом её губы растянулись в понимающей улыбке.

— Похоже, нам есть что обсудить. — прошептала она, подходя ближе. — Но, наверное, не здесь. И не при мужских ушах.

Я кивнула. Мы обе всё поняли. Наши «рыцари» позаботились о нас, но сделали это по-своему. И это было нечто большее, чем просто подарки.

Мы спустились вместе. В столовой уже сидели Марко, Винченцо и Лоренцо. Алессандро, конечно, тут же занял место рядом со мной. Камилла села с Лоренцо, и я заметила, как он украдкой поцеловал её в висок.

— Смотрите, королевы вернулись! — Марко отхлебнул кофе, его глаза блестели. — Мы уж думали, вас придется вытаскивать из комнат и тащить за собой на завтрак.

— Ты хорошо выглядишь, Милена. — сказал Винченцо, одарив меня своей редкой, но искренней улыбкой. — Даже после всего.

— Спасибо, Винченцо.

Я немного засмушалась, но Алессандро лишь крепче сжал мою руку под столом.

Вдруг тишину столовой разорвал громкий лай. Три собаки — принадлежавшие Алессандро — вбежали в комнату и, радостно виляя хвостами, подбежали к столу. Они улеглись у моих ног, положив головы на пол. Я погладила их по головам, чувствуя их преданность.

— Они тебя полюбили. — прокомментировал Марко.

— Ну конечно, как можно меня не полюбить, я же сама невинность.

Алессандро улыбнулся мне, и в его глазах я видела не только силу дона, но и нежность мужчины, который готов был идти со мной до конца.

Завтрак был шумным, но продуктивным. Пока братья обсуждали детали предстоящей операции, Лоренцо, как всегда, был погружен в свои мониторы, лишь изредка отвлекаясь на вкусный какао. Но когда речь зашла о Виктории Волкове, Алессандро поднял руку.

— Через два часа. — сказал он, его голос звучал твердо и решительно. — В моем кабинете. Мы должны обсудить всё в деталях. План, цели, возможные риски. Девочки, вы тоже будете с нами. Вы должны знать, куда мы идем.

Камилла и Милена переглянулись. В их глазах читалось понимание, но и легкая тревога.

— Мы будем. — кивнула Камилла. — Но знаешь, Алессандро, — она добавила с лукавой улыбкой, — мне кажется, нам с Миленой нужно немного прогуляться и развеяться перед таким серьезным собранием. Подышать воздухом.

Алессандро внимательно посмотрел на неё, затем на Милену.

— Хорошо. Но будьте осторожны. Никуда далеко не уходите.

С этими словами он обнял Милену, поцеловал её в лоб и направился в кабинет вместе с братьями и Лоренцо. Мы остались одни.

— Ну что, Мил. — Камилла взяла меня за руку. — Похоже, наши рыцари готовятся к войне.

Мы вышли из столовой и направились в сторону сада. Теплый весенний воздух ласкал кожу, и аромат цветов, казалось, смывал остатки какой-либо тревоги. Мы шли по узким извилистым дорожкам, утопая в зелени.

— Ну, рассказывай! — не выдержала Камилла, как только мы оказались подальше от дома, и никто не мог нас услышать. — Я видела, как ты ему улыбалась. И эту цепочку... Ты такая счастливая, Милена!

Я улыбнулась, касаясь пальцами подвески-медвежонка.

— Да. Он... он был так внимателен. Он не просто подарил мне телефон. Он подарил мне ощущение, что я не одна. Что я важна. И он так нежно помог мне надеть цепочку... Алессандро пока не говорил мне «люблю», — я сделала паузу, немного смущенная, — но я чувствую это. Возможно, он боится. Или просто не знает, как это сказать. Но после пикника... и после этой ночи... я поняла, что не могу без него. Я, кажется, правда его люблю.

Камила приобняла меня за плечи.

— О, Милена! Это так здорово! Я так рада за тебя! Лоренцо... ты не представляешь! Он тоже. Он же такой... ну, Лоренцо. Вечно в своих кодах и схемах. А тут... он мне признался.

Прямо сказал: «Камилла, будешь моей?» И подарил кулон-ключ. Я чуть не расплакалась. Я так счастлива, что он смог это сказать, наконец-то.

Я с удивлением посмотрела на неё.

— Серьезно? Он сказал «люблю»?

— Да, представляешь?! — Камила рассмеялась. — Это было так искренне. Он так боялся, что я не приму его. Как будто я могла отказать такому... такому...

— Такой невыносимой глыбе гениальности? — закончила я за неё.

— Именно! — Камила подпрыгнула от радости. — А ты? Ты ведь тоже любишь Алессандро, признайся!

Я кивнула, чувствуя, как мои щеки заливаются румянцем.

— Да. Мне кажется, что он — это тот, кто может меня понять. Он знает, что я не просто жертва. Он видит во мне ту, кто может сражаться. И он не боится моей силы.

— Вот и славно! — Камила обняла меня крепко. — Мы с тобой — настоящие везунчицы. Нашли своих. Теперь главное — не дать им снова влезть в эту войну с головой.

Мы пошли дальше, болтая о страхах и надеждах. О том, как эти суровые, жестокие мужчины смогли открыть свои сердца. О том, что, несмотря на всю кровь и грязь, в жизни есть место и для таких вот тихих, солнечных моментов. Моментов, когда понимаешь, что ты не одна.

Кабинет Алессандро.

Тяжелые дубовые двери кабинета Алессандро открылись с негромким, но весомым скрипом. Когда мы с Камиллой вошли, в комнате сразу воцарилась тишина. Здесь пахло дорогим табаком, старой кожей и тем специфическим озоновым запахом, который всегда исходит от работающих на полную мощь серверов Лоренцо.

Алессандро сидел во главе массивного стола. Увидев меня, он мгновенно поднялся, и его взгляд сразу же скользнул к моей шее, где поблескивал серебряный медвежонок. На губах его промелькнула едва заметная, собственническая улыбка.

— Присаживайтесь. — он указал на свободные стулья рядом с собой.

Лоренцо уже развернул три огромных монитора, на которых светились схемы здания, фотографии и бесконечные колонки цифр. Марко и Винченцо стояли у окна, проверяя снаряжение — вид у них был максимально сосредоточенный.

— Итак... — Алессандро оперся ладонями о стол. — наша первая цель, как мы и обсуждали — Александр Жуков.

Лоренцо вывел на центральный экран фото мужчины лет сорока пяти с хищным лицом и холодными глазами.

— Жуков — правая рука твоего отца по легальным делам, Милена, — продолжил Алессандро. — Сегодня вечером он будет в закрытом клубе «Diablo». Там празднуют заключение сделки по портовым терминалам. Охрана будет усилена, но из-за праздника они расслабятся.

— «Жук» параноик. — подала голос я, взглядываясь в фото. — Он всегда носит под пиджаком легкий бронезилет и никогда не сидит спиной к входу. У него есть привычка — каждые полчаса он выходит на балкон покурить в одиночестве. Он не доверяет охране свои разговоры по телефону.

Марко присвистнул.

— Вот это ценная информация. Значит, балкон — наше идеальное место.

— План такой, — Алессандро посмотрел на братьев. — Марко и Винченцо заходят через черный ход, используя коды, которые подготовил Лоренцо. Камила, ты будешь вести их по камерам, отключая слепые зоны. Лоренцо подстрахует тебя и заблокирует связь клуба с внешним миром, когда начнется зачистка.

Камилла уверенно кивнула, поправляя свой кулон-ключ.

— Сделаю в лучшем виде. Они даже не поймут, почему у них картинка на мониторах застыла.

— А я? — спросила я, глядя Алессандро прямо в глаза.

Он на мгновение замешкался, в его взгляде мелькнула тень беспокойства за мои еще не зажившие ребра.

— Ты будешь в фургоне с Лоренцо и Камиллой. Ты — наш голос. Ты знаешь всех приближенных Жукова в лицо. Если увидишь кого-то лишнего на камерах — сразу сообщаем Марко.

— Я хочу всё видеть, Алессандро. — твердо сказала я. — Он знал про Игоря. Он лично подписывал документы на мою передачу.

Алессандро подошел ко мне и положил руку на плечо, слегка сжав его.

— Ты увидишь всё через мониторы. И именно ты дашь команду «финал», когда мы прижмем его к стенке. Это твой выход, Милена.

— Справедливо. — усмехнулся Винченцо, перезаряжая пистолет. — Мы сделаем всю грязную работу, а королева поставит точку.

— Что с ликвидацией? — уточнил Марко. — Просто пуля или...

— Нет. — отрезал Алессандро. — Нам нужно, чтобы это выглядело как послание. Александр должен понять, КТО за ним пришел, прежде чем испустит дух. Он должен передать «привет» твоему отцу в своем последнем звонке.

Лоренцо повернулся к нам, его лицо было освещено синим светом экранов.

— Я подготовил вирус. Как только Жуков попытается набрать номер твоего отца, звонок пройдет, но мы его запишем. Милена, ты сможешь сказать ему пару слов, прежде чем Марко нажмет на курок.

В кабинете повисла тяжелая, предвкушающая тишина. Это была не просто операция — это было начало конца империи Виктория Волкова.

— Выходим в двадцать ноль-ноль. — скомандовал Алессандро. — Все свободны. Милена, останься на минуту.

Братья и Камилла с Лоренцо вышли, переговариваясь на ходу. Как только дверь закрылась, Алессандро притянул меня к себе.

— Пообещай мне... — прошептал он, уткнувшись лбом в мой лоб. — что если что-то пойдет не так, ты не выскочишь из фургона.

— Ты же знаешь, что я не могу этого обещать. — улыбнулась я, касаясь его щеки.

— Ты невыносима, — он коротко и жадно поцеловал меня. — Но именно поэтому ты идеально вписываешься в нашу сумасшедшую семью.

— Идем, Алессандро. Пора показать моему отцу, что его угроза официально вышла на охоту.

Операция.

Ночь была липкой и душной. Мы сидели в фургоне, припаркованном в двух кварталах от клуба «Diablo». Внутри было темно, лишь синее свечение десятка мониторов озаряло наши лица. Лоренцо и Камилла работали в паре: их пальцы летали по клавиатурам с такой скоростью, что звук напоминал непрерывный дождь.

Я сжимала в руке подвеску, глядя на экран, где в режиме реального времени отображались тепловые сигнатуры внутри клуба.

— Мы внутри. — раздался в наушниках холодный голос Алессандро. — Марко, Винченцо, статус?

— На позиции. Поднимаемся по пожарной лестнице. — отозвался Марко. — Тут воняет алкоголем и дешевыми понтами. Всё как обычно.

— Камилла, твой выход. — скомандовал Лоренцо.

— Отключаю сектор Б. Камеры на петле... сейчас, — Камилла шелкнула клавишей. — Мальчики, у вас есть тридцать секунд чистой зоны. Бегите.

Я видела на мониторе две тени, скользнувшие по техническому этажу. Моё сердце колотилось где-то в горле.

— Вижу Жукова. — прошептала я, указывая на монитор с камерой из VIP-зала. — Он сидит в углу и нервничает.

Александр Жуков выглядел именно так, как я его помнила: холеный, в костюме стоимостью в небольшую квартиру, с тяжелым перстнем на указательном пальце. Человек, который продал мою жизнь, даже не моргнув глазом.

— Он встает. — заметила Камилла. — Милена, ты была права. Он идет к балкону.

— Всем приготовиться. — голос Алессандро стал стальным. — Лоренцо, перехват связи.

Александр вышел на балкон, окутанный ночным небом Генуи. Он достал сигарету и набрал номер.

— Сейчас! — крикнул Лоренцо. — Я перехватил сигнал. Он думает, что звонит твоему отцу, но звонок идет через наш сервер.

В ту же секунду на экране появилось изображение с камеры Алессандро, закрепленной на его плече. Он вышел из тени за спиной Жукова. Тот обернулся, его лицо исказилось от ужаса. Он попытался дотянуться до кобуры, но Винченцо, возникший с другой стороны, мгновенно приставил ствол к его виску. Марко выхватил у него телефон.

— Тише, Жуков. Ты же не хочешь испортить такой прекрасный вечер шумом? — Алессандро забрал телефон у Марко и нажал на громкую связь.

На другом конце провода раздался тяжелый, властный голос. Голос, который я слышала в кошмарах. Мой отец.

— Александр? Почему так долго? Ты подтвердил терминалы?

Я почувствовала, как Алессандро смотрит прямо в камеру, обращаясь ко мне.

— Говори, Милена. — тихо произнес он.

Лоренцо кивнул мне. Я поднесла микрофон к губам. Мой голос не дрожал. Он был ледяным, как сибирская сталь.

— Здравствуй, папа.

На той стороне воцарилась мертвая тишина. Я почти физически ощущала, как отец сжимает телефонную трубку.

— Милена? — его голос прозвучал сдавленно. — Ты... как ты...

— Я жива. Вопреки твоим стараниям и твоим псам. — я смотрела на экран, где Жуков теперь дрожал всем телом. — Ты думал, что избавился от угрозы? Ты ошибся. Ты создал своего самого страшного врага.

— Послушай меня, дрянь... — начал отец, но Алессандро перебил его.

— Она не будет тебя слушать, Волков. — Алессандро прижал телефон к уху, чтобы тот слышал каждое слово. — Твоя империя начинает рушиться. Жуков — это первая карта в твоём карточном домике. И сегодня она падет.

— Кто это?! Де Лука? — взревел отец. — Ты не представляешь, с кем связался! Я сотру вас в порошок!

— Попробуй. — Алессандро посмотрел на Жукова. Тот скулил, умоляя о пощаде. — Милена? Твоё слово.

Я смотрела на человека, который предавал мою мать и меня. Жалость? Нет. Только расчет.

— Финал. — четко произнесла я.

В ту же секунду Марко нанес резкий удар, и Александр Жуков обмяк. Его тело не сбросило вниз — Алессандро оставил его сидеть в кресле на балконе, вложив ему в руку карту «Валет», которую он принес с собой как визитную карточку.

— Послание доставлено. — доложил Винченцо. — Уходим.

— Камилла, дымовая завеса в системе охраны! — скомандовал Лоренцо.

— Уже! — Камилла весело подмигнула мне. — У них сейчас все серверы горят. Бегите, мальчики!

Через пять минут дверь фургона распахнулась. Алессандро запрыгнул внутрь первым, весь в черном, пахнувший порохом и холодным ночным воздухом. Он сразу притянул меня к себе, тяжело дыша.

— Ты как? — спросил он, заглядывая мне в глаза.

— Я в порядке. — я обняла его, чувствуя, как адреналин постепенно сменяется странным спокойствием. — Это было... правильно.

— Это было только начало, — Марко залез следом, довольно ухмыляясь. — Волков сейчас, наверное, рвет и мечет. Лоренцо, ты записал его голос? Я хочу поставить это себе на рингтон.

— Записал. — Лоренцо не отрывался от экрана. — Мы получили доступ к его зашифрованному каналу через телефон Жукова. Теперь мы видим его следующие шаги.

Алессандро взял мою руку и поцеловал костяшки пальцев.

— Мы нанесли удар в самое сердце. Теперь он знает: мы идем за ним. И он боится.

Фургон сорвался с места, растворяясь в огнях Генуи и направляясь к нашему особняку около Милана. Первая голова гидры была отсечена. Впереди была долгая дорога, но сегодня я впервые за много лет спала с открытыми глазами не от страха, а от предвкушения победы.

Глава 19

Особняк Виктория Волкова. Подмосковье.

В кабинете, отделанном темным дубом и пуленепробиваемым стеклом, царила мертвая тишина. Лишь мерное тиканье старинных напольных часов нарушало атмосферу, пропитанную запахом дорогого коньяка и страха.

Викторий Волков — человек, чье имя заставляло дрожать всю русскую братву от Москвы до Берлина — неподвижно сидел за своим массивным столом. Его рука всё еще сжимала телефонную трубку, хотя на другом конце провода уже давно звучали короткие гудки.

Его лицо, обычно непроницаемое, как гранит, сейчас исказила гримаса, в которой смешались ярость, неверие и ледяной укол страха, который он не чувствовал уже пару лет.

— Здравствуй, папа... — эти слова эхом отдавались в его мозгу.

Он помнил этот голос. Но в нем больше не было той детской мольбы, которую он слышал, когда отдавал её Игорю. В нем была сталь. В нем была сила её матери — женщины, которую он уничтожил именно за то, что она была слишком сильной.

Викторий медленно положил трубку на базу. Его пальцы едва заметно дрожали.

— СУКА! — взревел он, внезапным резким движением смахнув со стола всё: тяжелую чернильницу, документы, бокал с элитным виски. Хрусталь вдребезги разлетелся об пол.

Дверь кабинета мгновенно распахнулась. На пороге застыли двое телохранителей, их руки уже лежали на кобурах.

— Уйдите! — прорычал он, не оборачиваясь. — Вон!

Они молча исчезли, закрыв дверь. Волков подошел к панорамному окну, за которым расстилалась его огромная территория, охраняемая армией наемников. Он всегда считал себя неуязвимым. Но сегодня его собственная кровь плюнула ему в лицо.

— Значит, де Лука... — прошептал он сам себе. — Итальянские выскочки решили, что могут забрать мой актив и использовать его против меня?

Он нажал кнопку селектора на столе.

— «Деда» ко мне. Живо.

Через пять минут в кабинет вошел Николай «Дед» Смирнов. Старик с водянистыми глазами и шрамом через всю щеку, который помнил еще сталинские лагеря. Он был единственным, кого уважал Викторий.

— Ты слышал? — спросил Волков, поворачиваясь к нему.

— Слышал. — «Дед» медленно сел в кресло, опираясь на трость. — Твоя девчонка не просто выжила. Она нашла себе зубы. И эти зубы — итальянцы. Алессандро де Лука не берет пленных. Если он встал за неё, значит, он видит в ней то, что видел ты. Угрозу твоему трону.

— Она — ничто! — Волков ударил кулаком по подоконнику. — Я должен был придушить её еще в колыбели! Она позорит мой род, связавшись с итальянцами!

— Она не позорит, Викторий. Она возвращает долги. — спокойно заметил Николай. — Игорь мертв. Наш бухгалтер в Генуе ликвидирован. Твои счета в Европе начинают «краснеть». Твой карточный домик горит с четырех сторон.

Волков резко обернулся. Его глаза горели безумием.

— Мне плевать на счета! Мне нужна её голова! И головы этих братьев! Отправь «Чистильщиков» в Италию. Всех. Я хочу, чтобы Италия захлебнулась в крови. Пусть найдут их убежище. Пусть выжгут всё дотла.

— «Чистильщики» уже пакуют чемоданы, — Дед кивнул. — Но будь осторожен. Алессандро — это не Игорь. Это хищник другого порядка. И теперь рядом с ним твоя дочь, которая знает все наши ходы. Она — твое зеркало, Викторий. Она будет бить туда, где больше всего.

Волков подошел к сейфу, достал оттуда старую, пожелтевшую фотографию женщины, так похожей на Милену. Он смотрел на неё секунду, а затем медленно разорвал пополам.

— У меня больше нет дочери. — его голос стал пугающе тихим. — Есть только мишень. Подними все связи. Свяжись с остальными Паханами. Объяви награду за Алессандро де Лука — такую, чтобы его собственные люди захотели его пристрелить.

Он сел обратно в кресло, сжимая в руке осколок разбитого бокала, не замечая, как кровь из его ладони капает на ковер.

— Ты хотела войны, Милена? Ты её получишь. Я научу тебя, что бывает с теми, кто идет против «Волка».

В эту ночь в Москве не спали. Приказы летели через границы, наемники проверяли оружие, а Пахан впервые в жизни осознал, что его время начинает истекать. И что его смерть носит лицо его собственной дочери.

Италия.

Особняк в Милане больше не казался тихой гаванью. После удара по Александру Жукову атмосфера в доме сменилась с триумфальной на боевую. Мы все понимали: раненый зверь в Москве не просто зарычит, он попытается вырвать нам горло.

Я стояла у окна в кабинете Алессандро, глядя на ночной сад. Впервые за долгое время я не чувствовала себя жертвой, которую ведут на смерть. Я чувствовала себя частью стаи.

— Лоренцо, статус? — Алессандро сидел за столом, его голос был сухим и деловым.

— В Москве пожар, — Лоренцо даже не обернулся, его пальцы продолжали танцевать по клавиатуре. — Я перехватил экстренные зашифрованные каналы. Твой отец, Милена, в ярости. Он поднял «Чистильщиков».

При этом слове Марко, который чистил свою «Беретту» у дивана, замер. Винченцо нахмурился.

— «Чистильщики»? — переспросил Алессандро. — Рассказывай.

Я обернулась к ним, чувствуя, как внутри всё сжимается от старых воспоминаний.

— Это элита, — мой голос прозвучал глухо. — Бывшие оперативники спецназа, у которых нет имен, только номера. Они не задают вопросов. Они просто приходят и стирают всё: людей, документы, дома. Если отец отправил их, значит, он решил играть ва-банк.

— Пусть приходят. — Марко хищно оскалился, вставляя магазин в пистолет. — У нас в подвале еще много свободного места, а итальянская земля отлично переваривает русскую сталь.

— Не бахвалься, Марко. — осадил его Винченцо. — Это не уличная банда. Это профессионалы.

Алессандро встал и подошел ко мне. Он положил руки мне на плечи, его присутствие окутало меня, как броня.

— Мы не будем ждать, пока они постучат в нашу дверь. Лоренцо, где «Ёж»?

— Артур «Ёж» Егоров, — Лоренцо вывел на экран карту портов Ливорно. — Он курирует логистику. Именно он должен обеспечить «Чистильщикам» безопасный коридор, оружие и транспорт, когда они приземлятся в Европе. Если мы уберем Егорова сейчас, русские наемники окажутся в чужой стране без зубов, без колес и без связи.

— Идеально. — кивнул Алессандро. — Ударим по логистике до того, как основной десант коснется земли.

— Есть одна проблема... — Камилла подошла к Лоренцо, всматриваясь в данные. — Егоров — параноик покруче Жукова. Он не сидит в клубах. Он живет на своем сухогрузе «Черная чайка», который стоит в нейтральных водах или в закрытых доках. Там целая частная армия.

Алессандро посмотрел на меня.

— Милена, у него есть слабости? Кроме логистики и портов.

Я задумалась, перебирая в голове всё, что слышала в кабинете отца.

— «Ёж»... он обожает азарт. Но не карты или рулетку. Он устраивает подпольные бои. Но не обычные. Ему нравится смотреть, как дерутся женщины. Он считает это высшим проявлением эстетики насилия. Каждую неделю в портовых ангарах Ливорно он организует закрытый ринг.

В кабинете повисла тишина. Алессандро сжал мои плечи чуть сильнее.

— Ты хочешь сказать...

— Что это единственный способ выманить его с корабля. — закончила я. — Он всегда присутствует лично, когда на кону большие деньги или новая фаворитка.

— Даже не думай об этом. — отрезал Алессандро, разворачивая меня к себе. — Ты не выйдешь на ринг. Твои ребра едва зажили.

— Алессандро, послушай, — я положила ладони ему на грудь. — Я не говорю, что я буду драться. Но я могу быть приманкой. Твоей новой ставкой. Ты — Дон де Лука, который решил зайти на его территорию с эксклюзивным предложением.

— Это слишком опасно, — прошептал он, его глаза потемнели от беспокойства. — Если он тебя узнает...

— Он не узнает. — подала голос Камилла. — Я сделаю ей такой грим и парик, что родной отец не признает. К тому же, Егоров видел Милену мельком лет десять назад. Для него она — просто строчка в реестре Пахана.

Алессандро долго молчал, глядя в мои глаза. Он боролся с собой — лидером клана, который понимает выгоду плана, и мужчиной, который боится потерять женщину, ставшую его миром.

— Хорошо. — наконец выдохнул он. — Но я буду в метре от тебя. Винченцо, Марко — готовим группу прикрытия. Лоренцо, взломай их систему регистрации на бои. Мы едем в Ливорно.

— Будет весело. — Марко подмигнул мне. — Мил, я всегда знал, что в тебе живет маленькая фурия.

Я посмотрела на свои руки. Они больше не дрожали. Я знала, что «Чистильщики» уже в пути, но теперь у меня была своя армия. И свой Дон, который готов был сжечь мир ради моей безопасности.

— Лоренцо, — позвала я. — Проверь, какие ставки сейчас на ринге. Мы должны зайти так, чтобы у «Ежа» потекли слюнки.

— Уже смотрю, Мил, — Лоренцо ухмыльнулся. — Кажется, сегодня вечером ставки будут рекордно высокими.

Война перемещалась в доки Ливорно. Мы шли на территорию Артура Егорова, чтобы вырвать ему язык до того, как он успеет позвать на помощь Москву.

Подготовка к операции «Ливорно» началась на рассвете. У нас было меньше тридцати шести часов до того, как Артур откроет двери своего подпольного Колизея в портовых доках. Особняк превратился в штаб: в одной комнате Марко и Винченцо чистили винтовки и изучали чертежи ангара, в другой — Камилла и Лоренцо создавали новую личность для меня.

— Так, — Камилла решительно захлопнула чемодан с профессиональным гримом, который ей доставили экспресс-курьером из центра Милана. — Нам нужно превратить русскую принцессу в адскую гончую.

Мы заперлись в моей комнате. На столе лежали парики, линзы и наборы для контуринга.

— Твоё лицо слишком узнаваемо для тех, кто работал с твоим отцом, — объясняла Камилла, нанося на мою кожу специальный праймер. — Мы изменим разрез глаз с помощью тейпов, наденем линзы медового цвета и... как тебе идея с платиновым каре?

Она примерила на меня парик — короткие, почти белые волосы с рваной челкой. В зеркале на меня смотрела незнакомка. Дерзкая, резкая, опасная.

— Блестяще. — прошептала я, трогая кончики искусственных волос. — Теперь грим.

Камилла искусно скрыла остатки желтеющих синяков, но вместо того, чтобы просто сделать меня красивой, она добавила боевой лоск. Темные, почти черные тени, четкие скулы. С помощью специального латекса она создала на моей брови имитацию свежего шрама.

В дверь постучали. Вошел Лоренцо, в руках он держал крошечный футляр.

— Техническая поддержка прибыла.

Он достал из футляра микроскопический наушник, телесного цвета, который вставлялся глубоко в ушную раковину.

— Он не проявляется металлоискателями. Связь будет идти через зашифрованный канал. А это, — он протянул мне изящное кольцо с острым выступом, — не просто украшение. Одно нажатие — и из него выходит игла с быстродействующим парализатором. У тебя будет три секунды, чтобы вывести человека из строя.

— Спасибо, Лоренцо. — я надела кольцо. Оно сидело идеально.

— Милена, — он на мгновение стал серьезным. — Помни: как только вы окажетесь внутри, я буду видеть тебя только через камеру на пуговице пиджака Алессандро. Будь осторожна.

Лоренцо вышел, и через минуту в комнату вошел Алессандро. Он был в черной шелковой рубашке, верхние пуговицы расстегнуты. Увидев меня, он замер в дверях.

Его взгляд медленно скользнул по моему новому облику: платиновые волосы, вызывающий макияж, облегающий кожаный топ и брюки-карго с кучей ремней. Я выглядела как боец, который только что вышел из клетки.

— Не нравится? — спросила я, приподняв бровь.

Алессандро подошел вплотную. Его дыхание стало тяжелым. Он протянул руку и медленно провел пальцем по искусственному шраму на моей брови.

— Ты выглядишь чертовски опасно, Милена. Настолько, что я хочу запереть тебя здесь и никуда не пускать.

Он обнял меня за талию, притягивая к себе.

— Егоров будет смотреть на тебя. Все мужчины в том ангаре будут смотреть на тебя. И сама мысль об этом заставляет меня хотеть сжечь этот порт до того, как мы туда приедем.

— Пусть смотрят, — я положила руки ему на плечи. — Пока они смотрят на меня, они не заметят, как ты приставишь нож к горлу их хозяина. Я — твоя самая красивая диверсия, Алессандро.

Он приник к моим губам — поцелуй был собственническим, горьким и горячим.

— Если кто-то из них посмеет коснуться тебя даже пальцем, — прошептал он в мои губы, — я забуду о плане и превращу этот ангар в братскую могилу.

Вечер следующего дня. Доки Ливорно.

Огромный черный внедорожник Алессандро медленно пробирался сквозь лабиринт портовых контейнеров. Воздух здесь был пропитан запахом мазута, гнилой рыбы и ржавчины.

В наушнике раздался голос Марко:

— Мы на позиции. Снайперская пара на крыше склада 14. Винченцо внизу, прикрывает отход.

Алессандро поправил манжеты пиджака. Сегодня он играл роль эксцентричного и опасного коллекционера бойцов. На его пальце сверкал массивный перстень с печаткой клана, а за поясом был спрятан его верный пистолет «Кольт».

— Готова, Фурия? — спросил он, глядя на меня.

Я глубоко вздохнула, чувствуя, как в крови закипает адреналин.

— Готова.

Машина остановилась перед старым ангаром, у входа в который стояли четверо амбалов с автоматами под куртками. Музыка, доносящаяся изнутри — тяжелый, бьющий по перепонкам бас — заставляла землю под ногами вибрировать.

Алессандро вышел первым, обходя машину и открывая мне дверь. Он подал мне руку, и я вышла в этот холодный, враждебный мир. Охранники мгновенно напряглись, но когда увидели Алессандро, один из них коротко кивнул.

— Дон де Лука. Артур Егоров вас ждет. Но девочку придется проверить.

Алессандро сделал шаг вперед, его глаза превратились в две ледяные щели.

— Ты проверь своих шлюх в баре, парень. А это — моя личная собственность. И если твои руки окажутся ближе, чем в метре от неё, ты ими больше никогда не сможешь держать ложку.

Охранник сглотнул, глядя на ауру смерти, исходящую от Алессандро, и отступил.

— Проходите.

Ангар 7 в доках Ливорно напоминал преисподнюю, где вместо чертей были портовые крысы и беглые наемники. Тяжелый, бьющий по ребрам бас вырывался из огромных колонок, заставляя вибрировать сами стены из профнастила. В воздухе стояла густая взвесь из пороховой гари, дешевого табака и едкого запаха пота сотен возбужденных мужчин.

В центре зала, под слепящими лучами прожекторов, находилась восьмиугольная клетка. Там две женщины, обливаясь кровью, яростно вгрызались друг в друга за жалкие гроши. Рев толпы заглушал хруст костей.

Мы вошли через главный вход. Алессандро не прятался. Он шел так, будто этот ангар, эти люди и сама земля под ногами принадлежали ему по праву рождения. На нем был черный костюм-тройка, идеально сидевший на его широких плечах, и белая рубашка, расстегнутая на две пуговицы.

Я шла рядом, чувствуя его руку на своей талии. Мой образ — притягивал взгляды, как магнит. Мужчины вокруг затихали, когда мы проходили мимо, провожая нас голодными, грязными взглядами.

— Не смотри на них, — прошептал Алессандро мне на ухо, и я почувствовала, как его пальцы сильнее впились в мое бедро. — Если кто-то из них хотя бы прикоснется к тебе в мыслях, я вырву им глаза.

Мы поднялись на металлическую платформу VIP-ложи. Там, за столом, заставленным бутылками дорогого коньяка, сидел он. Огромный, обрюзгший, со шрамом, который рассекал его лицо от лба до подбородка, делаая его похожим на оживший кошмар. Рядом с ним стояли четверо телохранителей, чьи руки постоянно дергались к кобурам.

Егоров медленно поднял голову. В его глазах мелькнула искра узнавания, смешанная с наглым любопытством.

— Дон де Лука... — Егоров оскалился, обнажая золотые зубы. — Решил спуститься с Олимпа в мою сточную канаву? Что привело тебя? Соскучился по запаху настоящей крови или... — его взгляд медленно, как слизняк, пополз по моему телу, задерживаясь на груди и бедрах. — Или решил похвастаться своей новой подстилкой?

Алессандро замер. Я чувствовала, как от него исходит холод, способный заморозить океан. Он не спеша достал из кармана портсигар, закурил и выпустил облако дыма прямо в лицо "Ежу".

— Подбирай слова, Артур. — голос Алессандро был тихим, но от него вибрировал воздух. — Иначе этот вечер закончится тем, что я скормлю твой язык твоим же псам.

Егоров хрипло расхохотался, откидываясь на спинку кресла.

— Ой, какие мы грозные! Посмотри на неё, — он указал на меня жирным пальцем. — Судя по прикиду, она любит, когда пожестче, а, де Лука? Сколько ты за неё отдал? Или она — трофей из тех русских складов, которые ты так резво чистишь? Я бы не отказался проверить,

на что она способна в этой клетке... или в моей спальне. Она выглядит как сука, которая знает, как угодить хозяину.

Я сделала шаг вперед, но рука Алессандро остановила меня. Его лицо превратилось в каменную маску.

— Ты закончил брызгать слюной? — Алессандро медленно подошел к столу, опираясь на него руками. — Теперь послушай меня, кусок дерьма. Ты курируешь логистику Волкова. Ты обеспечил коридор для Игоря в Италию.

Улыбка сползла с лица Егорова. Он начал медленно подниматься, его рука потянулась к пистолету под столом.

— Слышь, ты лезешь не в свое дело. Волков пришлет сюда своих ребят, и от твоей Италии не останется...

— Волков ничего не пришлет, — перебил его Алессандро. — Потому что ты сейчас сдохнешь. А твои «Чистильщики» застрянут на границе, потому что я забираю твои коды и твой корабль.

— Ты?! Один против моей охраны?! — Егоров взревел и выхватил ствол.

В ту же секунду мир взорвался. Марко и Винченцо, которые всё это время незаметно стояли за спинами охраны Артура, вышли из тени. Звук двух одновременных выстрелов из пистолетов с глушителями — и двое охранников рухнули на пол с дырками во лбу.

Алессандро одним резким движением перепрыгнул через стол, выбивая пистолет из руки Егорова и прижимая его голову к столешнице. Глухой удар, звон разбитого хрусталя.

— Дернись — и я вышибу тебе мозги прямо на этот коньяк. — прошипел Алессандро, вогнав ствол «Кольта» ему в ухо.

Винченцо и Марко уже держали на мушках оставшихся двоих телохранителей, которые застыли, боясь вздохнуть.

— Милена, иди сюда. — позвал Алессандро, не сводя глаз с нашего врага.

Я подошла. Егоров, прижатый к столу, косил на меня безумным взглядом. Теперь, вблизи, он узнал меня. Его зрачки расширились от ужаса.

— Ты... — прохрипел он. — Не может быть... Ты должна была сгнить в подвале Игоря...

— Как видишь, Артур, я плохо гнию. — я наклонилась к его лицу. — Помнишь, как ты смеялся, когда Игорь показывал тебе фотографии моих шрамов по видеосвязи? Помнишь, как ты предлагал ему пустить меня по кругу, когда она сломается?

Я достала телефон и включила громкую связь.

— Лоренцо, соедини.

Через секунду из динамика раздался тяжелый голос моего отца:

— Слушаю, Артур. Почему шум? Где наш груз?

Егоров попытался крикнуть, но Алессандро ударил его рукояткой пистолета по зубам. Послышался отчетливый хруст.

— Артур немного занят, папа. — сказала я в трубку. — Он как раз объясняет нам, почему «Черная чайка» теперь принадлежит семье де Лука.

— Милена?! — голос отца сорвался на рык. — Ты еще жива, тварь?! Итальянец, ты подписываешь себе смертный приговор!

— Приговор уже подписан, Волков. Но не нами, — Алессандро прижал телефон к окровавленному рту Егорова. — Скажи ему прощай, Артур. Громко.

Егоров только невнятно забулькал кровью.

— Твои логистические пути перерезаны, — продолжал Алессандро. — Твои «Чистильщики» приедут на пустое место. А Егоров... он станет кормом для крабов в этом порту.

— Я уничтожу вас! — орал отец. — Слышишь?! Я лично вырежу твоё сердце, де Лука!

— Приходи и попробуй. — Алессандро раздавил телефон ногой.

Он посмотрел на меня. В его взгляде была немая просьба. Он давал мне право на последний ход.

Я посмотрела на "Ежа". Вспомнила всё: холод подвалов, грязные руки на своем теле, смех этих подонков. Я сняла своё кольцо с острым наконечником и удвоила дозу, чтобы яд был смертелен.

— Сдохни. — тихо сказала я и вогнала наконечник Егорову в ладонь.

Он взвыл, но Алессандро тут же вырубил его мощным ударом в челюсть.

— Уходим. — скомандовал Алессандро и положил заготовленную карту масти "Дама" у тела. — Марко, зачистите тут всё. Сожгите этот ангар к чертям собачьим.

Мы выходили из горящего здания, а за нашими спинами уже начиналась паника. Толпа разбегалась, а в небе над портом расцветало зарево пожара. Алессандро обнимал меня за плечи, и я чувствовала, как его сердце бьется — быстро, сильно, в унисон с моим.

В эту ночь «Черная чайка» сменила владельца, а мой отец потерял своего лучшего пса. Мы не просто ударили — мы вырвали кусок мяса из его империи.

Ночь в Ливорно была долгой и напряженной. Операция прошла успешно, но каждая такая вылазка оставляла свой след — легкую дрожь в руках, усталость, которую не смыть никаким сном.

Мы вернулись в особняк под покровом предутренней темноты. Братя и Лоренцо сразу разошлись по своим делам, проверяя добытую информацию и устраняя последние следы нашего присутствия. Я же, вымотанная, но чувствующая странное удовлетворение от выполненной работы, оказалась на кухне.

Алессандро присоединился ко мне через несколько минут. Он выглядел не менее уставшим, но в его глазах горел тот же огонек триумфа. Мы сидели за кухонным столом, каждый со своей чашкой чая. Молчание между нами было наполнено пониманием, которое не требовало слов.

— Ты справилась, — наконец произнес он, его голос был чуть хриплым от усталости. — Отлично справилась.

Я улыбнулась, касаясь пальцами его руки, лежащей на столе.

— Это была командная работа.

— Но ты была великолепна, — он слегка сжал мою ладонь. — Я горжусь тобой.

Мы помолчали еще немного, впитывая тепло момента. Затем, когда чай опустел, он тихо сказал:

— Пойдём поспим. Нам обоим это нужно.

Я кивнула. В его комнате, на огромной кровати, я чувствовала себя в безопасности. Он обнял меня, прижимая к себе. Я положила голову ему на грудь, слушая мерное биение его сердца — ритм, который теперь был мне знаком и успокаивал. Засыпала я под звуки его дыхания, чувствуя себя защищенной.

Утро наступило незаметно. Я проснулась от яркого солнечного света, который пробивался сквозь шторы. Сердце уже не колотилось от адреналина, а тело не болело так остро. Я встала, накинула его белую рубашку, которая была мне великовата, и подошла к окну.

Вид на сад залитым солнцем был умиротворяющим. Казалось, что вся та ночь, весь тот риск и опасность, были лишь дурным сном.

— Доброе утро. — раздался его тихий голос у меня за спиной.

Я обернулась. Алессандро стоял уже около меня, одетый в спортивные брюки с обнажённым торсом, его волосы были чуть растрепаны, но глаза сияли. Он подошел ко мне ещё ближе, обнял со спины и прижал к себе. Его руки легко легли на мой живот, а губы коснулись моей щеки.

— Ты хорошо спала? — прошептал он, вдыхая аромат моих волос.

— Очень. — ответила я, прислоняясь к нему. — Спасибо, что позаботился.

— Всегда. — его голос был наполнен нежностью. — Ты – моя семья, Милена.

Мы стояли так несколько мгновений, в тишине, наслаждаясь моментом покоя, который мы так тяжело заслужили. Ощущение его рук вокруг меня, его дыхания на моей коже — это было всё, что мне было нужно.

— Думаю, внизу нас уже ждут. — сказал он наконец, осторожно отстраняясь. — Братья и Лоренцо, надеюсь, уже распутали тот клубок, что оставил нам "Ёж". Нам пора продолжить.

Я кивнула, чувствуя, как в груди вновь пробуждается решимость. И ради него, ради нас, я была готова сражаться.

Глава 20

Москва. Особняк Виктория Волкова.

Тишина в кабинете была страшнее любого крика. На мониторе застыл кадр из Ливорно — догорающий ангар и размытое пятно на столе, которое когда-то было рукой Артура Егорова.

Волков стоял у окна, сжимая в руках стакан со льдом. Лёд давно растаял, но он не замечал. Его лицо превратилось в маску из воска. Потеря Егорова означала не просто потерю портов — это был полный крах логистики. «Чистильщики» застряли на переправе, как слепые котята.

— Она сделала это. — прошептал он, и голос его сорвался на хрип. — Моя собственная дочь прибила его... Тварь.

Николай Смирнов сидел в тени, его трость с набалдашником в виде волка покоилась между колен. Старик молчал, но его водянистые глаза внимательно изучали ярость Пахана.

— Она не просто твоя дочь, Викторий, — тихо произнёс Дед. — Она теперь — де Лука. Алессандро выковал из неё клинок, который направлен тебе в горло. Егоров был слабым звеном, он любил блеск золота больше, чем верность.

— Я хочу их смерти! Обоих! — Волков швырнул стакан в стену. — Николай, ты — мозг моей империи. Найди способ. Вымани их. Сожги ту виллу в Италии вместе с ними!

Дед медленно поднялся, его кости неприятно хрустнули.

— Я займусь этим лично, Викторий. Если волчица научилась кусаться, значит, пора ставить капкан, который она не заметит.

Италия. Особняк Дона.

В кабинете Алессандро было дымно. Лоренцо выводил на экран досье на последнюю крупную цель перед самим Волковым.

— Николай "Дед" Смирнов. — Алессандро постучал пальцем по столу. — Он — сердце системы твоего отца, Милена. Все офшоры, все связи с политиками, все планы покушений — это он. Убьём его — и твой отец останется голым королем на морозе.

Я смотрела на фото старика. В его глазах не было злобы, только пугающая пустота.

— Он никогда не выходит из дома без охраны в двадцать человек. — сказала я, вглядываясь в морщинистое лицо Николая. — Но раз в месяц он посещает старую церковь на окраине Москвы. Там похоронена его жена. Это его единственная слабость. Она умерла лет двадцать назад.

Лоренцо быстро застучал по клавишам, выводя на экран спутниковую карту.

— Церковь Святого Николая. Мало проходов, глухая зона для камер западного крыла. Идеальное место для засады, если мы войдем через ризницу, то будет незаметно. Но думаю, охрана будет плотной. Он не дурак, он понимает, что после Егорова следующий — он.

Марко, который до этого молча точил нож, поднял голову.

— Значит, работаем тихо. Снайперская пара на колокольне. Винченцо и я входим под видом священников за час до его появления. Расчищаем периметр. Алессандро, ты ждешь в машине с Миленой.

— Нет. — мой голос прозвучал резче, чем я планировала. — Я буду внутри. Я знаю «Деда» лично. Он видел меня ребенком, но я изменилась. Если он меня узнает — у нас будет секунда, чтобы ударить первыми.

Алессандро посмотрел на меня. В его глазах боролись дон, который понимал ценность информации, и мужчина, который хотел запереть меня в бункере.

— Ты будешь в двух метрах от меня, — наконец сказал он. — Винченцо и Марко защищают охрану, Лоренцо и Камилла глушат связь. Я иду к Смирнову. Ты — за моей спиной. Если он дернется — стреляешь на поражение. Без раздумий.

— Без раздумий. — эхом повторила я.

— Когда? — спросил Винченцо.

— Через четыре дня. — Лоренцо сверился с календарем. — В субботу, ровно в полночь.

Я закажу нам билеты до Москвы.

Алессандро кивнул, давая понять, что совещание окончено.

— Всем готовиться. Лоренцо, раздобудь мне ещё планы церкви до последнего камня. Марко, Винченцо — подберете оружие с глушителями. Ни одного лишнего звука.

Братья молча кивнули и вышли. Лоренцо и Камилла тоже, обсуждая что-то про тепло-визоры и частоты.

Я осталась у окна. За стеклом медленно угасал итальянский вечер, окрашивая небо в цвет запекшейся крови. Слишком много мыслей крутилось в моей голове. Понимала, что огромный риск, второго шанса не будет. И должна сделать всё, что в моих силах, но уже так сильно устала от всего, хочется просто тишины и спокойствия. Из моих мыслей вывел меня Алессандро. Он не сказал ни слова. Просто подошел сзади, обхватил мою талию и прижал к себе. Его руки были горячими, а дыхание обжигало шею.

Он развернул меня к себе, и я увидела в его глазах темный, первобытный голод. Его поцелуй был властным, жадным, он словно пытался забрать весь мой страх и всю мою ярость себе. Его руки скользнули под мой топ, лаская кожу, и я невольно выгнулась навстречу его прикосновениям.

Он подхватил меня и усадил на край массивного стола, разбрасывая бумаги и продолжая бесконтрольные поцелуи по шеи, плечам, ключицам. Его руки скользнули по моим бёдрам, сжимая их так сильно, что, наверное, останутся синяки. Но я хотела этих синяков. Я хотела чувствовать его везде. Он отстранился ровно на столько, чтобы сорвать с меня топ через голову. Ткань больно царапнула уши, но мне было плевать. В этой близости не было места нежности — только дикая страсть людей, которые каждый день смотрят смерти в лицо. Его пальцы, уверенные и нетерпеливые, расстегнули пуговицу на моих брюках и одним рывком стянули их вместе с бельем.

Алессандро отстранился, тяжело дыша, и его глаза медленно скользнули по моему обнаженному телу — от ключиц, покрытых следами его поцелуев, до бедер, которые он уже развёл шире.

— Ты даже не представляешь, что я хочу с тобой сделать. — прошептал он, и его голос был низким, вязким, как расплавленный шоколад.

И он опустился на колени.

Я не успела ничего сказать — его губы уже коснулись моего внутреннего бедра, оставляя горячую влажную дорожку. Я выгнулась, вцепившись пальцами в край стола, когда его язык медленно, мучительно медленно, провел по самому чувствительному месту.

— Алессандро... — выдохнула я, и мой голос сорвался на стон.

— Молчи. — приказал он, не отрываясь от своего занятия. — Сегодня командуют мои губы.

Он ласкал меня с такой искусной жестокостью, что мир вокруг рассыпался на осколки. Его язык дразнил, надавливал, вылизывал каждый миллиметр, заставляя меня извиваться на столе. Я вцепилась в его волосы, притягивая ближе, но он лишь усмехнулся.

— Нетерпеливая, — прорычал он, останавливаясь. — Но я еще не закончил.

Он резко поднялся, нависая надо мной, и пристально посмотрел мне в глаза. Его лицо было мокрым, глаза горели диким огнем. Он схватил меня за волосы, оттягивая голову назад, и впился поцелуем в мою шею, одновременно снимая свои брюки с боксерами, входя в меня одним резким, глубоким толчком.

Я закричала — от неожиданности, от боли, переходящей в наслаждение.

— Так громко? — прошептал он мне в ухо, начиная двигаться. Жестко, ритмично, почти безжалостно. — А что будет, когда я разверну тебя?

Он не спросил — сделал. Резко развернул меня на животе, заломив руки за спину. Теперь я лежала грудью на холодном дереве стола, а он входил в меня сзади — глубоко, властно, собственнически.

— Скажи, чья ты. — прорычал он, наклоняясь к моему уху.

— Боже...твоя... — простонала я.

— Громче!

— ТВОЯ! — закричала я, чувствуя, как внутри нарастает шторм.

Он ускорился. Каждый толчок отдавался в моем теле электрическим разрядом. Я царапала ногтями полировку стола, теряя связь с реальностью.

— Я хочу, чтобы ты кончила, вместе со мной, — прорычал он, и его голос был хриплым, срывающимся. — Не раньше. Ты поняла?

— Да... — еле выдохнула я.

Его рука скользнула вперед, нащупав мой клитор. Он надавил, массируя в такт своим толчкам. Мои глаза закатились, мир поплыл.

— Еще немного. — прошипел он.

— Я... не... могу... — всхлипнула я.

— Можешь. Ты — моя королева. Ты можешь всё.

Еще несколько грубых толчков — и он резко замер.

— Сейчас. — приказал он.

Он кончил в тот же миг, что и я, сотрясаясь в беззвучном крике, прижимая меня к себе так сильно, как только мог. Но я не чувствовала боли — только ослепительное, всепоглощающее тепло.

Мы замерли, тяжело дыша. Он уткнулся лицом в мои спутанные волосы, целуя затылок, плечи, позвонки.

— Ты — мое безумие, — прошептал он. — И я не хочу лечиться.

Я медленно перевернулась в его руках, обхватывая его лицо ладонями.

— Тогда не лечись. — улыбнулась я.

Он устало усмехнулся, быстро накидывая на себя брюки, а на меня его рубашку. Потом Алессандро подхватил меня на руки, и понес в свою комнату, в ванную.

— Скоро мы уьем «Деда», — сказал он, опуская меня около душевой кабины, настраивая теплую воду. — А сегодня вечером... сегодня я буду мыть тебя и не думать о смерти.

Я прикрыла глаза, чувствуя, как его руки осторожно намавливают мои плечи, грудь, живот. В этом жесте было столько нежности, что у меня перехватило дыхание. После чего он сам встал под воду, быстро помылся и вышел, натянул свободные домашние штаны, а меня укутал в пушистый белый халат — свой, огромный, пахнущий сандалом и им.

В комнате было темно. Луна едва пробивалась сквозь шторы, оставляя на полу серебряные полосы. Алессандро откинул тяжелое одеяло, и я скользнула в постель, чувствуя, как прохладные простыни касаются моих разгоряченных ног.

Он лег рядом. Притянул меня к себе, укладывая мою голову себе на плечо. Его рука легла на мой живот, туда, где под кожей еще ничего не было, но уже зарождалось что-то важное, о чем мы оба еще не знали.

Мы лежали в тишине. Не той тяжелой, давящей тишине, которая бывает перед бурей, а той, уютной, когда не нужно говорить, потому что и так всё понятно.

Я провела пальцами по его татуировкам, бездумно, просто чувствуя рисунок под подушечками.

— Ты спишь? — шепотом спросила я.

— Нет. — ответил он так же тихо.

— Я тоже.

Он повернул голову и поцеловал меня в висок. Просто. Без страсти. Как будто мы были обычной парой, а не двумя хищниками на грани войны.

— Знаешь, что я понял за эти дни? — спросил он.

— Что?

— Что я никогда раньше не жил. Я тупо существовал. Дышать, есть, убивать, спать. По кругу. А с тобой... — он замолчал, подбирая слова. — С тобой я чувствую, что у меня есть будущее и я хочу его больше всего, несмотря ни на что.

У меня защипало в глазах. Я прижалась к нему крепче, пряча лицо в изгибе его шеи.

— Просто не умирай.— прошептала я.

— Не планировал, — он усмехнулся, и я почувствовала вибрацию его голоса у своей щеки. — У меня теперь есть ради кого жить.

Мы замолчали. Снова. И эта тишина была громче любых слов.

Я закрыла глаза, слушая, как его дыхание становится глубже, ровнее. Он засыпал первым. Это случалось редко — обычно он ждал, пока усну я. Но сегодня усталость взяла свое.

Я еще долго лежала, глядя на его лицо в полумраке. Спящий, он выглядел моложе. Исчезала эта вечная маска дона, исчезала жесткость, оставляя только уставшего мужчину, который слишком долго тащил на себе этот мир.

Я осторожно, боясь разбудить, поцеловала его в уголок губ.

— Я тебя люблю. — прошептала так тихо, чтобы даже стены не услышали.

Он не ответил. Но его рука, лежавшая на моем животе, чуть крепче сжала мою талию.

Он слышал.

Я улыбнулась в темноте и наконец позволила себе провалиться в сон — без кошмаров, без криков, только с теплом его тела.

Через четыре дня.

Четыре дня пролетели как один миг. Мы тренировались, планировали, перепроверяли каждую деталь.

Лоренцо почти не спал, вживленный в кресло перед мониторами. Камилла крутилась рядом, поднося ему кофе и что-то тихо обсуждая на своем хакерском языке.

Алессандро стал тише. Он не отходил от меня ни на шаг, даже в туалет провожал, но не говорил ничего лишнего. Его пальцы постоянно касались меня — то плеча, то спины, то затылка. Как будто он заряжался мной перед долгой дорогой.

Я тоже молчала. Слова были лишними.

В последнюю ночь перед вылетом мы почти не спали. Сидели на балконе, укрывшись одним пледом, и смотрели на звезды. Он курил, я пила чай.

— Ты готова? — спросил он, выпуская дым в ночное небо.

— Нет, — честно ответила я. — Но это не важно. Важно, что мы делаем это вместе.

Он кинул окурок в пепельницу и повернулся ко мне.

— Вместе. — эхом повторил он.

Рассвет только начинал золотить горизонт, когда я открыла глаза. Алессандро уже не было рядом — его подушка хранила тепло, а на тумбочке меня ждала кружка с ещё горячим кофе.

Я быстро приняла душ, натянула удобные чёрные брюки, свитер и кроссовки. Волосы собрала в высокий хвост — никакой романтики, только функциональность. Сегодня мы летим убивать.

Когда я спустилась, из столовой уже доносились голоса. И судя по интонациям, Камилла с кем-то спорила.

— Я говорю тебе, Лоренцо, эта пушка слишком большая для моей руки! Я ей буду не в цель стрелять, а потолок протреливать!

— Ты не будешь стрелять вообще, — спокойно ответил Лоренцо. — Твоя задача — сидеть в машине, глушить связь и не высовываться.

— А если кто-то решит познакомиться поближе? Я ему ноутбуком по башке дам?

Я вошла и застала Камиллу за странным занятием — она проверяла свой «Глок», сидя за столом.

— Серьёзно? Прямо за завтраком?

— А когда? — не поднимая головы, ответила Камилла. — Кстати, помнишь нашу первую миссию вместе?

— Ты про ту, где мы чуть не подорвались на складе боеприпасов? — я села рядом.

— Ага, — Камилла усмехнулась. — Ты тогда сказала: «Камилла, просто отключи сигнализацию». А сигнализация оказалась подключена к генератору.

— И ты отключила свет во всём районе. — добавила я.

— Зато мы вышли незамеченными.

— Нас чуть не сбила полицейская машина. — напонила я. — Мы бежали по темноте как две дуры.

— Но документы мы забрали, — парировала Камилла. — А это главное.

Марко, который уплетал омлет, поднял голову.

— Чего вы там брали?

— Список осведомителей моего отца, — ответила я. — Мы тогда только начали работать вместе. Проверяли друг друга.

— И как, проверка прошла? — спросил Винченцо из своего угла.

— Она спасла мне жизнь на второй миссии, — тихо сказала Камилла. — Поэтому да.

Я посмотрела на неё.

— Ты тоже спасла меня. В Ростове. Помнишь?

— О, Ростов, — Камилла отложила пистолет. — Это была жесьть.

— Что случилось в Ростове? — спросил Лоренцо, отрываясь от планшета.

— Нас зажали в подвале, — спокойно сказала я. — Восемь человек с автоматами. Выход один — через вентиляцию.

— Я пролезла первой, — добавила Камилла. — Милена осталась прикрывать.

— Я отстреливалась двадцать минут, — вспомнила я. — Думала, что всё. Закончусь в этом подвале.

— А я в это время ползла по вентиляции с ноутбуком в зубах и думала: «Вот дура, ввязалась».

— Но ты вылезла с другой стороны, зашла к ним со спины и отключила свет.

— А ты выбила дверь и расстреляла их в темноте, — закончила Камилла. — Мы тогда были эпичны.

Винченцо кивнул.

— Грамотная тактика.

— Спасибо. — хором ответили мы.

Алессандро, сидевший рядом со мной, сжал мою руку.

— Ты никогда не рассказывала про подвал.

— Много чего не рассказывала, — тихо ответила я. — Но после Ростова я поняла, что Камилла — это не просто напарница. Это сестра, которой я не дам умереть.

Лоренцо отложил планшет и спросил.

— Камилла, ты когда-нибудь жалела, что связалась с этой... жизнью?

Она подумала секунду.

— Нет. Потому что без этой жизни я бы не встретила Милену. И тебя, — она посмотрела на него. — И этих придурков, — она кивнула на Марко и Винченцо.

— Придурков? — возмутился Марко.

— Придурков, — подтвердила Камилла. — Но хороших.
Алессандро усмехнулся.

— Это комплимент?

— Самый лучший. — ответила Камилла.

Она встала, убрала пистолет в кобуру.

— Ладно. Пора заканчивать с прошлым. «Дед» ждёт.

— Ты готова? — спросила я.

— Я готова была с того самого подвала в Ростове, — ответила Камилла. — Просто ждала, когда и вы созреете.

Мы быстро закончили завтрак. Чемоданы были собраны ещё с вечера — небольшие, тактические, чтобы не привлекать внимания. Оружие — отдельно, в специальном кейсе с ложным дном.

Машин у крыльца стояло две. Чёрный внедорожник для Марко и Винченцо — они поедут отдельно, на случай, если нас попытаются перехватить. И чёрный Майбах для нас четверых: Алессандро за рулём, я рядом, Лоренцо и Камилла сзади.

Мы спускались к машинам, когда началось очередное представление.

— Лоренцо, поставь мой ноутбук на заднее сиденье осторожнее! Там хрупкая материнская плата!

— Я знаю, что там, Камилла. Я сам его собирал.

— А проводку от зарядки не пережми!

— Я не пережимаю.

— А если мы попадём в аварию?

— Мы не попадём в аварию.

— А если кто-то врежется в нас?

Лоренцо остановился, медленно повернулся к ней и посмотрел прямо в глаза.

— Камилла. Заткнись и садись в машину.

Она показала ему язык, но послушно скользнула на заднее сиденье. Лоренцо сел рядом, и я заметила, как он поправил ремень безопасности на ней — поправил так, будто делал это сотню раз. А она даже не возражала.

Алессандро завёл двигатель.

— Все готовы?

— Да, командир. — отозвался Лоренцо.

Мы тронулись. Москва ждала.

Дорога до аэропорта была долгой, но не скучной.

Камилла, сидя сзади, постоянно крутилась, пытаясь поймать сигнал через свой телефон.

— Лоренцо, у тебя есть вай-фай в машине?

— Нет.

— А почему?

— Потому что я не «Ростелеком».

— А ты мог бы настроить. Ты же гений.

— Камилла, я гений в кибербезопасности, а не в обеспечении тебе интернета для просмотра тиктока.

— А откуда ты знаешь, что я тикток смотрю?

— Потому что ты каждое утро включаешь его на полную громкость, когда чистишь зубы.

— Ты подглядываешь за мной?!

— Я слышу. В этом доме слишком тонкие стены.

Я не выдержала и рассмеялась.

— Вы двое невыносимы.

— Это он невыносимый, — фыркнула Камилла. — А я — душка.

Алессандро поймал мой взгляд в зеркале заднего вида. Мы улыбнулись друг другу. Несмотря на войну, несмотря на кровь и страх, в этой машине было тепло. Мы ехали убивать, но везли с собой жизнь. В аэропорту прошли контроль как обычные туристы. Лоренцо позаботился о документах — идеальные подделки, ни одной зацепки.

В самолёте мы сидели парами: Алессандро и я в одном ряду, Лоренцо и Камилла — через проход. Она сразу уснула, уронив голову ему на плечо. Лоренцо не шевелился всю дорогу, боясь её разбудить. И только раз я заметила, как он осторожно поцеловал её в макушку, думая, что никто не видит.

Я сжала руку Алессандро.

— Мы справимся. — прошептал он.

— Знаю. — ответила я.

А внизу, под облаками, нас уже ждала Москва.

И Смирнов, который даже не подозревал, что его последняя исповедь оплачена кровью.

Тгк: nas_divaa

Бонус 4. Камилла и Лоренцо.

Четыре дня до вылета.

День первый. Серверная.

После совета в кабинете Лоренцо ушёл в свою серверную. Камилла нашла его через час. Он сидел перед тремя мониторами, на которых мелькали схемы церкви, тепловые карты и бесконечные строки кода.

— Ты здесь уже который час? — спросила она, прислоняясь к дверному косяку.

— Четвёртый, — не оборачиваясь, ответил Лоренцо. — Нам нужно взломать их систему слежения за два часа до приезда Смирнова, но не раньше, иначе они заметят.

— Я помогу. — Камилла плюхнулась в соседнее кресло и достала свой ноутбук.

Они работали молча. Но теперь между ними всё было иначе. Каждый случайный взгляд, каждое прикосновение пальцев, когда они тянулись к одной мышке — всё это искрило.

— Лоренцо. — позвала она.

— Мм?

— Ты нервничаешь из-за операции?

Он помолчал.

— Нет. Я нервничаю из-за тебя.

Камилла оторвалась от экрана.

— Из-за меня?

— Ты едешь в Москву. В логово врага. Я не смогу тебя защитить, если что-то пойдёт не так.

— Лоренцо, — она встала и подошла к нему сзади, положила руки на плечи. — Я не одна. Со мной Милена. И Марко. И Винченцо. И сам Дон в конце концов.

— Это не успокаивает. — сказал он, накрывая её ладонь своей.

— А что успокоит?

Он развернулся в кресле, посмотрел на неё снизу вверх.

— Когда ты будешь здесь. В безопасности. В этом доме.

Камилла наклонилась и поцеловала его в лоб.

— Тогда сделаем так, чтобы операция прошла идеально. И я вернусь. Обещаю.

Лоренцо притянул её к себе, усаживая на колени. Она не сопротивлялась.

— Держу тебя за слово. — сказал он.

Они сидели так долго, обнявшись, среди гудящих серверов и мигающих лампочек. А потом Камилла уснула у него на плече.

День второй. Комната Лоренцо.

На второй день подготовки Лоренцо почти не выходил из своей комнаты. Камилла пришла к нему вечером с двумя чашками горячего шоколада.

— Ты должен отдохнуть. — сказала она, входя без стука.

— Не могу, — ответил он, не оборачиваясь. — Я перепроверяю частоты для глушилок. Если хоть одна камера останется активной, Смирнов узнает о нас за десять минут до прибытия.

— А если я помогу?

— Ты и так помогаешь.

— Тогда давай вместе.

Она села рядом, поставила кружки на стол. Они работали бок о бок, иногда споря о лучшем способе обхода защиты, иногда просто молча печатая.

— Лоренцо. — сказала Камилла, когда стрелка часов перевалила за полночь.

— Да?

— Я хочу кое-что спросить.

— Спрашивай.

— Ты боишься?

Он повернулся к ней.

— Чего?

— Смерти.

Лоренцо помолчал.

— Раньше — нет. Сейчас — да.

— Потому что?

— Потому что теперь мне есть что терять. — он посмотрел ей прямо в глаза.

Камилла взяла его за руку.

— Мы вернёмся. Оба.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что я не дам тебе умереть, — улыбнулась она. — Ты мой. А свою собственность я охраняю.

Лоренцо усмехнулся — редкость для него.

— Ты невыносима.

— Знаю, — она чмокнула его в щёку. — Поэтому ты меня и любишь.

Он не ответил. Но его пальцы сжали её ладонь.

День третий.

Вечером Камилла застала Лоренцо в спортзале.

Он бил грушу — без перчаток, голыми руками. Каждый удар глухо отдавался в тишине. Футболка прилипла к спине, мышцы перекатывались под мокрой тканью. Лоренцо не слышал, как она вошла — настолько был в себе.

— Ты чего? — спросила Камилла, прислонившись к дверному косяку.

Он резко остановился, повернулся. Его руки были красными, костяшки сбиты до мелких капель крови. Грудь тяжело вздымалась. В глазах — тьма.

— Злость вымещаю. — глухо ответил он.

— На кого или что?

— На всё, Камилла. На всю эту чертову ситуацию.

Он шагнул к ней, и она не отступила.

— На то, что я могу тебя потерять.

— Лоренцо, — Камилла подошла ближе, взяла его лицо в ладони. — Ты меня не потеряешь.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я уверена.

Он смотрел на неё долгий, тяжёлый взгляд. А потом сделал то, чего она не ожидала.

Лоренцо резко прижал её к стене, вжимая бедрами. Его руки — всё ещё в крови от груши — скользнули под её футболку, сжимая талию, поднимаясь выше.

— Скажи, если я делаю что-то не так, — прорычал он ей в губы. — Я никогда...

— Ты делаешь всё правильно, — перебила она. — Просто не останавливайся.

Он поцеловал её. Жестко, голодно, с привкусом металла от разбитых костяшек. Его язык ворвался в её рот, подчиняя, требуя. Камилла зарылась пальцами в его влажные волосы, притягивая ближе, сжимая сильнее.

Лоренцо не спрашивал разрешения. Его рука скользнула вниз, расстегнула пуговицу на её джинсах, нырнула под ткань.

Её дыхание сбилось, когда его пальцы — длинные, горячие, всё ещё пахнущие кожей груши — нашли то, что искали.

— Боже, Лоренцо... — выдохнула она, запрокидывая голову.

Он молчал. Его пальцы двигались — уверенно, неторопливо, изучающе. Он смотрел на её лицо, ловил каждый стон, каждую дрожь ресниц. А потом вошёл в неё — одним пальцем, потом двумя — медленно, глубоко, заставляя её вцепиться ногтями в его плечи.

— Ты вся мокрая, — прошептал он, и в его голосе был восторг. — Для меня.

— Только для тебя. — выдохнула Камилла, чувствуя, как он двигает пальцами внутри.

Он наклонился и поцеловал её шею — не нежно, а кусая, оставляя следы. Его большой палец надавил на клитор, и она застонала громче, чем планировала.

— Лоренцо, я сейчас...

— Нет, — приказал он. — Не здесь.

Он вытащил пальцы — мокрые, блестящие — и подхватил её под бедра. Она обхватила его ногами, чувствуя, как его эрекция давит сквозь тонкую ткань его спортивных штанов.

Он нёс её по коридору, не обращая внимания, что кто-то может увидеть. Камилла вцепилась в его плечи, кусала его шею, шептала на ухо что-то грязное, чего сама от себя не ожидала.

В его комнате он захлопнул дверь ногой, даже не включил свет — только луна через незашторенное окно.

Он опустил её на кровать, навис сверху. Стянул с неё футболку — резко, почти разрывая. Сам избавился от своих штанов, даже не застеснявшись, что она видит его впервые таким — возбуждённым, нетерпеливым, потерявшим контроль.

— Смотри на меня. — приказал он, разводя её колени.

Она посмотрела. Его глаза в лунном свете горели.

Лоренцо вошёл в неё — резко, глубоко, одним толчком. Камилла вскрикнула, выгибаясь, впиваясь ногтями ему в спину. Это не было нежно. Это было то, чего они оба хотели последние недели — первобытно, жадно, без прикрас.

Он замер на секунду, давая ей привыкнуть, но его дыхание было рваным, мышцы напряжены до предела.

— Всё хорошо? — прохрипел он.

— Лучше, чем хорошо, — выдохнула она. — Двигайся.

Он начал двигаться. Жестко, глубоко, с каждым толчком заставляя её стонать громче.

— Ты моя, — прорычал он, ускоряясь. — Только моя.

— Да... да... — простонала она, чувствуя, как внутри нарастает шторм.

Лоренцо перехватил её за талию, посадил на себя сверху. Она нависла над ним, чувствуя, как глубоко он входит под её весом. Его руки сжимали её бедра, направляя. Она двигалась сама — быстро, отчаянно, теряя голову.

— Смотри, — прошептал он, — какая ты красивая.

Она не выдержала. Кончила с криком, содрогаясь всем телом. Лоренцо прижал её к себе, перевернул и вошёл снова — теперь сзади, одной рукой сжимая её волосы, другой — её бедро.

Ещё несколько толчков — резких, глубоких, влажных — и он кончил, прижимая её к себе так сильно, что она почти не могла дышать. Его лицо уткнулось в её затылок, и она чувствовала, как бьётся его сердце — в такт её собственному.

Они лежали, сплетённые, тяжело дыша. Лоренцо не отпускал её — только целовал плечи, шею, позвонки.

— Ты в порядке? — прошептал он.

— Я в полном порядке, — ответила Камилла, улыбаясь в подушку. — А ты?

— Я... — он замолчал, подбирая слова. — Я никогда не чувствовал ничего подобного.

Она перевернулась к нему, обхватила его лицо ладонями.

— Это только начало, Лоренцо.

Он поцеловал её — на этот раз мягко, нежно.

— Надеюсь. — сказал он.

Утро вылета.

Они проснулись от солнечного света, пробивавшегося сквозь шторы.

Камилла лежала на животе, раскинувшись поперёк кровати, её волосы разметались по подушке. Лоренцо смотрел на неё несколько минут — на изгиб спины, на родинку у лопатки, на то, как простыня сползла, открывая край ягодицы.

Он не стал её будить. Просто наклонился и поцеловал плечо. Потом ниже — между лопаток. Потом — позвоночник, позвонок за позвонком.

Камилла зашевелилась, не открывая глаз.

— Ты чего? — сонно пробормотала она.

— Ничего, — прошептал он. — Продолжай спать.

Его губы скользнули ниже по спине, к поясице. Он убрал простыню, оголяя её полностью.

— Лоренцо, у нас самолёт скоро. — она уже проснулась, но не двигалась.

— Успеем. — ответил он, раздвигая её колени коленом.

Он целовал внутреннюю сторону бедра — медленно, смакуя, чувствуя, как её дыхание учащается. Потом — второе бедро. Потом провёл языком по самому чувствительному месту, и она выгнулась, вцепившись в простыню.

— Боже...

— Тише. — сказал он, начиная ласкать языком. Медленно, глубоко, с той сосредоточенностью, с которой он взламывал серверы.

Камилла застонала, прикусывая губу, чтобы не разбудить весь особняк. Его руки сжимали её бедра, не давая вырваться. Он ел её так, будто это был его последний завтрак.

Она кончила быстро — громко, содрогаясь всем телом, уткнувшись лицом в подушку. Лоренцо поднял голову, облизнул губы и улыбнулся — впервые так открыто, доволью.

— Доброе утро. — сказал он.

— Ты... — она не могла говорить. — Ты сумашедший.

— Я люблю тебя, — ответил он. — Поэтому да.

Камилла рассмеялась, притянула его за шею и поцеловала — чувствуя на его губах свой собственный вкус.

— Теперь иди в душ, — сказала она. — А то мы точно никуда не улетим.

Лоренцо послушался.

Но у двери обернулся.

— Камилла?

— Мм?

— Когда вернёмся, я хочу, чтобы это было каждое утро.

Она улыбнулась в подушку.

— Договорились.

Тгк: nas_divaa

Глава 21

Москва. Церковь Святого Николая. Полночь.

Московская ночь встретила нас холодом и мелким, нудным дождём. Он начался ещё за час до посадки — когда наш самолёт заходил на посадку во Внуково, иллюминаторы вдруг затянуло серой пеленой. Теперь, спустя два часа, дождь никуда не ушёл. Он моросил равномерно, терпеливо, как будто вся Москва ждала чего-то.

Старая церковь на окраине казалась чёрным силуэтом на фоне тёмного неба — ни ярких огней, ни суетливых прохожих. Только редкие свечи за витринами да чёрные фигуры охраны, замершие у каждого входа. Пять человек у главных ворот, трое у бокового входа, двое патрулируют вдоль ограды. Профессионалы — я сразу узнала их стойку, руки на полусогнутых, головы чуть наклонены для лучшего обзора. Бывшие спецназовцы. Отец не скупился на лучших.

Мы стояли в машине в двух кварталах от церкви — серый микроавтобус без опознавательных знаков, арендованный через три подставные фирмы. Лоренцо сидел впереди, вжавшись в мониторы. Камилла — рядом, её пальцы летали по клавиатуре с такой скоростью, что клавиши издавали непрерывный шелестящий звук.

— Камеры в радиусе километра глушатся, — доложила Камилла, не поднимая головы. — У них там старая система, ещё советская. Я даже не напрягалась.

— Не расслабляйся, — ответил Лоренцо, вчитываясь в бегущие строки кода. — У них есть резервный канал на случай отключения основной сети. Если он запустится, мы узнаем об этом за секунду до того, как вся охрана сбежится к церкви.

— За секунду — достаточно, — усмехнулась Камилла. — Ты же быстрый.

Лоренцо ничего не ответил, но я заметила, как его пальцы на секунду замерли.

Марко и Винченцо вошли внутрь сорок минут назад, под видом священников. Я видела их последний раз, когда они выходили из машины: Марко — в чёрной рясе, надетой поверх бронежилета, с улыбкой, которая совершенно не вязалась с образом смиренного служителя церкви. Винченцо — молчаливый, мрачный, с настоящим старинным крестом на груди, который он купил сегодня днём в антикварной лавке.

— Вы похожи на двух бандитов, которые ограбили монастырь, — сказала я тогда.

— Это называется маскировка, — ответил Марко, поправляя рясу. — Мы вживаемся в роль.

— Ты вживаешься, — буркнул Винченцо. — Я просто делаю свою работу.

И они скрылись в темноте.

Теперь, спустя тридцать минут, Лоренцо получил сигнал.

— Винченцо на позиции. Марко тоже. Внутри чисто — только два служителя, которых они уже... нейтрализовали.

— Убили? — спросила я.

— Отключили. Спят в подсобке. К утру проснутся, — Лоренцо бросил быстрый взгляд на меня. — Марко настоял, чтобы без жертв. Сказал, что даже у мафии есть принципы.

— С каких это пор? — удивилась Камилла.

— С сегодняшних, видимо.

Алессандро сидел рядом со мной на заднем сиденье. Я чувствовала его присутствие каждой клеткой — тяжесть плеча, тепло руки, которую он положил на моё колено. Его пальцы сжимали рукоять пистолета — «Кольт» с глушителем, проверенный, надёжный, как швейцарские часы. Он был в чёрном: чёрная тактическая куртка на молнии, чёрные брюки, перчатки из тонкой кожи, которая скрипела, когда он сжимал кулаки. И чёрная маска лежала в кармане, которую он наденет перед самым выходом.

— «Дед» выехал, — голос Лоренцо в наушнике звучал сухо, по-деловому. — Две машины охраны. Сам в третьей. Через десять минут будет на месте.

— Кто в машинах? — спросил Алессандро.

— Первая — четыре человека, вторая — три, третья — водитель и Смирнов. Без телохранителя внутри. Странно.

— Не странно, — сказала я. — Он никогда не брал охрану к могиле жены. Говорил, что это личное. Даже отец не мог заставить его взять людей внутрь.

— Сентиментальный убийца. — усмехнулся Марко в эфире.

— Самый опасный вид. — ответил Винченцо.

Алессандро повернулся ко мне. В его глазах не было страха — только холодная решимость. Но я знала его достаточно, чтобы увидеть эту крошечную морщинку между бровями. Он волновался. Не за себя.

— Ты готова? — спросил он.

— Не очень, — честно ответила я. — Но это не важно.

Он кивнул. Мы вышли из машины.

Сырой воздух ударил в лицо. Дождь не прекращался ни на минуту — он забивался под воротник куртки, стекал по щекам, смешиваясь с потом. Мы шли быстро, но без суеты, держась теней. Дворы, арки, заборы — Лоренцо проложил маршрут так, чтобы мы ни разу не попали в поле зрения камер или случайных прохожих. Асфальт блестел под ногами, отражая редкие фонари. Пожухлые листья прилипали к подошвам ботинок.

Запах церкви мы почувствовали за квартал — ладан, старый воск, что-то сладкое и чуть приторное. В детстве этот запах меня пугал. Он ассоциировался с похоронами, с чёрными платками женщин, с холодными губами покойников, которых я видела слишком много.

Теперь он просто был. Ничего не значил.

Чёрный вход оказался зарешёченной дверью в северной стене. Марко ждал нас с внутренней стороны — я услышала, как лязгнул засов, и дверь приоткрылась.

— Чисто. — прошептал он.

Мы скользнули внутрь. Темнота ударила по глазам — после уличных фонарей здесь казалось, что нас закопали заживо. Но через несколько секунд глаза привыкли. Свечи. Их было много — десятки, сотни. Они горели у каждого образа, у каждой иконы, отбрасывая дрожащие золотистые блики на сводчатые потолки. Я не была религиозной, но здесь, в этой тишине, под этими сводами, чувствовала себя чужой. Непрошенной.

— Займите позиции. — голос Алессандро был едва слышен.

Я встала за колонной у южной стены. Отсюда был виден весь придел — и иконостас, и центральный проход, и дверь, через которую должен был войти Смирнов. Мои руки лежали на «Беретте», подарок Алессандро.

Алессандро замер у алтаря, в тени огромного распятия. Отсюда до входа — двадцать метров, секундный бросок. Марко и Винченцо спрятались у бокового входа, перекрывая пути отхода. Четверо — против двадцати. Но двадцать — снаружи. Внутри — только мы.

Время тянулось мучительно медленно. Я слышала своё дыхание, стук сердца, который отдавался в висках. Слышала, как потрескивали свечи.

И потом — шаги.

Сначала скрип гравия под колёсами машин. Потом хлопки дверей, приглушённые голоса. Потом — звук шагов по каменным плитам паперти. Кто-то один. Тяжёлый, неторопливый, с металлическим цокотом — трость.

Дверь скрипнула.

Николай «Дед» Смирнов вошёл медленно, как будто у него была вечность. На нём было старое, поношенное пальто — серое, в крупную клетку, и чёрные ботинки, начищенные до

блеска. Трость с волчьей головой — тяжёлая, с резным набалдашником, который, я знала, скрывал клинок. Он никогда не расставался с этим оружием. Даже в церкви.

Телохранители остались у входа — двое, здоровых, плечистых, с руками на кобурах. Они не вошли, но и не ушли. Застыли по бокам двери, прикрывая хозяина со спины.

Смирнов перекрестился — широко, истово, как настоящий верующий. Опустился на колени перед иконой Николая Чудотворца. Постоял так несколько секунд. Потом достал из кармана пальто маленькую иконку — потемневшую от времени — и поцеловал её.

— Упокой, Господи, душу рабы Твоей Екатерины, — прошептал он. — Прости ей грехи вольные и невольные...

Я замерла. Екатерина — так звали его жену. Ту, которую он похоронил двадцать лет назад и к которой приходил каждый месяц.

Марко в наушнике тихо спросил:

— Ждём?

— Ждём. — ответил Алессандро.

Мы ждали, пока он закончит молитву. И тогда Алессандро шагнул из тени.

— Николай Смирнов. — тихо сказал он.

Старик замер. Не обернулся.

— Я знал, что вы придёте, — голос «Деда» был спокойным, почти равнодушным. Как будто он ждал этого разговора годами. — Вопрос был только в дне.

— Тогда ты знаешь, зачем мы здесь.

— Догадываюсь.

Смирнов медленно развернулся. Сначала его лицо было в тени — только водянистые глаза блестели в свете свечей. Потом он вышел на свет, и я увидела каждую морщину, каждый шрам, каждый седой волос.

Он был стар. Очень стар. Но опасен — как старая, ржавая ловушка, которая всё ещё может захлопнуться.

Его взгляд скользнул по Алессандро — изучил, оценил. Потом — по Марко и Винченцо, замершим у бокового входа. И остановился на мне.

— Милена Волкова, — он покачал головой. — Ты так похожа на мать. Так же смотришь — исподлобья, как зверёк, загнанный в угол. Но мать, по крайней мере, умела ждать. А ты... ты торопишься.

— Не смей говорить о ней. — прошипела я, выходя из-за колонны. Моя рука сжала пистолет так, что побелели костяшки.

— Почему? — Смирнов усмехнулся, обнажая жёлтые, редкие зубы. — Её уже нет. Как и твоего отца скоро не будет. Ты пришла добить старика? Думаешь, это остановит Виктория?

— Это ослабит его, — ответил Алессандро, подходя ближе. — А дальше — дело техники.

Смирнов перевёл взгляд на него. Долго смотрел. Потом спросил:

— Ты любишь её? Эту девчонку?

Алессандро не ответил. Но его рука, лежавшая на пистолете, чуть дрогнула.

— Любишь, — понял Смирнов. — Я вижу. У тебя такие же глаза, как были у Виктория. Когда он смотрела на её мать. До того, как почувствовал её истинную силу. До того, как убил.

— Я не её отец. — холодно сказал Алессандро.

— Ты прав, — кивнул Смирнов. — Ты лучше. Но это не спасёт тебя. Викторий не прощает потерь. Ты убил Егорова. Убьёшь меня. Он найдёт тебя. Где бы ты ни спрятался. Кого бы ты ни любил.

— Пусть попробует. — сказал Алессандро.

Он шагнул вплотную. Теперь между ними было меньше метра.

Смирнов не отступил.

— У тебя есть последнее слово. — тихо сказал Алессандро, вскидывая пистолет.

Дуло «Кольта» упёрлось в морщинистый лоб старика. Металл тускло блеснул в свете свечей.

Я смотрела и не могла отвести глаз. Внутри всё кричало: «Сделай это. Сделай сейчас». Но что-то ещё — какая-то глупая, ненужная жалость — шептало: «Он старик. Он просто старик».

Но он не был просто стариком. Он был тем, кто держал империю моего отца в стальных руках и не позволил бы ей рухнуть без боя.

Смирнов посмотрел на меня.

— Твоя мать перед смертью сказала: «Викторий, ты пожалеешь». Я думал, она ошибалась. Но теперь вижу — она знала, о чём говорила.

— Что она сказала? — спросила я, чувствуя, как голос сел.

— Она сказала: «Ты убьёшь меня, но моя кровь вернётся. И она будет страшнее, чем я».

— Смирнов усмехнулся. — Думаю, она имела в виду тебя.

Алессандро посмотрел на меня.

— Милена?

Я кивнула.

Не потому что я хотела его смерти. А потому что он её заслужил.

Алессандро нажал на курок.

Голова Смирнова дёрнулась назад. На иконе Николая Чудотворца появилось тёмное пятно — кровь, смешанная с осколками кости.

Тело рухнуло на колени — сначала колени, потом грудь, потом лицо в каменные плиты. Трость с волчьей головой покатила в сторону, металлический набалдашник застучал по полу — глухо, мерно, как метроном.

Я смотрела на него несколько секунд. Может, пять. Может, десять. Кровь растекалась лужей, впитываясь в щели между камнями. Возле его тела Алессандро положил карту масти «Король», остался «Туз»

Я должна радоваться, ведь скоро стану абсолютно свободной, но почему-то внутри как будто дыра.

— Уходим. — голос Алессандро вырвал меня из оцепенения.

Марко уже открывал боковой выход. Винченцо замыкал колонну, ствол направлен назад — на случай, если кто-то из охраны всё же услышал.

Машина стояла там же, где мы её оставили. Лоренцо распахнул дверь, втягивая нас внутрь, даже не спрашивая, как прошло.

— Чисто? — спросил он.

— Чисто. — ответил Алессандро, толкая меня в салон.

Камилла обернулась с переднего сиденья.

— Ты в порядке?

— В порядке. — ответила я. Голос был чужим, будто не моим.

— Она врёт. — тихо сказал Алессандро.

— Не важно. — ответила я.

Он ничего не сказал. Только взял меня за руку и не отпускал всю дорогу до аэропорта.

Мы летели обратно в Милан.

Алессандро сидел рядом, его рука лежала на подлокотнике, пальцы переплетены с моими. Я смотрела в иллюминатор на огни Москвы, которые становились всё меньше, всё дальше.

— Милена. — позвал он тихо.

— Мм?

— Что ты чувствуешь?

Я подумала.

— Ничего. Это плохо?

— Нет, — он поцеловал меня в висок. — Это нормально.

Я замолчала. Не понимаю, почему это нормально. Я же должна чувствовать хотя бы злость или облегчение, но пусто. Или может я просто устала от своих же эмоций и мыслей.

Устала от страха, который жил во мне годами, от ненависти, которая выжигала всё внутри, от желания мести, которое стало единственным смыслом. Может, там, внутри, просто не осталось места для новых чувств. Всё занято старыми, вьёвшимися в кожу, в кости, в каждую клетку.

Я вспомнила, как в детстве натирала руку до мозолей на тренировках по стрельбе. Кожа трескалась, кровоточила, но через некоторое время на этом месте появлялась новая — грубая, серая, безчувственная. Может, и с душой так же. После стольких лет насилия, предательства и боли она просто... огрубела.

Камилла спала на плече Лоренцо через проход. Он смотрел в потолок, не смыкая глаз. Я видела его отражение в тёмном стекле иллюминатора.

Марко и Винченцо сидели впереди, о чём-то тихо переговариваясь. Их голоса были неразборчивы — только низкое гудение, как у пчёл.

Когда самолёт пошёл на посадку, Алессандро шепнул мне на ухо:

— Остался один.

— Знаю. — ответила я.

— Мы справимся.

— Знаю.

— Потому что мы есть друг у друга.

Я не ответила. Но внутри что-то щёлкнуло. Тепло.

Глава 22

Москва. Особняк Виктория Волкова. Два часа ночи.

Тишина в кабинете была страшнее любого крика.

Викторий Волков сидел за своим массивным дубовым столом, сжимая в руке телефонную трубку. Он слушал голос на другом конце — сбивчивый, испуганный голос одного из телохранителей Смирнова, который чудом остался жив.

— ...мы вошли в церковь через пять минут после того, как услышали звук, — тараторил мужчина. — Он был уже мёртв, Викторий Борисович. Одна пуля. В лоб. Карта «Король» лежала на груди.

— Где остальные? — голос Волкова был неестественно спокойным. Таким спокойным, что любой, кто знал его, понял бы — это затишье перед бурей.

— Кто?

— Охрана, идиот! Двадцать человек! Где они были?!

— Мы... мы не слышали выстрела. Глушитель. А когда зашли... их уже не было. Только Смирнов. И...

— Что? — прошипел Волков.

— Следы. Много следов. Четверо, может, пятеро. И один — маленький, женский.

Он сидел неподвижно несколько секунд. Потом его рука, лежавшая на столе, сжалась в кулак. Костяшки побелели. Начали дрожать. А потом он взорвался.

— СУКА!!! ОН ОБЕЩАЛ МНЕ! — заорал Волков, вскакивая. — ОН СКАЗАЛ: «Я ЗАЙМУСЬ ЭТИМ ЛИЧНО»! И ЧТО ОН СДЕЛАЛ?! ПОШЁЛ МОЛИТЬСЯ! ПОШЁЛ УМИРАТЬ К МОГИЛЕ СВОЕЙ БАБЫ, КАК ПОСЛЕДНИЙ ТРУС!!!

Дверь кабинета распахнулась. На пороге застыл консьержер — Дмитрий Бобров, коренастый мужчина с умными, внимательными глазами. Он не вошёл — ждал разрешения.

— Викторий Борисович...

— Ты слышал?! — Волков повернулся к нему, и его лицо было страшным — перекошенным от ярости, красным, с вздувшимися венами на шее. — Смирнов мёртв! ИХ ЧЕТВЕРО! ЧЕТВЕРО ЗАШЛИ В ЦЕРКОВЬ, УБИЛИ МОЕГО САМОГО УМНОГО ПСА И УШЛИ! А ДВАДЦАТЬ МОИХ СОЛДАТ СТОЯЛИ СНАРУЖИ И НИЧЕГО НЕ СЛЫШАЛИ!

— Я знаю, — спокойно ответил Бобров. — Мне уже доложили.

— И ЧТО ТЫ ПРЕДЛАГАЕШЬ?!

Бобров сделал шаг вперёд.

— Я предлагаю вам успокоиться, Викторий Борисович. Ярость — плохой советчик. А нам сейчас нужен холодный расчёт.

— Какой, нахуй, расчёт?! — Волков швырнул в стену тяжёлое пресс-папье — гипсовая голова волка разлетелась на куски. — Они убили Егорова! Убили Смирнова! Через неделю они будут здесь! В этом доме!

— Поэтому я и предлагаю действовать на опережение.

Волков замер. Посмотрел на Боброва долгим, тяжёлым взглядом.

— Говори.

— Вы должны собрать Совет.

Тишина.

— Ты с ума сошёл? — тихо сказал Волков. — Совет — это семь стариков, которые ненавидят друг друга. Они не соберутся ради одной бабы и итальянца.

— Они соберутся, если поймут, что под угрозой не ваша жизнь, а вся русская братва в Европе, — Бобров подошёл к столу. — Смирнов мёртв. Егоров мёртв. Итальянец перерезал логистику. Де Лука не остановится. Он придёт за вами. А потом — за ними.

Волков молчал, тяжело дыша.

— Де Лука — это не просто Дон, — продолжал Бобров. — Это тот, кто смог объединить итальянские семьи. Если он возьмёт верх над вами, он возьмёт верх над всеми нами. Совет это понимает. Им нужно только объяснить.

— Объясняй, — выдохнул Волков, опускаясь в кресло. — Я даю тебе полный карт-бланш. Собирай всех.

— Будет сделано. — Бобров уже направился к выходу.

Дверь закрылась. Волков остался один в разгромленном кабинете. И вдруг резко вспомнил её.

Маленькую Милену. Ей тогда было, наверное, года четыре. Она сидела на ковре в его кабинете — он работал за столом, а она играла с деревянной лошадкой. Помешала отцу, он накричал на неё и после она начала плакать. Он не утешил. Сказал: «Волковы не плачут». С тех пор она не плакала при нём никогда.

А потом — первый пистолет. Ей было семь. Он приказал стрелять по мишени, но мишень была живая — пёс, который не справился с охраной. Она конечно же не хотела. Он сжал её пальцы в своих и нажал на спуск. Собака взвизгнула и упала. Милена смотрела на руки, на кровь, и не плакала. Уже не плакала.

«Я вырастил монстра» — подумал Волков. И тут же одёрнул себя. Нет. Он вырастил солдата. А солдат, который идёт против своего командира, должен быть уничтожен.

Он открыл глаза. Взял со стола фотографию в серебряной рамке — Милена в день своего восемнадцатилетия. Он тогда ещё пытался сделать вид, что она ему не безразлична. Купил платье, организовал вечеринку. А через неделю сказал, что она выходит замуж за Игоря.

Он медленно поставил рамку на место. Перевернул фотографией вниз.

Милан. Небольшое кафе в центре.

Солнце светило по-итальянски щедро — даже в сентябре оно не жалело тепла. Мы сидели за столиком на уютной улочке, где пахло кофе, круассанами и поздними цветами. Камилла заказала себе огромный кусок тирамису и капучино с пеной в виде сердечка.

Я просто пила американо.

— Ты чего такая кислая? — спросила Камилла, макая ложку в десерт. — Только что убили того, кто мечтал тебя прикончить. Это повод праздновать.

— Праздновать? — я усмехнулась. — Мы убили старика на могиле его жены, Ками.

— Который участвовал в убийстве твоей матери.

Я замолчала. Это было правдой. Но легче не становилось.

— Я не знаю, что со мной происходит, — сказала я, глядя в свою чашку. — Я так долго ждала этого момента. Так долго строила планы. Шла к этому — через побеги, через страх, через кровь. А теперь...

— Что теперь?

— Я ничего не чувствую, — я подняла на неё глаза. — Вообще ничего. Не радости. Не облегчения. Даже злости нет. Только пустота.

Камилла отложила ложку.

— Это нормально.

— Алессандро сказал то же самое, — вздохнула я. — Но почему? Почему это нормально — ничего не чувствовать после того, как сбылась мечта?

— Потому что ты устала, Милена, — Камилла накрыла мою руку своей. — Не физически. Душевно. Ты столько лет жила в напряжении — боялась, что поймают, что убьют, что не успеешь. А теперь выдохнула. И организм говорит: «Стоп. Я больше не могу». Это как после марафона — ты бежишь, бежишь, а как финишируешь — падаешь.

— Я не падаю. — возразила я.

— Ты сидишь и пьёшь чёрный кофе, хотя могла бы съесть вон то пирожное с заварным кремом. Это то же «падение», Мил. Просто в другом виде.

Я посмотрела на витрину — там стоял нежнейший эклер с шоколадной глазурью.

— Ты права. — сказала я и подозвала официанта. — Мне вот это. И кофе ещё один.

— Ура! — Камилла захлопала в ладоши.

Пока мы ждали заказ, я смотрела на прохожих. Милан жил своей обычной жизнью — спешили куда-то девушки на шпильках, мужчины в строгих костюмах обсуждали что-то по телефонам, дети гоняли голубей. Им не было до нас дела. Они не знали, что мы убили человека несколько дней назад. Что наша жизнь — это кровь, пули и постоянная борьба.

Иногда мне хотелось быть как они. Просто — жить. Не бояться.

— О чём задумалась? — спросила Камилла.

— О том, каково это — быть нормальной, — честно ответила я. — Ходить на работу, спорить о ценах в супермаркете, планировать отпуск.

— Мы планируем войну.

— Вот именно.

Камилла задумалась.

— Знаешь, я иногда представляю, как мы с тобой станем старушками. Сидим в кафе — вот так же — и пьём кофе. Вспоминаем молодость. «А помнишь, Ками, как мы того деда убили? А помнишь, Мил, как ты врезала Игорю ножом по лицу?».

Я невольно улыбнулась.

— Ты думаешь, у нас будет старость?

— А почему нет? — Камилла пожала плечами. — Мы сильные. Мы хитрые. У нас — лучшая команда в мире. И мы заканчиваем эту войну, чтобы начать жить.

— Ты так уверена?

— Более чем, — отрезала она. — Потому что я не для того сбегала из Москвы, перебила кучу врагов и влюбилась в гениального зануду, чтобы всё закончилось плохо.

Я рассмеялась — впервые за несколько дней.

— Лоренцо знает, что ты называешь его «гениальным занудой»?

— Конечно, — кивнула Камилла. — Я ему в лицо говорю. Он обижается. Это мило.

Мы замолчали. Я откусила кусочек эклера — небо и земля по сравнению с чёрным кофе. Сладко. Мягко. И так непривычно хорошо.

— А ты? — спросила Камилла. — Вы с Алессандро... как вы?

— Нормально, — я вдруг поняла, что это правда. — Он... он заботливый. Иногда слишком. Проверяет, поела ли я, спала ли, не холодно ли мне.

— Он тебя любит. — улыбнулась Камилла.

— Знаю. И я... — я замолчала.

— Что?

— Я всё ещё боюсь. — тихо сказала я. — Не его. А того, что это может кончиться. Что в один день он не вернётся. Или я. Мы воюем с монстром, Ками. С моим отцом. Он не проиграет просто так.

— Мы и не рассчитываем на «просто так», — Камилла стала серьёзной. — Мы рассчитываем на себя. На Лоренцо. На Марко и Винченцо. На твоего итальянца. Мы — семья. А семья побеждает.

Я сжала её руку.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что ты рядом. Что не бросила. Что прошла через всё это со мной.

Камилла посмотрела на меня долгим взглядом.

— Милена, я была с тобой с того дня на складе. Когда ты ворвалась вся в крови и спросила «своей или чужой». Я останусь с тобой до конца. Что бы ни случилось.

— До конца. — эхом повторила я.

— А теперь ешь пирожное. — скомандовала Камилла.

Я послушалась.

Кофе был горьким. Эклер — сладким. А жизнь — непредсказуемой.

Но сейчас, в этом маленьком кафе в Милане, я впервые за долгое время почувствовала, что, возможно, всё будет хорошо.

Мы вернулись в особняк, когда солнце уже клонилось к закату. Я остановилась у входа, глядя на великолепный закат, и почувствовала, как Алессандро подошёл сзади.

Он не сказал ни слова. Просто встал рядом и взял меня за руку. Мы молчали несколько минут — слушали, как цикады начинают свою вечернюю песню, как где-то лают наши собаки.

— Пойдём, — сказал он наконец. — Я хочу тебе кое-что показать.

Он повёл меня не в дом, а в сад — по узкой дорожке, уходящей вглубь парка. Мы шли мимо кипарисов, мимо старых олив, мимо фонтана, который давно не работал. И остановились у огромного дуба. Я сразу узнала его — тот самый, о котором Алессандро рассказывал мне тогда, после порта.

— Это он? — спросила я.

— Да, — он провёл ладонью по шершавой коре. — Мы вчетвером обхватывали его ствол, когда отец хотел срубить. Я был самым маленьким, мои пальцы не смыкались. Но я стоял.

— Как сейчас. — тихо сказала я.

— Что?

— Ты стоишь. Несмотря ни на что. А я... я чувствую, что начинаю падать.

Он повернулся ко мне. Его лицо в вечернем свете было серьёзным, почти суровым, но глаза — они были тёплыми.

— Ты не падаешь, Милена. Ты отдыхаешь. Это разные вещи.

— Камилла сказала то же самое. — усмехнулась я.

— Она умная девушка, — он улыбнулся. — Для хакерши.

Я прислонилась спиной к дереву. Кора была шершавой, тёплой от дневного солнца.

— Алессандро, — спросила я. — Ты боишься?

— Чего?

— Того, что будет после. Если мы победим.

Он подошёл ближе, встал напротив, взял мои ладони в свои.

— Я боюсь только одного, — сказал он. — Что ты уйдёшь. Не сейчас. А потом, когда всё закончится. Когда поймёшь, что я — часть той жизни, от которой ты так долго бежала.

— Ты — не он, — резко сказала я. — Ты не мой отец.

— Я знаю. Но я — Дон. Кровь, деньги, оружие, приказы. Это не изменится, даже если мы убьём Викторию. Я останусь тем, кто я есть.

Я посмотрела ему в глаза. Долго.

— А я останусь той, кто я есть. — сказала я. — Беглянкой. Убийцей. Дочерью Пахана. Мы оба не святые, Алессандро. И мы оба это знаем.

— И что?

— А то, что вместе мы — нечто большее, чем наше прошлое.

Он молчал несколько секунд. А потом сказал — тихо, почти шёпотом:

— Когда это закончится... я хочу, чтобы ты стала моей женой.

У меня перехватило дыхание.

— Ты делаешь мне предложение? Здесь? У дуба?

— Я даю тебе обещание, — он сжал мои ладони. — Кольцо будет позже. И свидетели. И всё, что ты только захочешь. Я не хочу никого, кроме тебя. И не представляю свою жизнь без тебя.

Я не знала, что ответить. Внутри всё кричало «да», но губы не слушались. Я просто шагнула вперёд и обняла его — крепко, как будто он был единственным якорем, который держит меня в этом мире.

— Я подумаю. — прошептала я ему в плечо.

— Подумай, — ответил он, целуя меня в макушку. — У нас есть время.

День спутя. Особняк де Лука.

Мы сидели на веранде — я, Алессандро, Камилла, Лоренцо. Марко и Винченцо уехали проверять охрану по периметру.

Лоренцо развернул ноутбук и вывел на экран данные перехвата.

— У нас проблема, — сказал он, и его голос был напряжённым. — Волков собирает Совет Паханов.

Я замерла.

— Семь семей? — переспросил Алессандро.

— Да. В своём особняке под Москвой.

Камилла присвистнула.

— Это же самоубийство — лезть туда.

— А мы и не полезем, — сказал Лоренцо. — Они приедут к нему. Все главные люди русской мафии будут в одном месте.

Алессандро посмотрел на меня.

— Если мы ударим по Совету...

— То обезглавим всю систему, — закончила я за него. — Не только отца. Всю русскую братву.

В комнате повисла тяжёлая тишина.

— Это безумие. — сказала Камилла.

— Это единственный шанс. — ответил Алессандро. — Мы не получим второго.

Я смотрела на карту Москвы на экране.

— Когда?

— Через три дня.

— Значит, у нас есть три дня, чтобы подготовиться к самой опасной операции в нашей жизни. — я повернулась к Алессандро.

Камилла вздохнула.

— Лоренцо, у тебя есть план?

— План есть всегда, — ответил он. — Вопрос в том, выживем ли мы после его выполнения.

— Оптимист. — фыркнула Камилла.

— Реалист. — поправил он.

А я смотрела на карту и думала об отце. Скоро мы увидимся.

Тгк: nas_divaa

Глава 23

Москва. Два дня до Совета.

Волков не спал вторую ночь подряд.

Он стоял у окна своего кабинета и смотрел на тёмный лес за оградой. Где-то там, за горизонтом, была Италия. И его дочь.

— Виктор Борисович, — Бобров вошёл без стука, что было на данный момент позволено только ему. — Охрана усилена. Люди на постах. Семь Паханов подтвердили своё присутствие.

— Кто из них шатается?

Бобров помедлил.

— Давыдов. Он давно хотел занять место Смирнова. С его смертью он стал наглее.

— Давыдов, значит, — Волков усмехнулся. — Жирный, трусливый пёс. Он будет лаять, но не укусит. А остальные?

— Остальные ждут. Они хотят увидеть, кто выйдет победителем.

— Они увидят, — Волков повернулся. — Им покажут, что Волковых нельзя трогать.

Бобров кивнул и уже собрался уходить, но Волков остановил его.

— Дмитрий.

— Да?

— Если она придёт... я хочу, чтобы её привели ко мне живой. Не мёртвой.

— Это опасно, Виктор Борисович. Она обучена. Она убивала наших людей.

— Я знаю. Но я хочу посмотреть ей в глаза перед тем, как всё закончится.

— И ещё, — добавил он. — Отдай приказ: никого не впускать и не выпускать без моего личного разрешения. Даже если это будет моя мать с того света.

Бобров кивнул и вышел.

Волков остался один. Он подошёл к окну, прижался лбом к холодному стеклу.

— Ты придёшь, Милена, — прошептал он. — Я знаю. Потому что я сделал тебя такой.

Италия. Последний вечер перед вылетом.

В гостиной было тепло и шумно. Марко разливал вино, Винченцо молча нарезал сыр, Лоренцо с кем-то спорил по телефону — судя по интонациям, с авиакомпанией. Камилла сидела в кресле с ногами и читала что-то на ноутбуке, но я видела, что она не читает — просто смотрит в экран.

Алессандро стоял у камина, держа в руке бокал. Когда я вошла, он сразу поднял голову. Наш взгляд встретился, и в его глазах было что-то новое — не страсть, не нежность, а спокойная, глубокая уверенность.

— Иди сюда. — сказал он.

Я подошла. Он обнял меня за талию, притягивая к себе. При всех. Обычно он не показывал чувства на публике — это считалось слабостью. Но сегодня ему было всё равно.

— Садитесь, — сказал Алессандро, обращаясь ко всем. — Есть разговор.

Все затихли. Даже Марко перестал разливать вино.

— Завтра мы летим в Москву, — продолжил он. — Это не операция. Это война. Мы идём в логово врага, у которого больше людей, больше оружия.

— Ты нас собрал, чтобы напугать? — усмехнулся Марко. — Потому что это не работает.

— Я собрал вас, чтобы сказать спасибо, — Алессандро посмотрел на братьев. — Вы могли остаться в стороне. Вы — моя семья. Но вы выбрали идти со мной.

— Мы не с тобой, — возразил Винченцо. — Мы с семьёй.

Алессандро кивнул.

— Тогда поднимите бокалы.

Марко разлил остатки вина. Даже Винченцо взял бокал — хотя обычно он не пил.

— За тех, кто здесь. За тех, кто не испугался. За тех, кто идёт до конца. И за тех, кто вернётся.

— За тех, кто вернётся. — повторил Марко.

Мы выпили.

— Садитесь, — сказал Алессандро, жестом показывая на тарелки. — Ешьте. Силы понадобятся всем.

Мы начали ужинать. Кьяра (кухарка) готовила с любовью — пахло базиликом, пармезаном, свежим хлебом. Домашний уют, который через несколько часов сменится холодом московской ночи.

Я почти ничего не ела — кусок в горло не лез. Камилла, наоборот, наворачивала за двоих, как будто запасалась энергией на месяц вперёд.

— Ты бы поосторожнее, — заметил Лоренцо. — В самолёте укачает.

— Не укачает, — отмахнулась Камилла. — Я железная.

— Ты упрямая.

— Это одно и то же.

Марко усмехнулся, но ничего не сказал. Винченцо молча жевал хлеб, глядя в тарелку.

Алессандро отодвинул тарелку, вытер губы салфеткой и откинулся на спинку стула.

— Теперь слушайте меня. — сказал он, и его голос изменился — стал жёстче, официальнее.

Все подняли головы.

— Я не буду давать приказы, которые нас разъединят. Мы входим вместе. Работаем вместе. Выходим вместе.

— Ещё одно, — Алессандро взял меня за руку. — Если завтра что-то пойдёт не так... если меня не станет...

— Алессандро... — начала я.

— Дослушай, — перебил он. — Если меня не станет, вы слушаетесь Милену. Она — моя невеста. И моя воля — чтобы после меня она стала главой всего, что у нас есть.

Марко и Винченцо переглянулись. Лоренцо медленно кивнул.

— Ты уверен? — спросил Марко.

— Более чем, — ответил Алессандро. — Она доказала, что сильнее многих. И я доверяю ей свою семью.

Я смотрела на него и не могла говорить. В горле стоял комок.

— Ты хотя бы спросил меня? — выдавила я.

— Спрашиваю сейчас. — он повернулся ко мне. — Ты подумала? Милена, ты согласна стать моей женой?

За столом стало тихо. Даже Камилла перестала жевать. Я посмотрела в его глаза. Серые, спокойные, уверенные. И поняла, что медлить смысла нет, ведь...

Я люблю его. Он моё всё

Я люблю его за то, как он смотрит на меня — не как на сломанную вещь, а как на равную. В его глазах нет жалости. Только вызов и восхищение. Он первый мужчина, который не побоялся моей силы.

Я люблю его за его руки. Грубые, в мозолях, с костяшками, сбитыми и такие нежные, когда он касается моего лица, моего живота, моих волос. Он может убить одной рукой и исцелить другой.

Я люблю его за его молчание. Он не говорит лишнего. Не клянётся в вечной любви на каждом углу. Но когда он говорит — я слушаю. Потому что каждое его слово — правда.

Я люблю его за его верность. Он мог бросить меня сотню раз — когда узнал, кто мой отец, когда я сбежала, когда я устроила бойню в порту. Он остался. Он всегда остаётся.

Я люблю его за его страх. Да, он боится. Не смерти, а то что не сможет защитить. Я видела, как дрожат его пальцы, когда он проверяет мою кобуру. Как сжимается челюсть, когда я говорю, что пойду с ним. Он боится не за себя — за меня. И эта его уязвимость делает его настоящим.

Я люблю его за то, как он произносит «моя» — не собственнически, а трепетно. Как будто я — дар, который он не заслужил.

Я люблю его за то, что он не идеален. Он бывает жёстким, холодным, несправедливым. Иногда я хочу его ударить — и бью. И он терпит.

Я люблю его за то, что он выбрал меня. Из всех женщин мира — выбрал ту, которую все боялись. Ту, которую отец продал. Ту, у которой нет дома. Он сделал меня своим домом.

— Да. — сказала я. — Да, я согласна.

Он улыбнулся — редко, но так тепло, что у меня защемило сердце.

— Тогда вопрос закрыт. — сказал он. — Ешьте.

Камилла запищала, вскочила и обняла меня.

— Поздравляю, Мил! — прошептала она на ухо. — Ты теперь почти мафиозная жена.

— Боже, во что я вляпалась, а ведь хотела спокойной жизни. — ответила я, но сама улыбалась.

Ужин продолжился. Но я уже не чувствовала вкуса еды — только тепло в груди и странную, неожиданную лёгкость.

После того, как все закончили Алессандро позвал меня.

— Милена, — он взял меня за руку. — Пойдём. Я должен тебе кое-что показать.

Кабинет Алессандро.

Он закрыл дверь, подошёл к столу, открыл сейф — тот самый, который я видела много раз, но никогда не знала, что внутри.

— Подойди. — позвал он.

Я подошла. На столе лежала папка — толстая, с гербовой печатью.

— Что это? — спросила я.

— Открой.

Я подняла обложку. Внутри были документы. Много документов. Банковские счета, акции, недвижимость, трастовые фонды, страховки.

— Это...

— Это всё, что у меня есть. — сказал Алессандро.

Я уставилась на него.

— Ты перевёл на моё имя свои активы?

— Не свои, — поправил он. — Наши. Как я уже сказал, если со мной что-то случится, ты останешься с деньгами. С домом.

— Алессандро...

— Я знаю, что такое терять всё, — перебил он, и его голос стал тихим, почти чужим. — Я помню ту ночь. Мне сказали, что родителей больше нет. Что сестры больше нет. Что дом, в котором я вырос, сгорел дотла. А я остался. Один. С двумя братьями и пустыми карманами.

Он сжал мои пальцы.

— Мне пришлось заново строить империю с нуля. Кровью. Своей и чужой. Я не хочу, чтобы ты прошла через это. Чтобы в один день у тебя отняли всё, что у тебя есть, и оставили ни с чем.

Я смотрела на документы. Цифры, подписи, печати. Годы работы, годы крови, годы риска — всё это стало строчками в бумагах. И он отдал мне их. Просто так.

— Ты с ума сошёл. — прошептала я.

— Возможно, — он усмехнулся. — Но это мой выбор.

Я закрыла папку, положила обратно на стол и повернулась к нему.

— Ты вернёшься, — сказала я. — И сам будешь управлять всем этим.
Он притянул меня к себе, обнимая так крепко, что я почти не могла дышать.
— Я очень постараюсь, orsetto. — прошептал он мне в макушку. — Ради тебя.
Мы стояли так несколько минут. И внутри что-то безжалостно щемило.

Балкон. Ночь.

Я вышла подышать.

Звёзды над Миланом были такими яркими — наверное, потому что город спал, не было лишнего света. Я смотрела на них и думала.

Об отце. О том, каким он был, когда я была маленькой. До того, как мать умерла. До того, как он превратился в монстра. Иногда мне казалось, что я её плохо помню — всего несколько обрывков: её смех, её руки, когда она гладила меня по голове, её голос, когда она пела колыбельную. А потом — тишина.

— Не спится? — Камилла вышла следом, кутаясь в плед.

— Нет. — ответила я.

Она встала рядом, опираясь на перила.

— Я тоже. Боюсь.

— Чего?

— Не того, что умру, — она посмотрела на звёзды. — А того, что он умрёт. Лоренцо.

Я взяла её за руку.

— Он справится. Они все справятся.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что мы с тобой не позволим им не справиться, — я повернулась к ней. — Если завтра кто-то из них... мы будем рядом. Мы вытащим их. Даже если придётся тащить на себе.

— Даже если придётся тащить, — повторила Камилла. — Ты помнишь наше обещание?

— Какое?

— Если одна из нас умрёт, вторая позаботится о детях другой.

Я усмехнулась.

— У нас нет детей.

— Вот видишь, — Камилла улыбнулась. — Даже умирать не для кого. Придётся выжить.

Мы замолчали. Я смотрела на звёзды, она смотрела на меня.

— Мил, — тихо сказала она.

— Мм?

— Мы ведь победим, да?

— Обязательно, — ответила я. — Потому что иначе никак.

Мы постояли ещё немного. Потом Камилла обняла меня — крепко, как тогда в Москве.

— Береги себя. — прошептала она.

— Ты тоже.

Она ушла в дом. Я осталась одна.

Звёзды всё так же ярко горели в небе. Где-то там, над Москвой, тоже были звёзды. Но я их не видела — только чёрное небо и чужую землю.

Я посмотрела вверх и прошептала:

— Мама, если ты меня слышишь... помоги мне. Пожалуйста.

Ветер не ответил.

Но мне показалось, что стало чуть теплее.

Утро вылета. Аэропорт.

Мы стояли у стойки регистрации, паспорта наготове, оружие — в специальных кейсах. Лоренцо договорился с авиакомпанией, наши вещи пропустили без досмотра. Деньги работают везде.

— Всё взяли? — спросил Алессандро.

— Кроме нервов, — ответил Марко. — Они остались дома.

— У тебя их никогда не было. — заметил Винченцо.

— Это точно. — усмехнулся Марко.

Камилла поправляла свой пояс с кобурой, Лоренцо помогал ей, поправлял лямку.

— Ты уверен, что это не жмёт? — спросил он.

— Всё нормально, — ответила Камилла. — Не будь моей мамочкой.

— Я просто...

— Я знаю, — она улыбнулась ему. — Ты волнуешься.

Лоренцо ничего не сказал. Но когда никто не видел, он сжал её ладонь и быстро отпустил.

Алессандро взял мою руку.

— Пора.

— Да, — я посмотрела на него. — Пора.

Мы прошли контроль. Сели в самолёт.

Я смотрела в иллюминатор, как Италия уходит вниз — зелёные холмы, синее море, белые домики на склонах. Я не знала, увижу ли её снова. Но знала, что должна попробовать.

Алессандро взял меня за руку, переплёл пальцы.

— Ты дрожишь.

— Нет.

— Дрожишь, — повторил он. — Это нормально.

Я прижалась к его плечу. Самолёт набрал высоту. Москва ждала.

Война — тоже.

Тгк: nas_divaa

Глава 24

Особняк Волкова. Совет Паханов.

Ночь над Москвой была тяжёлой, как свинцовое одеяло. Дождь не прекращался — мелкий, нудный, он заливал окна особняка, оставляя на стёклах дрожащие разводы.

Викторий Волков стоял у окна своего кабинета на втором этаже. В руке он держал бокал с виски, но не пил — просто сжимал, чувствуя холод стекла. Лёд давно растаял, смешавшись с янтарной жидкостью, но Волков не замечал. Он смотрел на лес за оградой, на чёрные стволы сосен, на бесконечную серую пелену дождя.

Они придут сегодня. Он знал. Он чувствовал это нутром — тем инстинктом, который не раз спасал ему жизнь. Его дочь идёт на него. Его кровь. Его плоть. Его самое страшное оружие, которое он сам закалил и выпустил в мир.

— Виктор Борисович, Совет Паханов в сборе. Все семь.

— Отлично, готовь зал.

— Будет сделано.

Он подошёл к сейфу, встроенному в стену, набрал код. Тяжёлая дверца открылась. Внутри, на бархатной подушке, лежал пульт — маленький, чёрный, неприметный. Волков взял его, сжал в кулаке.

Этот пульт был его главным козырем. Кнопка — и весь особняк превращается в крепость. Двери блокируются, включается система подавления связи, из стен выезжают пулемётные гнёзда. Он готовил эту систему пять лет. Для такого дня.

— Иди ко мне, дочь, — прошептал он. — Я жду.

Зал для приёмов был залит светом свечей. Их было сотни — они горели в подсвечниках, на стенах, на длинном дубовом столе. Дорогая посуда, хрусталь, серебро. Яства, которые никто не ел.

Семь Паханов сидели молча.

Давыдов — грузный, с мясистым лицом и маленькими, хитрыми глазами. Он не скрывал своего нетерпения, крутил в пальцах бокал, то и дело поглядывая на дверь.

Рядом с ним — Коган, старый, седой, с тяжёлой тростью и цепким взглядом. Он помнил ещё времена, когда Волков только начинал свой путь. Он не верил в победу — слишком много смертей, слишком много ошибок за последние годы.

Остальные — кто моложе, кто старше — сидели с каменными лицами. Они ждали. Как стервятники ждут падали.

Когда Волков вошёл, все поднялись. Не из уважения — из привычки. Из страха, который он вдалбливал в них годами.

— Садитесь, — Волков прошёл во главу стола, опустился в кресло. — Вы здесь, чтобы увидеть, как заканчиваются войны.

— И как они заканчиваются? — спросил Давыдов, не скрывая усмешки. — Твоей смертью?

Волков посмотрел на него долгим, ледяным взглядом.

— Моей победой, Давыдов. Как всегда.

— Твоя дочь убила Егорова и Смирнова, — вмешался Коган. — Твоих лучших людей. Она пришла за тобой. И у неё за спиной — итальянец, который не проигрывает.

— Де Лука ещё не сталкивался со мной, — Волков откинулся на спинку кресла. — Сегодня он столкнётся.

— Ты уверен, что выйдешь живым из этой ночи? — спросил Коган.

— Я уверен в одном, — Волков достал из кармана маленький чёрный пульт, положил на стол перед собой. — У меня есть козырь, о котором не знает никто.

Паханы переглянулись.

— Какой? — спросил Давыдов.

Волков улынулся. Холодно. Торжествующе.

— Екатерина, — сказал он. — Моя жена. Жива.

В зале стало тихо. Настолько тихо, что стало слышно, как потрескивают свечи.

— Ты врёшь, — выдохнул Коган.

— Хочешь увидеть?

Волков кивнул Боброву, стоявшему у стены. Тот включил огромный экран, скрытый за портьерой.

На экране появилась комната. Тёмная, сырая, с каменными стенами. И женщина.

Она сидела на койке, поджав ноги, обхватив колени руками. Её волосы — длинные, тёмные, спутанные — падали на лицо. Она была худа, бледна, но глаза — такие же, как у Милены — смотрели в камеру с усталой, многолетней тоской.

— Это... — Давыдов не договорил.

— Екатерина Волкова, — кивнул Волков. — Моя законная жена. Мать моей дочери. Жива. Здорова. Немного уставшая после пятнадцати лет заточения, но в целом — в порядке.

— Ты держал её в подвале? — голос Когана дрогнул.

— Я держал её в безопасности, — поправил Волков. — Она была моим страховым полисом. Если моя дочь когда-нибудь решит пойти против меня — я смогу нажать на кнопку, и Милена увидит, что её мать жива. И тогда она сделает всё, что я скажу.

Паханы молчали.

— Ты чудовище. — тихо сказал Давыдов.

— Я — стратег, — Волков усмехнулся. — Чудовища умирают. Стратеги живут вечно.

Он взял бокал.

— За встречу, братья. Сегодня вы увидите, как дочь убивает отца. Или отец — дочь. Но в любом случае — это будет зрелище, которое вы запомните навсегда.

Паханы нехотя подняли бокалы.

Волков пил и смотрел на экран, где его жена сидела в темноте и ждала.

Ждала так же, как он.

Ждала освобождения. Или смерти.

Миленка.

Холодный ветер гнал по асфальту пожухлые листья. Мы стояли в тени старых сосен на окраине леса, в двухстах метрах от ограды особняка.

Я смотрела на дом, в котором прошло моё детство. Чёрный силуэт на фоне тёмного неба, редкие огни в окнах. Такой знакомый и такой чужой.

— Лоренцо, статус? — спросил Алессандро в рацию.

— Камеры по периметру глушу, — ответил Лоренцо. — Но внутри — чисто. Ни одного сигнала. Это странно.

— Как будто нас ждут. — добавил Винченцо, проверяя глушитель на пистолете.

— Или как будто там никого нет, — усмехнулся Марко. — Что тоже маловероятно.

— Они знают, — сказала я. — Отец понял, что мы придём.

Алессандро повернулся ко мне.

— Это меняет планы?

— Нет, — я посмотрела на него. — Это значит, что мы должны быть готовы к ловушке. Но мы всё равно должны идти.

— Почему? — спросила Камилла, сидевшая в машине с Лоренцо. Её голос в наушнике звучал напряжённо.

— Потому что если мы не пойдём сегодня, он затаится ещё глубже, — ответила я. — У нас не будет второго шанса.

— Она права, — сказал Лоренцо. — Я анализировал его перемещения за последние три года. Он никогда не собирал всех Паханов вместе. Это единственный момент, когда они все в одном месте.

— Тогда ждать нечего, — Марко передёрнул затвор. — Пора навестить тестя, Алессандро.

— Заткнись. — ответил Алессандро без злобы.

Он подошёл ко мне, взял моё лицо в ладони.

— Ты готова?

Я посмотрела ему в глаза. Серые, холодные — но такие тёплые, когда смотрят на меня.

— Нет, — честно ответила я. — Но мы должны сделать это.

— Тогда идём.

Он поцеловал меня — быстро, почти по-военному. И повернулся к остальным.

— Всем занять позиции. Входим через подвал — Милена, веди.

Мы двинулись к ограде. Подвал встретил нас запахом сырости, плесени и старого железа. Я знала каждый угол здесь — в детстве я пряталась в этих тёмных коридорах от отцовской ярости. Тогда я боялась темноты. Теперь темнота была моей союзницей.

— Лоренцо, мы внутри. — доложил Алессандро в рацию.

— Вижу, — ответил тот. — Камеры в подвале отключены. Но как только вы выйдете в основное здание — у вас будет пять минут. Потом система восстановится.

Мы прошли через котельную — трубы гудели, в воздухе пахло газом и мазутом. Через старый винный погреб — полки с бутылками, покрытыми паутиной. Через комнату, где когда-то стояли клетки с собаками — пустую, холодную, с тёмными пятнами на полу.

— Здесь держали животных? — спросила Камилла в наушнике.

— Здесь держали всё, что не нравилось отцу. — ответила я.

Алессандро сжал мою руку.

Мы поднялись по каменной лестнице к двери, ведущей в главный холл. Тяжёлая дубовая дверь с коваными петлями. Я помнила её — за ней начиналась жизнь. Или то, что он называл жизнью.

— Всем приготовиться. — прошептал Алессандро.

Он встал с одной стороны двери, Марко — с другой. Винченцо и я — чуть позади.

— Три... два... один...

Марко выбил дверь ногой.

Мы ворвались внутрь.

И замерли.

Холл был пуст.

Совершенно пуст. Ни охраны, ни слуг, никого. Только мраморный пол, отражающий свет огромной люстры, и наши шаги, отдающиеся эхом.

— Это не то. — сказал Винченцо.

— Мы ждали бойни, а тут библиотека, — усмехнулся Марко. — Не нравится мне это.

— Тихо. — приказал Алессандро.

Он поднял руку, призывая к тишине.

— Слушайте.

Тишина.

И потом — шаги. Много шагов. Со всех сторон.

Из коридоров, из-за колонн, из-за лестницы вышли люди. Десятки людей. В чёрной форме, с автоматами, с бронежилетами. Их лица были одинаковыми — холодными, безжизненными.

— Ловушка. — выдохнул Винченцо.

— Поздно. — ответил Марко, поднимая ствол.

Алессандро схватил меня за руку, притягивая ближе.

— Не стреляйте первыми, — сказал он громко. — Мы здесь, чтобы говорить.

Из тени вышел Бобров. Спокойный, уверенный, с лёгкой улыбкой на тонких губах.

— Дон де Лука, — он слегка поклонился. — Виктор Борисович ждёт вас. В зале Совета.

— А если мы откажемся? — спросил Марко.

— Тогда вы не пройдёте дальше, — Бобров развёл руками. — А просто умрёте здесь.

— Мы не отказываемся, — сказал Алессандро. — Но мы не сдаём оружие.

— Это не обсуждается, — Бобров покачал головой. — Вы в нашем доме. Наши правила.

Оружие — на пол. Иначе — стреляем.

Алессандро посмотрел на меня.

— Отдаём. — тихо сказал он.

— Что?! — возмутился Марко.

— Отдаём, — повторил Алессандро. — Потому что иначе они перестреляют нас, даже не дав войти. А я хочу посмотреть в глаза Волкову перед тем, как он умрёт.

Он бросил пистолет на пол. Звук металла о мрамор прозвучал как выстрел.

Марко выругался сквозь зубы, но последовал его примеру. Винченцо — молча. Я опустила свою «Беретту» последней.

Охранники быстро обыскали нас, забрали ножи, запасные обоймы, рации. Камилла в наушнике крикнула: «Милена, не смей!» — но связь оборвалась.

— Теперь — за мной. — сказал Бобров.

Двери зала Совета были распахнуты настежь. Яркий свет лился изнутри, смешиваясь с дымом свечей.

Когда мы вошли, все головы повернулись в нашу сторону.

Семь Паханов сидели за длинным столом. Я узнавала их лица — некоторые были знакомы с детства, других я видела мельком на отцовских сходках. Сейчас они смотрели на меня, как на приговорённую к смерти.

Викторий Волков стоял во главе стола. Он не сел — ждал. Его лицо было спокойным, почти равнодушным. Но глаза — они горели.

— Здравствуй, дочь. — сказал он.

Я не ответила.

— Ты пришла убить меня? — он усмехнулся. — Это будет сложно.

— Всё просто, — ответил Алессандро, выступая вперёд. — Ты — прошлое. Мы — будущее.

— Будущее? — Волков перевёл взгляд на него. — Ты, итальянец, который спит с моей дочерью? Ты думаешь, что после моей смерти русская братва примет тебя?

— Мне не нужно, чтобы они принимали меня, — спокойно ответил Алессандро. — Им придётся принять её.

Волков рассмеялся — сухо, безрадостно.

— Её? Мою предательницу-дочь? Они сожрут её заживо.

— Я не спрашиваю твоего мнения, — я сделала шаг вперёд. — Я пришла не спорить. Я пришла закончить.

— Закончить? — Волков поднял бровь. — Ты думаешь, это так просто?

Он щёлкнул пальцами.

Зал наполнился людьми. Из-за дверей вышли десятки вооружённых охранников. Они окружили нас плотным кольцом, стволы смотрели в наши лица.

— Ты думала, я не знал? — Волков развёл руками. — Я знал всё. Каждый ваш шаг. Каждый план. Вы шли в мою ловушку, как слепые котята.

— Тогда почему не убил нас раньше? — спросил Алессандро, не опуская взгляда.

— Потому что я хотел посмотреть ей в глаза, — Волков перевёл взгляд на меня. — Хотел увидеть, как моя дочь будет убивать своего отца. И не сможет.

— Я смогу. — сказала я, хотя внутри всё дрожало.

— Ну-ну, посмотрим.

Он сделал шаг вперёд.

— Но прежде чем ты решишься, я хочу сделать тебе предложение.

— Мне не нужны твои предложения.

— А зря, — он улыбнулся. — Потому что это предложение — жизнь твоей матери.

Я замерла.

— Ты... что?

— Я сказал: твоя мать жива, Милена. Она не умерла пятнадцать лет назад. Я держал её здесь. В этом доме. В подвале.

— Не ври. — мой голос сел.

— Я не вру тебе, — он покачал головой. — Хочешь проверить?

Волков кивнул Боброву.

Консьержер вышел в центр зала, держа в руках планшет. Экран засветился.

И я увидела её.

Мама.

Она сидела в тёмной комнате с каменными стенами. На ней было старое, выцветшее платье. Волосы — длинные, тёмные, как у меня — спутанными прядями падали на лицо. Она была худа, очень худа, под глазами залегли тени.

Но я узнала её.

Узнала эти глаза — большие, зелёные, как у меня. Узнала этот разрез губ, эту тонкую линию скул.

— Мама... — прошептала я.

Она подняла голову. В её глазах вспыхнула надежда — такая яркая, что мне стало больно.

— Милена? — её голос был слабым, срывающимся, хриплым от долгого молчания. — Дочь... это правда ты?

— Я здесь, мама, — я шагнула к экрану, не чувствуя ни охранников, ни пистолетов, наставленных на меня. — Я здесь.

— Не делай этого, — она протянула к камере дрожащие руки. — Не слушай его. Он хочет, чтобы ты сдалась. Он убьёт тебя.

— Заткнись! — Волков выхватил планшет из рук Боброва. Его лицо исказилось от ярости — впервые за весь вечер он потерял контроль. — Ты будешь молчать, когда я говорю!

— Не трогай её! — крикнула я.

— Не трогаю, — он усмехнулся, успокаиваясь. — Пока. Но это зависит от тебя.

Я смотрела на мать. Она плакала — беззвучно, прижимая ладони ко рту.

— Милена, — её голос был едва слышен. — Я люблю тебя. Я всегда тебя любила. Прости меня... прости, что не смогла защитить...

— Всё хорошо, мама, — я сжимала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. — Всё будет хорошо. Я вытащу тебя.

— Условия простые, — Волков отвёл моё внимание на себя. — Ты остаёшься со мной. Навсегда. Забываешь итальянца, забываешь свою подружку, забываешь о мести. Ты возвращаешься в семью. И делаешь то, что я скажу.

— Не смей, Милена! — крикнула Камилла, дёрнувшись вперёд. Охранники схватили её вместе с Лоренцо и привели в зал.

— Камилла! — Лоренцо рванулся, но его отдёрули.

— Всем стоять! — заорал Волков. — Или мы начнём стрелять. — добавил он спокойнее.

Я посмотрела на Алессандро. Он стоял с каменным лицом, но я видела — его челюсти сжаты, кулаки побелели.

— Не надо, — прошептал он. — Не делай этого, прошу. Я не могу тебя потерять.

— Если я не сделаю, они все умрут. — ответила я.

— Он не отпустит их.

— Отпустит, — я повернулась к отцу. — Ты отпустишь их. Скажи.

Волков медленно кивнул.

— Отпущу. Если ты выполнишь мои условия.

Я смотрела на мать на экране. Она качала головой, шепча: «Нет, доченька, нет...»

Я смотрела на Алессандро — на его горящие глаза, на его сжатые кулаки.

Я смотрела на Камиллу, которую держал охранник, на Лоренцо, который рвался к ней, на Марко и Винченцо, готовых драться даже без оружия.

И сделала выбор.

— Хорошо, — сказала я. — Я остаюсь. Отпусти их.

— Милена, НЕТ! — закричали все сразу.

— Заткнитесь! — я повысила голос. — Это моё решение.

Я посмотрела на отца.

— Отпусти их. Живыми. Прямо сейчас. И я сделаю всё, что ты скажешь.

Волков смотрел на меня долгую минуту. Потом медленно улыбнулся.

— Умная девочка, — сказал он. — Я всегда знал, что ты умная.

Он кивнул Боброву.

— Отведите их к выходу. Живыми. Целыми.

Охранники расступились, освобождая проход к дверям.

— Идите. — сказала я Алессандро.

— Нет! — он не двигался.

— ИДИ, — я почти кричала. — Ради меня. Я найду способ выбраться.

— Ты не найдёшь, — он покачал головой. — Он просто убьёт тебя! Я умоляю, Милена, не надо!

— Тогда я умру, зная, что ты живой. Это лучше, чем мы умрём все.

Он смотрел на меня. В его глазах была такая боль, что у меня разрывалось сердце.

— Я вернусь, — сказал он. — Клянусь. Я вернусь за тобой.

— Я буду ждать. — ответила я.

Он шагнул ко мне, схватил за затылок, притянул к себе и поцеловал — жадно, больно, как в последний раз.

— *Я люблю тебя, orsetto*, слышишь? Я обязательно найду выход. Обязательно... — прошептал он мне в губы.

— Я знаю, — ответила я. — А теперь уходи, Алессандро. Чтобы со мной не случилось, знай, я люблю и всегда буду только тебя. Всё будет хорошо.

Камилла вырвалась от охранника, бросилась ко мне.

— Ты с ума сошла! — она обняла меня. — Ты не можешь оставаться здесь!

— Могу, — я обняла её в ответ. — Ками, заberi их. Всех. Выведи их отсюда.

— Мил, он же...

— Я справлюсь. Обещаю.

Она отстранилась, посмотрела мне в глаза.

— Ты врешь.

— Знаю, — я улыбнулась сквозь слёзы. — Но ты всё равно иди.

Марко и Винченцо молча кивнули мне и вышли вместе с Алессандро. Лоренцо взял Камиллу за руку, потянул к выходу. Они уходили. Один за другим. Алессандро смотрел на меня до тех пор, пока за ними не закрылась тяжёлая дверь.

Я осталась одна в зале, полном врагов.

Волков подошёл ко мне, взял за подбородок, заставил смотреть в глаза.

— Умная девочка, — повторил он. — Но недостаточно умная.

— Что?

— Сделки с дьяволом не работают, Милена. Я не отпущу их. Как только они выйдут за ворота — мои люди их перехватят и убьют.

Я смотрела на него.

— Ты обещал.

— Я обещал отпустить их живыми из этого дома, — он усмехнулся. — Я ничего не говорил про то, что будет за воротами.

Я сжала кулаки, но не сказала ни слова.

Потому что знала — Алессандро не дурак. У него есть план. У него всегда есть план.

— Уведите её, — приказал Волков охранникам. — В ту же комнату, где сидит её мать.

Пусть они наговорятся перед тем, как я решу, что с ними делать.

Меня схватили за руки, поволокли.

Я не сопротивлялась.

Последнее, что я увидела перед тем, как дверь за мной закрылась — надменную улыбку моего отца.

Тгк: nas_divaa

Глава 25

Ворота особняка тяжело закрылись за ними.

— Надо вернуться, — сказал Лоренцо. — Прямо сейчас.

— Нет, — Алессандро смотрел на ворота, за которыми осталась она. Его голос был пустым, как у человека, который потерял душу. — Не сейчас.

— Когда?! — Камилла вырвалась из рук Лоренцо, подбежала к Алессандро. — Она там одна! С этим монстром! Ты обещал ей!

— Я знаю, что я обещал, — он повернулся к ней, и Камилла отшатнулась. В его глазах была такая боль, что она не выдержала. — Но если мы сунемся сейчас — нас убьют. И она останется там одна навсегда. Без шанса на спасение.

— Он прав, — тихо сказал Винченцо. — Нам нужно оружие. План. Свежие силы.

— Сколько это займёт? — спросил Лоренцо.

— День, — сказал Алессандро. — Два. Я вернусь за ней.

— Тогда пошли, — Марко развернулся к лесу. — Чем быстрее уйдём, чем быстрее вернёмся.

Они двинулись.

Но не успели сделать и ста шагов.

Сзади раздался звук — лязг металла, скрип петель. Ворота особняка открывались.

— Бежим! — крикнул Винченцо.

Из ворот выехали два чёрных джипа. Из них высыпали люди — вооружённые, в бронезилетах, с фонариками, в которых отражался лесной сумрак.

— Их не должны были отпустить, — сказал Лоренцо, задыхаясь от бега. — Волков нарушил слово.

— Он его не давал, — ответил Алессандро. — Он дал его Милене. А мы для него — просто мусор.

Они бежали через лес, продираясь сквозь кусты, перепрыгивая через корни. Сзади слышались крики, лай собак, выстрелы.

— Надо разделиться, — сказал Винченцо. — Иначе всех перестреляют.

— Нет, — возразил Алессандро. — Мы держимся вместе.

— Алессандро! — крикнул Марко. — Он прав! Если мы погибнем все, кто её спасёт?!

И в этот момент пуля нашла его.

Негромкий, хлёсткий звук — и Марко споткнулся, упал на колени, схватившись за живот.

— Брат! — Винченцо бросился к нему.

— Я в порядке, — прохрипел Марко, но его лицо было белым, как мел, а сквозь пальцы сочилась тёмная, густая кровь.

— Ты не в порядке! — Алессандро присел рядом, рванул куртку Марко, чтобы осмотреть рану. Пуля вошла ниже рёбер, справа. Кровь текла быстро — слишком быстро. — Винченцо, забирай его в машину, срочно к врачу.

— А ты?

— Я прикрою. Уходите!

— Нет, — сказала Камилла. — Я остаюсь с тобой.

— Ты остаёшься с Лоренцо, — Алессандро посмотрел на неё. — Это приказ.

— Но Милена просила меня защищать тебя...

— Ты защитишь её, когда мы вернёмся. А сейчас — беги.

Камилла хотела спорить, но Лоренцо схватил её за руку и потащил в глубину леса.

Алессандро... — Марко схватил его за руку. — Не геройствуй. Возвращайся.

— Обязательно, — Алессандро сжал его ладонь. — Живи, слышишь? Просто живи.

Винченцо подхватил Марко, взвалил на плечо — тот застонал от боли, но не потерял сознание. Они побежали в сторону, где осталась машина.

Алессандро поднял автомат и начал стрелять — короткими очередями, заставляя охранников залечь за деревьями.

— За мной! — крикнул он и побежал в противоположную сторону, уводя преследователей за собой.

Подвал.

Меня втокнули в комнату, и дверь за мной захлопнулась с глухим металлическим стуком.

Я упала на колени — не от боли, от слабости. Всё тело дрожало после той сцены в зале. После отца. После Алессандро.

— Милена? — голос из темноты был слабым, хриплым, будто его обладательница не говорила несколько дней. Или лет. — Дочь... это правда ты?

Я подняла голову.

— Мама. — прошептала я.

Я встала. Сделала шаг. Второй.

Она не двинулась — сжалась ещё сильнее, прижалась спиной к стене.

— Не подходи, — её голос дрогнул. — Это не в первый раз. Он приводил сюда других женщин. Накрашенных. Заставлял их притворяться... чтобы я поверила... чтобы сломалась.

— Мама, это я, — я опустилась на колени перед койкой, протянула к ней руки. — Посмотри на меня. Посмотри на мои глаза.

Она смотрела. Долго. Так долго, что я перестала дышать.

— У тебя... родинка, — вдруг сказала она. — На правой руке. Между пальцами. Маленькая, в виде звёздочки.

Я подняла руку, показала. Родинка была на месте — та самая, с которой я родилась.

— Ты помнила. — выдохнула я.

— Я помню всё, — она заплакала. — Всё, что было до того, как он запер меня здесь. Твой первый шаг. Твоё первое слово. Ты сказала «мама», а не «папа». Он тогда разозлился.

Я рассмеялась сквозь слёзы.

— Он всегда злился, когда я выбирала тебя.

— А ты всегда выбирала меня, — она наконец протянула руки и коснулась моего лица — осторожно, будто боялась, что я исчезну. — Моя девочка... ты выросла... ты такая красивая...

— Мама, — я взяла её ладони в свои. Холодные, тонкие, в синих прожилках вен. — Я думала, ты умерла. Все эти годы...

— Я знаю, — она гладила мои пальцы, мои шрамы, мои костяшки. — Он сказал тебе. Он всегда говорил людям, что я погибла.

— Но ты была здесь. Всё это время.

— Здесь, — она обвела рукой каменные стены. — В этой клетке. Он кормил меня, чтобы я не умерла. Держал, чтобы иметь власть.

— Почему ты не сбежала? — спросила я. — Почему не попыталась?

Она посмотрела мне в глаза.

— Он сказал, что если я попытаюсь сбежать или умру — он убьёт тебя. Я не могла рисковать.

Я закрыла лицо руками.

— Мама... прости меня...

— За что?

— За то, что не искала тебя. За то, что поверила ему. За то, что эти пятнадцать лет я жила, а ты...

— Ты жила, — она обняла меня, прижала к себе. Я чувствовала её рёбра — она была такой худой, такой хрупкой, такой живой. — И это главное. Ты выжила. Ты стала сильной. Ты пришла за ним.

— Но теперь я пришла за тобой. — прошептала я.

— Ты должна уйти. — она отстранилась, взяла моё лицо в ладони.

— Нет.

— Дочь...

— Я не оставлю тебя, — я покачала головой. — Я только что нашла тебя. Я не потеряю тебя снова.

— Если ты останешься, он убьёт нас обоих, — мать вытерла слёзы с моих щёк. — А если уйдёшь — сможешь вернуться. С оружием. С людьми. Ты сможешь меня спасти.

— Мои люди ушли, — сказала я. — Их преследуют. Я не знаю, живы ли они.

— Они живы, — мать говорила уверенно. — Ты сильная, и твои люди — такие же. Они вернуться.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я видела того мужчину, — она почти улыбнулась. — Итальянца. Когда вы стояли в зале, я смотрела на него. У него такие глаза...

Я невольно улыбнулась.

— Как его зовут?

— Алессандро.

— Красивое имя, — мать погладила меня по волосам. — Ты его любишь?

— Очень, — я почувствовала, как теплеет внутри при одной мысли о нём. — Я люблю его так, как ты, наверное, любила папу. До того, как он стал монстром.

Мать замолчала. Её глаза наполнились слезами.

— Я любила его, — тихо сказала она. — Очень. Он был другим — молодым, смелым, нежным. А потом... власть съела его. Он стал бояться, что я заберу у него то, что он построил. Что я настрою тебя против него.

— Он боялся не зря. — сказала я.

— Да, — мать кивнула. — Потому что я бы настроила. Я бы рассказала тебе правду о том, какой он на самом деле. Поэтому он запер меня здесь, чтобы я молчала.

— Он больше не сможет держать тебя здесь, — я сжала её руки. — Я обещаю.

— Осторожно с обещаниями, дочь, — мать покачала головой. — Он сильный. У него много людей.

— У меня тоже есть люди, — я посмотрела на неё. — И они сильнее, потому что мы семья, а его просто бояться.

Мать долго смотрела на меня. Потом обняла — крепко, как в детстве, когда я падала и разбивала колени, когда мне снились кошмары, когда я боялась темноты.

— Я так горжусь тобой, — прошептала она. — Ты стала той, кем я хотела стать. Свободной.

— Мы станем свободными вместе. — ответила я.

— Как? — она отстранилась. — Дверь заперта, охрана снаружи, отец в зале с семьёю Паханами.

— Я не знаю, — честно сказала я. — Но я найду способ. Дай мне время.

— Время — это то, чего у нас может не быть. — мать вздохнула.

— Тогда будем жить одной минутой, — я прижалась к её плечу. — Расскажи мне что-нибудь. О себе. О том, какой ты была до него.

— Ты правда хочешь слушать?

— Очень.

И она начала рассказывать.

О том, как росла в маленьком городке на Волге. О том, как мечтала стать врачом. О том, как встретила Виктора на танцах — он был в форме, при параде, и все девушки хотели с ним танцевать, а он выбрал её.

— Он был красивым, — сказала она. — И страшным. Я не поняла этого сразу. Поняла, когда уже было поздно.

— Ты жалеешь?

— О том, что родила тебя — нет, — она погладила меня по голове. — Никогда. Ты — лучшее, что было в моей жизни.

Мы сидели в темноте, обнявшись, и я слушала её голос — слабый, хриплый, но такой родной. Я боялась, что если замолчу, она исчезнет. Что всё это — сон. Что я сейчас проснусь в своей комнате в Италии, а мать снова будет мёртва, но она была здесь. Живая. Тёплая. Настоящая.

— Мама. — позвала я, когда она закончила рассказывать.

— Мм?

— Я люблю тебя.

Она заплакала.

— Я тоже люблю тебя, доченька. Я так долго ждала, чтобы сказать это... Я думала, что умру здесь, так и не сказав...

— Не умрёшь, — я сжала её руку. — Мы выберемся. Обе.

Москва. Дорога в клинику.

Винченцо вёл машину, сжимая руль так, что костяшки побелели. Марко лежал на заднем сиденье. Вокруг его живота Винченцо импровизировал повязку из собственной футболки, но ткань быстро пропитывалась кровью.

— Не спи, — приказал Винченцо, глядя в зеркало заднего вида. — Слышишь? Не смей закрывать глаза.

— Не сплю, — прохрипел Марко. — Но холодно. Очень холодно.

— Потому что ты дурак. Надо было прятаться за дерево.

— А если бы они попали в Алессандро?

Винченцо не ответил. Он выжал педаль газа до упора.

Московские улицы мелькали за окнами — серые, мокрые, пустые в этот поздний час. Винченцо знал, куда ехать. В клинику на окраине, которую содержал их человек. Русский врач, работавший на итальянцев. Ему платили за молчание и за готовность оперировать в любое время суток.

— Держись, брат, — прошептал Винченцо. — Ещё десять минут.

— Успею. — Марко попытался улыбнуться, но его лицо исказилось от боли.

Они влетели во двор клиники. Винченцо выскочил из машины, распахнул заднюю дверь, вытащил Марко на руках.

— Помогите! — закричал он, врываясь в здание. — ПОМОГИТЕ!

В холле было пусто. Горел тусклый свет. Где-то за стеной слышались шаги, потом голоса.

— Что случилось? — Врач — высокий, седой, в очках — вышел из кабинета.

— Пулевое ранение. В живот. Много крови.

— Кто стрелял?

— Враг. Быстрее, он теряет сознание!

Врач оценил состояние Марко и сразу взял командование на себя.

— В операционную! Живо! — он подозвал медсестёр. — Готовьте стол, капельницу, аппарат УЗИ. Кровь — вторая положительная, у нас есть?

— Есть. — ответила медсестра.

Марко положили на каталку и повезли по коридору. Винченцо шёл рядом, держа его за руку.

— Я здесь, — сказал он. — Я не уйду.

— Знаю, брат. — прошептал Марко.

Двери операционной закрылись.

Винченцо сидел на пластиковом стуле в коридоре, уставившись в одну точку. Часы на стене показывали начало третьего. За окном было темно.

Он не ел. Не пил. Не спал. Просто сидел и смотрел на дверь операционной.

В голове крутилось одно и то же: как он скажет Алессандро, если Марко не выживет. Как он посмотрит в глаза брату. Как объяснит, что не уберёт.

Прошёл час. Второй. Третий.

Винченцо не двигался.

Медсестра принесла кофе. Он не взял. Принесла бутерброд — отказался.

— Вы должны поесть. — сказала она.

Винченцо ничего не ответил.

Где-то в конце коридора зашуршала дверь. Вышел врач. Его халат был в крови — тёмной, почти чёрной. Он устало стянул перчатки.

Винченцо вскочил.

— Ну?

— Он жив, — сказал врач. — Пуля задела печень, но мы её извлекли. Кровотечение остановили. Он потерял много крови, мы перелили донорскую.

— Когда он очнётся?

— Сложно сказать. День. Два. Неделя. Организм сильный, молодой. Но пуля задела важный орган. Если не будет осложнений... он справится.

Винченцо опустился на стул и громко выдохнул.

— Можно к нему?

— Завтра. Сейчас он спит.

— Я подожду.

Врач пожал плечами и ушёл.

Винченцо остался сидеть в коридоре и думал об Алессандро. Где ты, брат? Жив ли?

Лес. Алессандро.

Алессандро бежал. Долго. Бесконечно долго.

Он отстреливался, пока не кончились патроны. Потом просто бежал — через лес, через овраги, через ручьи. Ветки хлестали по лицу, корни норовили сбить с ног.

За ним никто не гнался. По крайней мере, он их не слышал.

Он остановился у старого сарая на окраине леса. Толкнул дверь — она поддалась. Внутри пахло сеном и немного сыростью.

Алессандро опустился на пол, прислонился спиной к стене. Его плечо саднило — пуля задела, содрала кожу, но не застряла.

Он закрыл глаза.

Перед глазами стояла Милена. Её лицо в тот момент, когда она сказала «Я буду ждать». Её губы, когда она прощалась. Её руки, когда она его обнимала.

— Я вернусь, — прошептал он в пустоту. — Клянусь, я вернусь.

Где-то далеко лаяли собаки.

Алессандро положил пистолет на колени и провалился в тяжёлый, без снов, сон.

Заброшенный дом. Лоренцо и Камилла.

Лоренцо и Камилла бежали, держась за руки, не разжимая пальцев. Сзади слышались выстрелы, но они не оборачивались.

— Сюда! — Лоренцо свернул с тропы, потянул Камиллу за собой в густые заросли.

Они упали в мокрую траву, прижались к земле. Камилла не слышала своего дыхания — только гул в ушах и бешеное сердцебиение.

— Тихо, — прошептал Лоренцо. — Не двигайся.

Они лежали так несколько минут. Может, час. Камилла потеряла счёт времени.

Когда всё стихло, Лоренцо поднялся, огляделся.

— Идём.

Он привёл её к старому заброшенному дому на краю леса. Стёкла выбиты, крыша провалилась, внутри пахло сыростью и плесенью.

— Здесь переночуем. — сказал он.

— А завтра?

— Завтра постараемся связаться с остальными.

Они нашли угол, где не дуло, и сели на пол, прижавшись друг к другу. Камилла дрожала — от холода, от страха, от мыслей о Милене.

— Лоренцо. — позвала она.

— Мм?

— Думаешь, Алессандро жив?

— Не знаю.

— А Марко? У него было много крови...

— Надеюсь, он с Винченцо, жив и в безопасности.

— А Милена? — голос Камиллы сорвался. — Она там... одна... с ним...

— Мы вернёмся, — Лоренцо обнял её крепче. — Как только сможем.

— А если не сможем?

— Сможем.

Он не был уверен, но Камилле нужно было это слышать. Они сидели в темноте, слушая, как за окном воет ветер.

Глава 26

Подвал. День первый.

Меня привели в тир на рассвете. Я не спала всю ночь — думала о нём. О Алессандро. О том, где он, жив ли, вернётся ли. Мать уснула у меня на плече, а я смотрела в потолок и считала капли.

— Сегодня начинается твоя переподготовка. — сказал Волков, когда меня втолкнули в тир.

Посередине комнаты, на коленях, стоял человек. С мешком на голове, с заломленными за спину руками. Он дрожал. Я видела, как его плечи ходят ходуном.

— Убей. — Волков кивнул на пистолет, лежащий на столике.

— Нет.

— Тогда умрёт твоя мать.

Я взяла пистолет. Он был тяжёлым — или это мои руки дрожали. Металл холодил ладонь, пахло оружейной смазкой и страхом.

— Ты трус, — сказала я отцу. — Прячешься за женщинами.

— Я стратег, — ответил он. — Оружие бывает разным.

Я подняла ствол. Человек застонал под мешком. Что-то неразборчивое — молился? Просил о пощаде? Его тело дёрнулось вперёд, будто он пытался встать, но верёвки держали крепко.

Я не стала слушать.

Выстрел.

Звук ударил по ушам, отразился от стен. Голова человека мотнулась назад, мешок окрасился красным. Тело обмякло, завалилось на бок — сначала плечи, потом грудь, потом всё сразу. Оно ударилось о бетон с глухим, влажным звуком. Кровь потекла по полу. Тёмная, густая, она растекалась лужей, добираясь до моих ботинок.

— Хорошо, — сказал Волков. — Завтра продолжим.

— Почему ты не убьёшь меня сразу? — спросила я, опуская пистолет. — Боишься, что твои Паханы сочтут тебя слабым?

— Я хочу, чтобы ты сама захотела остаться.

— Этого не случится.

— Посмотрим.

Он ушёл. Охранники потащили меня обратно в сырой подвал.

День второй.

На следующий день — новый человек.

— Ты думаешь, если будешь молчать, я устану? — спросил Волков. — Я не устану.

— Я тоже. — ответила я.

— Убей.

— Скажи, зачем тебе это? Ты хочешь сделать меня монстром? Я уже им стала.

— Ты стала слабой, Милена. Этот итальянец размягчил тебя. Я верну тебе форму.

— Ты не вернёшь мне то, что забрал.

Он ударил меня — наотмашь, по лицу. Я устояла. Губа треснула, во рту появился металлический привкус.

— Убей. — повторил он.

Я выстрелила.

Быстрее, чем вчера. Пуля вошла человеку в грудь — я целилась в сердце, но рука дрогнула, и рана оказалась чуть ниже. Он не умер сразу. Его тело забилось в конвульсиях, ноги заскребли по бетону, издавая тошнотворный звук. Он хрипел — глубоко, страшно, с присвистом. Хрип длился секунд пять, прежде чем он затих.

Кровь — ярче, чем вчера. Или это мне казалось?

— Завтра — три, — сказал Волков, разворачиваясь. — И я буду смотреть, как ты плачешь.

— Я не плачу. — ответила я.

— Начнёшь.

Я не ответила.

В подвале мать ждала меня. Она не спрашивала, что я делала. Она уже знала. Мы сидели в темноте, прижавшись друг к другу, и молчали.

День третий.

Три человека. Три пули.

Первый стоял на коленях, ровно, почти гордо. Я выстрелила ему в грудь — он упал сразу, как подкошенный. Упал лицом вниз, и я услышала, как хрустнул его нос о бетон.

Второй полз, пытаясь укрыться за колонной. Я видела, как он царапал пол, как его пальцы скребли по камню, оставляя кровавые следы от содранной кожи. Я попала ему в спину. Пуля вошла между лопаток — он замер на секунду, потом обмяк, вытянув руки вперёд, будто хотел поползти до спасения.

Третий смотрел на меня из-под мешка — я не видела его глаз, но чувствовала его страх. Он мотал головой, пытаясь сбросить повязку, что-то мычал.

— Быстрее. — сказал Волков.

— Ты быстрее умрёшь, когда я до тебя доберусь.

— Дерзкая, — он усмехнулся. — Мне это нравилось в тебе.

— Тебе ничего не нравилось во мне. Ты хотел сломать меня.

— И сломаю.

Третий выстрел. Пуля вошла в висок — тело рухнуло, даже не дёрнувшись. Мешок намок от крови, прилип к лицу.

Пистолет дымился. Мои руки не дрожали.

— Завтра — пять. — сказал Волков.

— Убивай сам их, придурок! — крикнула я ему в спину.

Он ничего не ответил и ушёл.

Я стояла посреди тира, смотрела на тела и чувствовала — ничего. Пустота. Внутри — как в выжженной пустыне. Ни эмоций, ни мыслей, ни боли. Только тишина.

В подвале я не ела. Мать уговаривала.

— Ты должна есть. — сказала она.

— Не хочу.

— Милена...

— Я не могу, — я посмотрела на неё. — После того, что я делаю... кусок в горло не лезет.

— Тогда хотя бы пей.

День четвёртый.

Пять человек. Пять пуль.

Первый — в голову. Я выстрелила, не целясь — просто подняла руку и нажала на спуск. Череп брызнул осколками, тело рухнуло как мешок с костями.

Второй — в сердце. Он умер мгновенно — даже не охнул.

Третий пытался бежать. Он вскочил, когда я выстрелила во второй раз, и побежал — неуклюже, спотыкаясь о собственные ноги. Я попала ему в ногу. Он упал, закричал, пополз. Я подошла, наставила пистолет на затылок и нажала на спуск. Крик оборвался.

Четвёртый плакал. Я видела, как его плечи трясутся, как он всхлипывает под мешком. Я стреляла, не слушая. Пуля вошла в живот — он завыл, согнулся, обхватил рану руками. Дострелить пришлось вторым выстрелом.

Пятый был молод. Очень молод. Я сняла с него мешок — хотела посмотреть в глаза перед смертью. Ему было лет семнадцать. Глаза — испуганные, мокрые, губы дрожат.

— Мне семнадцать. — прошептал он.

Семнадцать. На 4 года младше меня.

Я смотрела на него и не могла выстрелить.

— Милена, — голос Волкова за спиной. — Если ты не нажмёшь на курок, я прикажу привести твою мать.

Я нажала. Выстрел.

Парень упал.

Я смотрела, как его тело билось в агонии, как кровь заливала пол, как его глаза — открытые, всё ещё испуганные — смотрели в потолок.

После этого меня вырвало...

Не от крови. Не от запаха пороха.

От себя.

От того, какой я стала. От того, с какой лёгкостью мои пальцы сжимали спусковой крючок. От того, что я перестала считать лица. От того, что я только что убила мальчишку, который мог быть моим братом.

Я сидела на холодном полу, прижимаясь спиной к стене. Пол был скользким от крови. Мои руки тряслись. Внутри рушилось что-то последнее — та маленькая девочка, которая когда-то боялась темноты и верила, что мама вернётся.

Если бы не мать, которая ждала меня в подвале, если бы не Алессандро, который обещал вернуться — я не знаю, зачем мне было бы просыпаться на следующее утро.

Я бы просто лежала. Смотрела в потолок. Вечность.

День пятый.

Утром мне опять стало плохо до того, как за мной пришли.

Мать смотрела внимательно.

— Милена, это не от нервов.

— От еды.

— Ты почти не ешь.

Я отмахнулась. Но тошнота вернулась после тира. И после обеда. И вечером.

— Шесть человек. — объявил Волков.

— Сдохни! Чтоб ты сгорел в аду, тварь! — крикнула я.

— Остроумно.

Я стреляла. Считала. Один, два, три, четыре, пять, шесть.

Кровь брызгала на стены. Тела падали друг на друга — руки, ноги, головы в неестественных позах. К концу стрельбы я стояла по щиколотку в липкой, тёмной луже.

Я не чувствовала отвращения. Я не чувствовала *ничего*.

День шестой.

Я не могла держать пистолет ровно. Руки дрожали — не от страха, от усталости.

Волков заметил.

— Ты стала слабой.

— Я стала уставшей. — ответила я.

— От чего же?

— От тебя.

Он ударил меня — в живот.

Я согнулась, но не упала. Воздух вышибло из лёгких, перед глазами поплыли красные круги.

— Ещё раз ударишь — я забуду, что ты мой отец, и пристрелю на месте.

— Попробуй.

Он забрал мой пистолет.

— Сегодня без патронов. Ты должна чувствовать их страх. Их дыхание. Их боль.

Я смотрела на людей, которые стояли на коленях передо мной. Их было семеро. Мешки на головах, верёвки на руках.

— Убей их руками.

— Нет.

— Может мне тогда навесить твою маму и оставить ей пару синяков? Ты этого хочешь?

Я сжала кулаки.

Первый захрипел, когда мои пальцы сомкнулись на его горле. Я давила, чувствуя, как хрящи хрустят под ладонями. Его тело дёргалось, ноги скребли по полу. Через минуту он затих.

Второй — когда я свернула ему шею. Резкий поворот, треск позвонков, тело обмякло.

Третий — умер быстро. Один удар в основание черепа, и он рухнул замертво.

Четвёртый — долго. Я била его головой об пол, пока он не перестал дёргаться.

Кровь была на моих руках. На лице. На одежде. Она засохла на коже коркой, стягивала лицо, забила под ногти.

— Хорошо, — сказал Волков. — Ты ещё не забыла.

В подвале мать смотрела на мою окровавленную одежду.

— Милена...

— Не спрашивай.

— Я думаю, ты беременна. — сказала она.

Я замерла.

— Что?

— Я носила тебя. Я помню эти симптомы. Тошнота по утрам. Слабость. Отвращение к еде. И эти гормоны... они делают тебя мягче. Ты же убивала раньше и тебя не тошнило.

Я опустилась на койку.

— Не может быть.

— Может, — мать села рядом, взяла мою руку. — Твой организм молодой.

Я вспомнила Камиллу. Её слова на балконе. Её загадочную улыбку.

«Иногда жизнь преподносит сюрпризы».

— Она знала, — прошептала я. — Камилла подменила таблетки.

— Значит, ты можешь иметь детей, — мать обняла меня. — Ты можешь жить. Ради него.

Ради них.

Я положила руку на живот. Плоский. Ничего не чувствующий, но я знала — там, глубоко, уже теплилась жизнь и у этой жизни не было ни имени, ни лица. Только любовь.

— Я выберусь, — сказала я. — Ради него.

Москва. Лес.

Лес был мёртвым. Алессандро шёл уже не помня сколько. Плечо превратилось в один сплошной очаг боли — пульсирующей, горячей, тошнотворной. Он смотрел под ноги и видел, как на снег падают капли крови. Его крови.

Он не чувствовал холода. Не чувствовал страха. Только одно: нужно найти их. Или умереть.

Дом он заметил не сразу. Сначала запах — дым, сырость, гнилое дерево. Потом слабый свет, пробивающийся сквозь щели между досок.

Алессандро толкнул дверь. Она поддалась с протяжным скрипом.

Внутри, у чадающей самодельной печки, сидели двое. Лоренцо сжимал пистолет — ствол смотрел точно в грудь вошедшему. Камилла спала, привалившись к его плечу, её лицо было мокрым от слёз.

— Это я. — хрипло сказал Алессандро.

Лоренцо опустил пистолет.

— Боже, — выдохнул он. — Боже, Алессандро...

Он вскочил, подхватил брата, усадил на пол. Камилла проснулась, увидела его и закричала.

— Тихо! — Лоренцо зажал ей рот ладонью. — Нас услышат.

— Он умирает, — прошептала Камилла. — Посмотри на него. Он умирает. Алессандро хотел сказать, что всё в порядке, но не смог. Язык не слушался.

— Вы... живы — выговорил он.

— Да, мы в порядке, но ты... — сказал Лоренцо, разрывая его рубашку. — Чёрт, здесь грязь. Нужно промыть.

— Чем? — спросила Камилла. — У нас нет воды. Нет бинтов. Нет ничего.

— Тогда зашьём как есть.

— У тебя даже иглы нет!

Лоренцо молча вытащил из кармана обычную швейную иглу и катушку ниток.

— Всегда ношу с собой, — сказал он. — На всякий случай.

Камилла смотрела, как он вдевает нитку. Её руки дрожали.

— Я не смогу. — прошептала она.

— Сможешь, — сказал Лоренцо. — Держи его.

Она села с другой стороны, прижала плечи Алессандро к стене. Он даже не вскрикнул, когда игла вошла в кожу — только закусил губу и закрыл глаза.

— Живучий. — сказала Камилла сквозь зубы.

— У него есть ради чего. — ответил Лоренцо.

Когда всё кончилось, Алессандро потерял сознание.

Они сидели в темноте, прижавшись друг к другу, и слушали, как ветер воет в разбитых окнах.

— Что теперь? — спросила Камилла.

— Ждать. — сказал Лоренцо.

— А если он не очнётся?

— Очнётся. Должен.

Клиника.

Винченцо сидел у постели брата уже вторые сутки. Не спал. Не ел. Не пил.

Марко лежал под капельницей, бледный, как полотно. Аппарат пищал мерно — сердце билось, но казалось, что оно вот-вот остановится.

— Ты обещал, — сказал Винченцо. Он говорил тихо, почти шёпотом. — Помнишь? В тот день, когда мы остались одни. Ты сказал: «Мы выживем».

Марко молчал.

— Ты не имеешь права умирать, — голос Винченцо дрогнул. — Ты не имеешь права оставить меня и Алессандро.

Он положил голову на край кровати и закрыл глаза. Не плакал. Он не умел плакать, но плечи предательски дрожали.

Лес.

Алессандро очнулся от резкой боли в плече. Рядом, прижавшись к нему, дремала Камилла. Лоренцо сидел у входа, всматриваясь в темноту.

— Сколько я спал? — хрипло спросил Алессандро.

— Часа два, — ответил Лоренцо. — Ты бредил.

— О чём?

— О ней. Звал её по имени.

Алессандро закрыл глаза.

— Надо идти.

— Ты не встанешь.

— Встану.

Он попытался подняться — и тут же обмяк. Плечо взорвалось болью, перед глазами поплыли красные круги.

— Я же говорил. — сказал Лоренцо.

— Тогда буду ползти, — Алессандро стиснул зубы. — Но оставаться здесь нельзя. Нас найдут.

— Нужно выйти на трассу, — Лоренцо посмотрел на карту, которую нарисовал на клочке бумаги по памяти. — Если идти строго на запад, через два километра будет шоссе. Там есть пост ГАИ.

— Ты предлагаешь сдаться полиции? — усмехнулась Камилла.

— Я предлагаю до него дойти. А там решим.

Алессандро кивнул.

— Помогите мне встать.

Лоренцо подхватил его под здоровое плечо. Камилла — с другой стороны, хотя Алессандро опирался на неё едва ли — сил почти не осталось.

Они вышли из дома.

Лес встретил их стеной темноты. Ветки хлестали по лицам, корни норовили сбить с ног. Алессандро спотыкался, падал, поднимался — и снова шёл.

— Осталось немного. — шептал Лоренцо.

— Ты так говоришь уже час. — ответил Алессандро.

— Потому что ты медленно идёшь.

— Я иду, как могу.

Они замолчали. Только тяжёлое дыхание и треск сучьев под ногами.

Шоссе они увидели не сразу — сначала услышали. Гул машин. Далекий, но отчётливый.

— Там. — сказала Камилла, показывая вперёд.

Они вышли на обочину. Асфальт блестел от недавнего дождя. Редкие машины проносились мимо, не замедляясь.

— Телефон, — Алессандро вытащил из кармана разряженный мобильник. — Сдох.

— У меня тоже. — Лоренцо проверил свой.

— И у меня. — вздохнула Камилла.

— Значит, будем голосовать.

Они стояли на обочине, грязные, окровавленные, в разорванной одежде. Никто не оставался.

— Мы похожи на зомби. — сказала Камилла.

— На раненых зомби. — поправил Лоренцо.

— Это лучше?

— Нет.

— Тогда заткнись и маши.

Прошло полчаса. Сорок минут. Час.

Алессандро прислонился к придорожному столбу, закрыл глаза. Он уже не чувствовал боли — только пульсирующую пустоту внутри.

— Мы его теряем. — прошептала Камилла Лоренцо.

— Всё будет хорошо, — ответил Лоренцо. — Просто надо найти способ дозвониться Винченцо...

Она подошла к краю дороги, подняла руку. Машина пронеслась мимо, обдав её грязной водой.

— Сука! — крикнула она вслед.

— Ты не помогаешь. — заметил Лоренцо.

— Правда? Так возьми и покажи, как надо! Ах, точно, ты делал это час, умник. А мы всё ещё здесь!

Он подошёл к ней, встал рядом.

— Улыбайся.

— Чего?

— Включай свои женские чары. Мы — безобидные туристы, у которых сломалась машина.

— У нас нет машины, гений.

— Ну они же не знают.

Следующая машина затормозила. Старый потрёпанный микроавтобус. Из окна высунулся водитель — лысый, с щетиной, в грязной футболке.

— Вам куда?

— До города, — сказал Лоренцо. — Мы попали в аварию. Нам нужен врач.

— А это кто? — водитель кивнул на Алессандро.

— Наш друг. Он ранен.

— Полицию вызывали?

— Нет связи.

— Садитесь.

Лоренцо и Камилла затащили Алессандро в салон. Микроавтобус пах псиной и сигаретами. На полу валялись пустые банки и газеты.

— Спасибо. — сказала Камилла.

— Не благодари, — ответил водитель. — Я вас до поста ГАИ довезу. Дальше сами.

— Нам нужна больница. Частная.

— Денег нет?

— Есть.

— Тогда «Медицина», на окраине. Там без документов принимают. Если деньги есть.

Лоренцо кивнул.

Они въехали в город. Фонари мелькали за окнами, как сбитые звёзды. Алессандро потерял сознание — или просто закрыл глаза. Камилла не стала его будить.

У поста ГАИ они вышли. Лоренцо дал водителю несколько купюр.

— Теперь идём пешком? — спросила Камилла.

— Нет, подожди я быстро заряджу телефон на посту.

После десяти минут Лоренцо вышел из маленького здания и набрал номер Винченцо. Тот ответил после первого гудка.

— Вы где?

— В Москве. У поста ГАИ на окраине. Алессандро ранен, нужен врач.

— Врач есть. Марко тоже ранен. Он в коме.

Лоренцо зажмурился.

— Адрес клиники.

— «Медицина», знаешь?

— Уже знаю. Скоро будем.

Они поймали такси. Доехали до клиники. Там их ждал Винченцо — мрачный, осунувшийся, но живой.

— Врач на месте, — сказал он. — Алессандро — в операционную. Остальные — за мной.

Алессандро увезли. Камилла смотрела ему вслед, чувствуя, как к горлу подкатывает комок.

— Вытащите его. — прошептала она.

Дверь операционной закрылась.

Камилла сидела на пластиковом стуле в коридоре, прижав колени к груди. Лоренцо стоял у окна, смотрел на серое московское небо. Винченцо — на стуле напротив, его глаза были красными, опухшими.

Операция длилась два часа.

Когда дверь открылась, все трое вскочили.

— Жить будет, — сказал врач, устало стягивая перчатки. — Пуля задела плечо, но кость цела. Наложили швы, ввели антибиотики. Если не подхватит инфекцию — через пару недель забудет.

Алессандро перевезли в палату. Он спал — или был без сознания, Камилла не могла различить. Его лицо было бледным, а под глазами залегли тени.

— Мы должны вернуться в Италию. — сказал Лоренцо, когда они вышли в коридор.

— Как? — спросил Винченцо. — Марко в коме, Алессандро без сознания. Нас четверо, а по сути — двое с половиной, без обид, Камилла.

— Я позвоню своим людям, — Лоренцо достал телефон. — У нас есть частный медицинский борт. Погрузим обоих с койками, с капельницами. Врач полетит с нами.

— У тебя всегда есть борт на такой случай? — усмехнулась Камилла.

— У меня есть план на каждый случай. — ответил Лоренцо, набирая номер.

Он говорил быстро, короткими фразами — координаты, время, количество человек, оборудование. Камилла не вслушивалась в слова, смотрела на дверь палаты, где лежал Алессандро.

— Через четыре часа самолёт будет на аэродроме. — сказал Лоренцо, закончив звонок.

— Четыре часа? — переспросил Винченцо. — А до этого?

— До этого мы грузим больных и ждём.

Они перевезли Марко и Алессандро в машины скорой. Камилла села рядом с Алессандро, держала его за руку всю дорогу до аэродрома. Он не приходил в себя, но иногда сжимал пальцы — не то в ответ, не то в бреду.

— Мы летим домой, — прошептала она. — Слышишь? Домой.

Самолёт оказался небольшим — медицинский «Лирджет», переоборудованный под носилки. Внутри тесно, пахло антисептиком и кожей. Марко закрепили на специальной койке, подключили к аппарату ИВЛ. Алессандро — рядом, тоже на каталке, с капельницей.

— Врач на месте? — спросил Лоренцо у пилота.

— Врач и медсестра. Оборудование всё. Через три часа будем в Милане.

— Вылетайте.

Самолёт вырулил на взлётную полосу. Камилла пристегнулась, сжала подлокотники. Лоренцо сидел рядом, его лицо было спокойным, но она видела, как его пальцы сжимают планшет почти до треска.

— Ты боишься летать? — спросила она.

— Нет, — ответил он. — Я боюсь не успеть.

— Что ты имеешь в виду?

— Милена там одна. С отцом. Каждый день, который мы тратим на перелёты и лечение — она проводит в аду.

— Она сильная. — сказала Камилла.

— Я знаю. Но даже сильные ломаются.

Самолёт оторвался от земли.

Камилла смотрела в иллюминатор на огни Москвы — сначала яркие, потом всё мельче и мельче, пока не превратились в крошечные точки.

— Боже, хоть бы она была жива. — прошептала она.

— Будет, — сказал Лоренцо, накрывая её руку своей. — Мы вернёмся.

Она посмотрела на него.

— Откуда ты знаешь? А если Марко не очнётся, а если...

— Потому что я не дам ей там сдохнуть! Я обещал, Алессандро. Самолёт приземлился на рассвете.

Итальянское небо было розовым, облака низкими. Камилла не спала всю дорогу — смотрела на Алессандро, слушала, как он дышит. Равномерно. Глубоко. Он выжил.

Машины скорой ждали у трапа. Марко и Алессандро перегрузили в них, повезли в частную клинику, где лечились де Лука. Врачи уже были в курсе — Лоренцо обзвонил их ещё в воздухе.

Камилла осталась в пустом самолёте на несколько минут. Она сидела в кресле, сжимая в руке кулон-ключ. Металл нагрелся от её пальцев, но она всё равно чувствовала его холод — тот, что внутри, который нельзя согреть.

Перед глазами всё ещё стояло лицо Милены. Не то, каким она была в последний раз — испуганное, но решительное. А другое. Три года назад. Они сидели на крыше в Москве, пили дешёвое вино из горла и смеялись над тем, что завтра, возможно, их убьют. Милена тогда сказала: «Если я умру, похорони меня там, где солнце». Камилла спросила: «Почему?» А Милена ответила: «Потому что я всю жизнь жила в темноте».

Камилла закрыла глаза.

— Ты не умрёшь, — прошептала она. — Ты не имеешь права. Только не там. Только не в этом подвале.

Глава 27

Подвал.

Я не спала нормально уже третьи сутки.

Глаза слипались, но стоило закрыть их — передо мной вставали лица. Те, кого я убила. Особенно тот парень. Семнадцать лет. Я снимала с него мешок и видела, как его глаза — ещё детские, с ещё не погасшим светом — смотрели на меня с надеждой. Он думал, что я отпущу его. Он думал, что я не такая, как все.

Но я оказалась такой же.

Рука на животе. Там, где по словам матери, теплилась жизнь. Я не чувствовала её — ни толчков, ни шевелений. Слишком рано, но я знала, что теперь я не одна. И это знание давало силы, которых у меня не было раньше. Силы, чтобы терпеть. Силы, чтобы не сломаться. Силы, чтобы однажды взять пистолет и выстрелить в отца.

Утром за мной пришли раньше обычного.

Охранники — новые, те, кого я ещё не запомнила в лицо — зашли в камеру, грубо подняли с койки. Мать проснулась, закричала, но её оттолкнули к стене.

— Не трогайте её! — заорала я.

Они не слушали. Меня выволокли в коридор, протащили по бетонному полу, втащили в тир.

Волков стоял у стола. На столе — пистолет. Как всегда.

Посередине комнаты, на коленях, стояла женщина. С мешком на голове, её плечи дрожали. Она плакала — я слышала тихие, сдавленные всхлипы. Может, она была матерью. Может, дочерью. Может, у неё дома остались дети, которые ждали её...

— Сегодня особенный день, — сказал Волков. Его голос звучал спокойно, будто он говорил о погоде. — Ты убьёшь её. И станешь свободной.

— От чего? — спросила я.

— От слабости.

Я посмотрела на женщину. Потом на отца.

— Нет.

Он прищурился. Я видела, как дёрнулся его глаз — так бывало всегда, когда он злился, но старался этого не показывать.

— Что ты сказала?

— Я сказала — нет. Я больше не буду убивать.

— Ты думаешь, у тебя есть выбор?

— Выбор есть всегда. — я посмотрела ему в глаза. Вспомнила Алессандро и его слова. «Ты сильнее, чем думаешь».

Он подошёл ко мне вплотную. Его лицо в миллиметре от моего. Пахло от него виски, табаком и чем-то ещё — старой кровью.

— Ты забыла, что я сделаю с твоей матерью, если не подчинишься?

— Не забыла, — я не отвела взгляда. — Но если я убью ещё одного невинного человека — я перестану быть собой. А если я перестану быть собой, то зачем мне вообще жить? Я стану тобой. А тебя я ненавижу.

Волков смотрел на меня долгую минуту.

— Ты слаба, Милена.

— Нет, — сказала я. — Я стала сильной. Потому что я поняла, кем хочу быть. И это не твоё оружие. Не твоя марионетка. Не твоя дочь.

Он развернулся и вышел из тира. Дверь за ним захлопнулась. Я подумала, что победила, но победа была недолгой.

В камеру я вернулась одна. Охранники остались снаружи. Я прислонилась спиной к холодной стене, закрыла глаза, пытаюсь унять дрожь. Мать сидела на койке. Она смотрела на меня с неприкрытым ужасом.

— Что случилось? — спросила она. — Ты выглядишь так, будто...

— Я отказалась, — сказала я. — Я сказала ему нет.

Мать побледнела. Ещё сильнее, чем была.

— Милена... зачем?

— Потому что я не хочу быть монстром.

— Он убьёт тебя.

— Пусть.

Она встала, подошла ко мне, обняла. Её руки были холодными, тонкими, костлявыми. Пахло от неё сыростью и потом — пятнадцать лет в подвале не прошли даром.

— Я не позволю ему убить тебя, — прошептала она. — Ты слишком долго ждала свободы.

И она заплакала. Я чувствовала, как её плечи трясутся, как слёзы каплют мне на макушку, но в этот момент дверь открылась.

Волков вошёл с двумя охранниками.

— Увести. — сказал он, кивнув на мать.

— НЕТ! — я бросилась вперёд, но меня схватили за руки, заломили их за спину.

Мать не сопротивлялась. Она смотрела на меня — спокойно, будто знала, что это случится.

— Всё будет хорошо. — сказала она.

— Не делайте этого! — закричала я. — Отец, пожалуйста! Я сделаю всё, что ты скажешь! Только не трогай её!

— Уже поздно. — ответил он.

Охранники вывели мать. Я слышала, как её шаги затихают в коридоре. Потом — лязг цепей в соседней камере. Я упала на пол, разбила колени, но не почувствовала боли. Волков присел передо мной. Взял за подбородок и поднял голову.

— Ты хотела быть сильной? — сказал он. — Будь. Но теперь ты будешь смотреть, как она гниёт заживо. Может, это научит тебя послушанию.

Он ушёл.

Я осталась одна, но ждала, потому что у меня созрел план. Сидела на койке, обхватив колени, и слушала. Смена караула — в полночь. Я изучила график за эту неделю. У каждого охранника была слабость. Один — тот, что дежурил в восточном крыле, — всегда курил в туалете по двадцать минут. Я слышала, как он кашляет за тонкой дверью. Второй — тот, что сидел у основного поста, — спал стоя. Я видела, как его голова клонится вперёд, как он открывает рот и выдыхает тихий, присвистывающий храп. Третий — тот, что заступал в полночь, — всегда проверял камеры в подвале, прежде чем закрыть дверь. У меня было три минуты, пока он шатался по коридорам с планшетом в руках.

Три минуты, чтобы освободить мать.

Три минуты, чтобы выжить.

Я вытащила из-под койки пистолет. Тот самый, который спрятала после очередной стрельбы в тире. Я забила его в щель между стеной и старой пружинной сеткой. Надеюсь, что не найдут.

Металл был холодным. Я сжала рукоять, почувствовала привычную тяжесть. Я выскользнула в коридор. Спина прижата к стене. Шаг. Ещё шаг. Дыхание — через рот, чтобы не сопеть. Пистолет наготове.

Охранник, который спал стоя, даже не вздрогнул, когда я прошла мимо. Его рот был открыт, из уголка губ тянулась ниточка слюны. Охранник в туалете — я слышала, как он каш-

ляет за дверь, как спускает воду. До камеры матери оставалось два коридора. Я уже видела дверь, но тут свет включился.

Яркий, ослепительный — до боли в глазах. Я зажмурилась, отшатнулась.

— Стоять. — голос отца ударил по спине.

Я замерла.

Он вышел из тени. В руке — пистолет.

— Ты думала, я не знал? — сказал он. — Ты думала, я поверю, что ты сдалась?

— Я никогда не сдаюсь. — сказала я, поднимая пистолет.

— Убей меня, — он усмехнулся. — Убей, и твоя мать умрёт вместе со мной. Я приказал — если со мной что-то случится, её сердце остановится через минуту. У меня есть люди, которые ждут только сигнала.

Я сжала пистолет.

— Ты врёшь.

— Проверь.

Мы смотрели друг на друга.

Я видела его глаза — холодные, пустые, в которых не было ничего человеческого. Только расчёт и власть. В этот момент я услышала шаги из-за спины отца.

Мать.

Её волокли двое охранников. Она была бледная, как бумага. На её запястьях — цепи, которые тянулись к стене, но теперь их держали в руках конвоиры.

— Я хотел, чтобы ты видела, — сказал Волков. — Видела, что бывает с теми, кто идёт против меня.

Он вскинул пистолет. Я не знала, в кого он целится. В мать или меня?

Время замедлилось. Я видела, как его палец ложится на спусковой крючок, как напрягается мышца на виске. Моя мать открывает рот, чтобы крикнуть.

Я сделала шаг вперёд. Заслонить её...

Выстрел.

Италия. День пятый после возвращения.

Камилла сидела у постели Алессандро, сжимая его руку. Он спал — или был без сознания, она не могла различить. Лицо его было бледным, под глазами залегли тени, губы потрескались. Рана на плече, зашитая грубыми стежками, воспалилась — врачи кололи антибиотики каждые четыре часа.

— Ты должен встать, — прошептала она. — Она там одна. Ты обещал.

Алессандро не отвечал. Камилла смотрела на монитор, где пульсировала зелёная линия — его сердце.

За окном моросил дождь. Итальянский дождь — тёплый, ленивый. Таким он был и тогда, когда они только приехали сюда впервые. Тогда всё было по-другому.

— Ты слышишь меня? — спросила Камилла. — Она ждёт. Я знаю, что ждёт. Она не сдаётся никогда. Даже когда всё плохо. Даже когда кажется, что выхода нет.

Пальцы Алессандро дрогнули.

Камилла замерла.

— Алессандро?

Он открыл глаза. Мутные, воспалённые, но живые.

— Где... Марко? — прохрипел он.

— В реанимации. Всё ещё в коме.

— Винченцо?

— Рядом с ним. Не отходит.

— Лоренцо?

— В серверной. Работает над планом.

Алессандро попытался сесть, но тут же упал обратно на подушки. Его лицо исказилось от боли.

— Лежи, — сказала Камилла. — Ты потерял много крови. Врач сказал — неделя покоя.

— У нас нет недели.

— Тогда умирай, — она не сдержалась. — Умирай здесь, в тёплой постели, пока она там гниёт в подвале.

Алессандро посмотрел на неё. Долго. Тяжело.

— Помоги мне встать. — сказал он.

Камилла подала ему руку.

Он встал. Ноги дрожали, лицо побелело ещё сильнее, но он стоял.

— Веди меня к Лоренцо.

Лоренцо сидел перед тремя мониторами, пальцы летали по клавиатуре. На экранах мелькали схемы особняка Волкова, спутниковые снимки, графики охраны.

— У них новая система защиты, — сказал он, даже не обернувшись. — Но есть брешь. Старый подземный ход, по которому мы входили в прошлый раз. Они его замуровали, но не до конца.

— Как мы пройдем? — спросил Алессандро, опираясь на косяк.

— С другой стороны леса. Через дренажную систему. Я нашёл старые карты — там есть лаз, который не отмечен в их документах. Если прорвёмся — будем в подвале за десять минут.

— Сколько людей?

— Двадцать. Наёмники из Чечни. Волков с ними не работал, они ему не знакомы. Дорого, но надёжно.

— Когда?

— Самолёт через два дня. Если ты будешь в состоянии...

— Буду.

Они посмотрели друг на друга. Лоренцо не спрашивал, как он себя чувствует. Он видел.

— Марко? — спросил Алессандро.

— Врачи говорят, что он слышит, но не может ответить.

— А если не очнётся?

— Очнётся. — сказал Винченцо, входя в серверную. Он выглядел так, будто не спал неделю. Глаза ввалились, на скулах залегла тень.

— Ты останешься с ним? — спросил Алессандро.

— Нет, — Винченцо покачал головой. — Я лечу с вами.

— Он нуждается в тебе.

— Он нуждается, чтобы мы привезли Милену. Это единственное, что может его разбудить.

Алессандро кивнул.

— Тогда вчетвером и двадцать чеченцев. Должно сработать.

Ночь перед вылетом.

Камилла не спала. Она стояла на балконе — того самого, откуда они когда-то смотрели на звёзды с Миленой. Тогда всё казалось возможным, тогда они верили, что победят.

Лоренцо подошёл к ней.

— Ты боишься? — спросил он.

— Да, — ответила она. — Я боюсь, что мы опоздаем.

— Не опоздаем.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что Миленка — самая упрямая девчонка, которую я встречал, — сказал Лоренцо. — Она будет ждать. Даже если ей придётся пройти через ад.

— Она уже прошла через ад.

Камилла повернулась к нему.

— Ты обещаешь мне, что мы её вытащим?

— Обещаю.

Он обнял её. Она уткнулась лицом в его плечо. Плакать не хотелось — слёзы кончились.

— Лоренцо?

— Мм?

— Если она умрёт... я не знаю, что буду делать.

Москва. Особняк Волкова.

Ночь была чёрной — ни луны, ни звёзд. Ветер гнал по земле пожухлые листья, они шуршали под ногами, как предупреждение.

Двадцать человек рассредоточились по периметру. Алессандро стоял у ограды, вглядываясь в освещённые окна особняка. Его плечо болело — пульсирующая, ноющая боль, от которой он уже привык не морщиться.

— Лоренцо, статус? — спросил он в рацию.

— Камеры глушу. У вас пятнадцать минут, пока система не восстановится.

— Хватит.

Они вошли через подземный ход — тот самый, который Лоренцо нашёл на картах. Внутри особняка было тихо. Слишком тихо.

— Думаю, опять ловушка. — сказал Винченцо, держа пистолет наготове.

— Всё может быть, но выбора нет. — ответил Алессандро.

Они двинулись к залу Совета. Охрана была — но не там, где ожидали. Алессандро отстреливался, прикрывая братьев. Бойня была жёсткой, но в это время Камилла бежала в подвал, туда, где держали Милену.

Подвал встретил её запахом сырости и крови.

— Милена! — крикнула она.

Тишина.

Она обыскала каждую камеру, каждую комнату, каждый угол. Пусто. Девушка упала на колени посреди коридора.

— Её нет, — сказала она в рацию. Голос сорвался. — Её нет здесь.

— Поднимайся к нам, — ответил Лоренцо. — Мы в зале.

В зале Совета было пусто. Только один человек стоял во главе стола. Викторий Волков.

— Здравствуй, Алессандро. — сказал он.

— Где Милена? — спросил Алессандро, наставляя на него пистолет.

— А где, по-твоему? — Волков усмехнулся. — Она была непослушной. Я пытался её перевоспитать, но она... сломалась.

— Что ты сделал?

— То, что должен был сделать отец, — Волков пожал плечами. — Она отказалась убивать. Слишком мягкая стала. Я забрал её мать. А Милена... попыталась её освободить.

— И?

— Я выстрелил, — Волков развёл руками. — Не хотел, но пришлось.

— Ты убил её?

— Обоих, — Волков посмотрел ему прямо в глаза. — Они слишком плохо себя вели. Я выкинул тела в Москву-реку. Утром. Думаю, уже доплыли до центра. Хочешь устроить поминки? Могу дать денег.

Алессандро опустил пистолет.

— Алессандро? — позвал Лоренцо.

Он не ответил. Он подошёл к Волкову. Каждый шаг давался с трудом — плечо болело, ноги подкашивались, но он шёл.

Волков смотрел на него и улыбался.

Алессандро взял его за горло.

— Ты убил её, — сказал он. — Ты убил единственное, что у меня было!

— Она была моей дочерью. — прохрипел Волков.

— Она была моей жизнью! — крикнул он.

Алессандро ударил.

Первый удар — в челюсть. Волков упал на колени.

Второй — в нос. Хруст костей, кровь брызнула на мраморный пол.

Третий — в глаз. Волков заорал.

Алессандро бил. Снова. Снова. Снова.

Его кулаки превратились в кровавое месиво. Кровь заливала лицо Волкова — его уже нельзя было узнать. Челюсть сломана, нос расплюсчен, глаз заплыл.

— Алессандро, хватит! — крикнул Лоренцо.

— Он убил её! — закричал Алессандро, не останавливаясь.

— Мы не знаем, правда ли это!

Алессандро замер.

Он стоял над телом Волкова — ещё дышащим, но уже почти мёртвым. Его руки тряслись. Вся одежда была в крови.

— Обыщите дом, — сказал он. — Найдите её. Живую или мёртвую.

Они обыскали каждый угол. Подвал, камеры, комнаты, чердак. Ничего. Только кровавые пятна в одной из камер и цепи на стене.

Камилла сидела на полу, сжимая кулон-ключ.

— Её нет. — прошептала она.

— Он сказал правду. — сказал Винченцо.

— Нет, — ответил Алессандро. — Этого не может быть! Всё не могло так закончиться!

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я чувствую, — он прижал руку к груди. — Она жива. Я знаю.

Волков лежал на полу, издавая хриплые, булькающие звуки.

— Уведите его, — сказал Алессандро. — Он ответит за всё. По-настоящему.

Спойлеры в моём тгк: [nas_divaa](#)

Глава 28

Италия.

Он сидел в кресле у окна уже третий час. За стеклом — итальянский вечер, золотистый, тёплый. Шторы были открыты, но Алессандро не смотрел на закат. Он смотрел в одну точку на горизонте, где небо встречалось с землёй, и думал о ней.

Он не помнил, когда спал в последний раз, ведь время для него потеряло смысл. Было только «до неё» и «после». А сейчас — пустота, которая гудела в груди так сильно, что иногда он сжимал рёбра руками, пытаясь остановить эту боль.

На самом деле, до неё он был никем.

Звучит странно для того, чьё имя заставляло дрожать пол-Италии. Дон де Лука. Непобедимый и неприкасаемый.

Ведь власть не греет. Деньги не пахнут. Приказы — просто слова, которые забываешь, как только они слетают с губ.

Он пробовал всё. Наркотики — дорогие, редкие. Они давали забытие на час, на два. Алкоголь — лучший, выдержанный. Он топил боль, но не убивал её. Ни одно вещество в мире не давало ему того, что дала она. Просто посмотрев на него через зал.

Он не знал, что такое настоящий кайф, пока не почувствовал её губы на своих. Пока не услышал, как она шепчет его имя во сне. Пока не проснулся и не понял, что больше не хочет никуда уходить. Ничто не сравнится с тем, как она сжимала его руку в темноте. Как говорила: «Я люблю тебя». Как оставалась, когда другие сбегали.

Он встал. Подошёл к окну. Прижался лбом к холодному стеклу.

— Без тебя я и вправду никто. — сказал он в пустоту.

Везде пахло ею. Сладким, чуть горьковатым ароматом, который остался на подушках, на простынях, на его одежде. Он вдыхал этот запах и чувствовал, как внутри что-то умирает.

В дверь постучали.

— Алессандро? — голос Лоренцо. — Винченцо вернулся. Волков в подвале. Нужно его допросить.

Алессандро закрыл глаза.

— Идите без меня. — сказал он.

— Без тебя он не говорит.

— Тогда бейте, пока не заговорит.

— Алессандро...

— Я сказал — без меня! — он ударил кулаком по подоконнику.

— Хорошо, — Лоренцо отошёл от двери. — Но если ты не придёшь, мы никогда не узнаем, где она.

Алессандро остался один. Он смотрел на сад, где они гуляли с ней. На старый дуб, под которым он сделал ей обещание. Всё это было и вдруг исчезло.

Он повернулся и медленно пошёл к двери, потому что если есть хоть один шанс, что она жива — он должен его использовать. Даже если для этого придётся смотреть в глаза человеку, который её убил.

Милена

Она не помнила, как оказалась в багажнике.

Сначала была вспышка, свет. Потом — темнота и боль — такая, что мир схлопнулся до одной точки в затылке. А потом — гул мотора. Грубый, натужный, будто машина ехала по разбитой дороге. Сознание возвращалось рывками. Каждый толчок колеса отдавался в голове новой волной тошноты.

Я попыталась открыть глаза — веки были тяжёлыми, свинцовыми. В багажнике было темно, тесно, пахло бензином, грязной тканью и кровью, моей кровью. Она засохла на виске, стягивала кожу коркой, смешивалась с пылью.

— Милена, — голос мамы. Испуганный, но живой. — Дочь, очнись, прошу тебя...

Я повернула голову. Боль прострелила шею, позвоночник, заставила закусить губу. Мать лежала рядом. Её лицо было бледным, перепачканным в грязи, с запёкшейся кровью на плече. Там, где пуля вошла. Рану наспех перевязали — грубой тряпкой, которая уже пропиталась красным.

— Ты жива. — прошептала я.

— Жива, — она сжала мою руку. — А ты... ты была без сознания. Я думала, ты...

— Где мы?

Мать посмотрела вверх, на глухую стенку багажника.

— В машине. Они закинули нас сюда. Сказали — избавиться. Я слышала, как они говорили между собой. Про «приказ». Про «реку».

— Сколько их?

— Двое. Один за рулём, второй... второй в кабине с ним.

— Оружие?

— Не знаю. Когда они закидывали тебя, я видела пистолет у одного.

Голова гудела. Воспоминания возвращались кусками — выстрел, мать падает, отец с пистолетом, темнота. Потом — удар по голове сзади. Я не успела ничего понять — только взрыв боли и провал.

— Помоги мне сесть. — сказала я.

Мать поддержала меня. Голова закружилась, перед глазами поплыли красные круги. Я прижалась спиной к холодному металлу и начала шарить руками по полу багажника.

— Надо выбирать. — прошептала я.

— Как? — мать смотрела на меня расширенными глазами. — У нас нет оружия. Нас двое, их — двое. Мы даже не знаем, где мы.

— Я знаю, — я посмотрела на неё. — Но надо попробовать, буду надеяться что замок не сильный.

— Ты хочешь выбить дверь? На ходу?

— А у нас есть другой вариант?

Мать замолчала. Я начала шарить руками по полу багажника в поисках чего-нибудь тяжёлого. Инструмент, запаска, монтировка — в старых машинах всегда что-то было. Пальцы нащупали что-то металлическое, длинное. Баллонный ключ. Он лежал под куском грязной тряпки, прижатый к стенке.

— Что ты задумала? — мать испуганно смотрела на мои руки.

— Сейчас узнаешь.

Я подползла к задней двери, нащупала замок с внутренней стороны. Старый, ржавый — такие часто ставили на советских машинах. Я вставила баллонный ключ в щель между дверью и кузовом, нажала.

— Что ты делаешь? — мать не понимала.

— Взламываю. — ответила я.

Ещё одно движение и... замок щёлкнул.

— Когда я скажу, закрой глаза и пригнись.

— Милена...

— ЗАКРОЙ!

Я толкнула дверь ногой. Она распахнулась, впуская внутрь холодный ночной воздух.

— ПРЫГАЙ!

Мать не закричала. Она просто закрыла глаза и прыгнула. За ней — я.

Моё тело ударилось о землю, покатилося по шершавому асфальту, сдирая кожу с рук, с ног, с лица. В лёгких кончился воздух. Я несколько секунд лежала, глядя в небо, и не понимала, жива ли.

Потом услышала мать.

— Милена! — она звала меня. — Милена, вставай!

Я вскочила. Машина ушла вперёд, завизжала тормозами. Выстрелы — в воздух.

— БЕЖИМ!

Мы побежали в лес. Сзади слышались голоса, топот, но мы не оборачивались. Ветки хлестали по лицам, корни норовили сбить с ног. Я бежала, не чувствуя боли, не чувствуя страха — только одно: нужно уйти. Нужно спасти её. Нужно спасти ребёнка.

Мы бежали долго. Может, час. Может, два. Когда голоса стихли, я упала на колени, прижимаясь спиной к сосне.

Мать стояла рядом, тяжело дыша, прижимая руку к раненому плечу.

— Они... отстали? — прошептала она.

— Похоже, — я посмотрела на неё. — Как ты?

— Жива.

— А плечо?

— Кровь почти не идёт.

Я разорвала подол своей рубашки, перевязала рану. Пальцы дрожали, но я справилась.

— Надо идти дальше, — сказала я. — Нужно найти дорогу, деревню, людей. Отец не остановится.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он не проигрывает.

Мы шли через лес. Ночь была тёмной — ни луны, ни звёзд. Я держала мать за руку, чтобы не потерять её в темноте. Мы шли молча, только тяжёлое дыхание и треск сучьев под ногами. Через несколько часов лес начал редеть, впереди показались огни.

Маленькая деревня. Несколько домов, покосившиеся заборы, один фонарь на столбе.

— Туда. — сказала я.

Мы подошли к крайнему дому и я постучала. Дверь открыла женщина — пожилая, с добрыми глазами, в цветастом платке.

— Здравствуйте, что-то случилось? — спросила она.

— Нам нужна помощь, моя мама ранена. Мы сбежали... от плохих людей.

Женщина посмотрела на нас, на наши лица в синяках, на окровавленную одежду. Потом отступила в сторону.

— Заходите, дочь, — сказала она. — У нас врач в деревне есть. Подожди, я позову.

Я ввела мать внутрь. В доме пахло хлебом и травами. Помогла матери сесть на лавку, сама опустилась рядом.

— Мы живы, — прошептала я. — Мы живы.

Мать сжала мою руку.

— Ты спасла нас, доченька.

Я положила руку на живот.

— Я спасала не только нас.

Италия. Подвал особняка.

В подвале было холодно и сыро. Викторий сидел на железном стуле, прикованный наручниками к подлокотникам. Лицо его превратилось в сплошной синяк — следы ударов Алессандро. Глаза заплыли, губы распухли, но он улыбался. Улыбался даже сейчас.

Винченцо стоял у стены, сжимая пистолет. Лоренцо сидел за столом, перед ним — ноутбук, включённая запись.

— Он придёт? — спросил Волков, не открывая глаз. Голос был хриплым, с присвистом.

— Жди. — ответил Винченцо.

— Я и так жду. Уже сколько дней. А он всё не идёт. Боится?

— Он не боится никого.

— А себя? — Волков открыл один глаз, здоровый, почти не тронутый. — Он боится себя? Боится того, что она умерла по его вине?

Винченцо шагнул вперёд, занёс кулак.

— Не трогай, — Лоренцо остановил его. — Он хочет, чтобы ты его бил. Тогда он закроется.

— Умный мальчик, — Волков усмехнулся. — Твой друг. Всегда был умным. Это он придумал, как вы меня взяли?

— Это неважно. — сказал Лоренцо.

— А что важно?

— Где Милена.

Волков замолчал. В этот момент дверь открылась.

Алессандро вошёл медленно, будто каждое движение давалось ему с трудом. Он был бледен, под глазами — тени. На нём была та же рубашка, что и два дня назад, мятая, с пятнами крови — чужой, не своей. Он не смотрел на Волкова, а смотрел в пол.

— Все выйдите. — сказал он.

— Алессандро... — начал Лоренцо.

— Выйдите. Я сказал.

Лоренцо и Винченцо переглянулись потом встали и вышли. Дверь закрылась. В подвале остались двое. Дон де Лука и Пахан.

Алессандро подошёл к Волкову, сел напротив, посмотрел ему в глаза.

— Где она? — спросил он. Голос был тихим, почти шёпотом.

— Ты уже спрашивал, — Волков усмехнулся. — Я уже отвечал.

— Ты сказал, что убил её. Я не верю.

— Не веришь — ищи.

— Я ищу, — Алессандро наклонился ближе. — Я перевернул весь дом. Обыскал каждый угол. Там нет её тела.

— Я сказал — река.

— В реке нет её тела. Мои люди проверили берег пять километров в обе стороны.

Волков замолчал. Впервые за всё время улыбка сползла с его лица.

— Ты не нашёл? — переспросил он.

— Ничего.

Волков смотрел на него. В его глазах появилось то, чего Алессандро не видел раньше. Не страх. Не надежду. Что-то другое.

— Значит она жива. — вдруг сказал Волков. Тихо, будто самому себе.

— Что?

— Моя дочь... она жива.

Алессандро сжал кулаки.

— Ты... ты издеваешься надо мной?! Тогда где она?

— Не знаю, — впервые Волков говорил честно. — Я отдал приказ. Мои люди должны были доставить их туда, но они не выходили на связь.

Алессандро смотрел на него. Искал ложь.

— Если ты врешь...

— Не вру. — перебил Волков.

Алессандро встал, подошёл к стене, ударил по ней кулаком.

— Ты убил её мать.

— Я ранил, — Волков поправил. — В плечо. Хотел, чтобы Милена видела, но не убивал.

— Ты чудовище.

— Я игрок. И я проиграл, признаю, но Совет паханов это так просто не оставит, знай это. Алессандро смотрел на него долгую минуту, а потом вышел, без слов.

Россия. Деревня. Тот же вечер.

В доме пахло хлебом и травами. Я сидела на лавке, прижимая к себе мать. Она дремала — потеря крови, усталость, боль. Рану перевязали. Врач — пожилой мужчина с добрыми глазами — сказал, что кость не задета, но нужен покой.

Я сидела и смотрела в окно, за ним темнело. Второй вечер в этой деревне.

Мы не звонили и не выходили на связь. Боялись, что отец отследит, но я думала о нём.

Об Алессандро.

— Он ищет тебя. — сказала мать, не открывая глаз.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он любит тебя.

— Скоро, — прошептала я. — Я скоро вернусь, просто подожди.

В дверь постучали и я напряглась. На пороге стояла та самая женщина — пожилая, в платке. В руках — миска с горячим супом.

— Поешь, дитя, — сказала она. — Силы нужны.

— Спасибо. — я взяла миску.

— И вот, — она достала из кармана старенький мобильный телефон. — Мой внук оставил. Не знаю, работает ли, но если вам надо позвонить...

Я смотрела на телефон, потом на мать.

— Позвони ему, — сказала мама. — Он ждёт.

Я взяла телефон, мои пальцы предательски дрожали. Смотрела на телефон в своей руке.

Старый, потрёпанный, с треснутым экраном, но он мог связать меня с ним.

— Ты дрожишь. — сказала мать.

— Боюсь. — призналась я.

— Чего?

— Что услышу его голос и не смогу сказать то, что должна.

— Сможешь, — мать сжала мою руку. — Ты сильная.

Я глубоко вздохнула и нажала на зелёную кнопку.

Гудки.

Один. Два. Три...

— Алло? — его голос. Хриплый, сломленный, будто он не спал неделю. — Милена? — вдруг спросил он. С надеждой, которая разрывала его изнутри. — Милена, это ты?

— Я, — слёзы хлынули сами собой. — Я здесь. Я жива.

Тишина.

Я слышала, как он дышит. Тяжело, прерывисто, потом — всхлип. Такой, который он не смог сдержать.

— Боже, — выдохнул он. — Боже, Милена...

— Я жива. — повторила.

— Где ты? — его голос дрожал. — Скажи где, я вылечу сейчас же, я...

— Подожди, — я вытерла слёзы, хотя они не кончались. — Сначала скажи мне. Что с Волковым?

— Жив. В подвале. Я не тронул его. Думал, ты захочешь...

— Убей его, — перебила я. — Сегодня, не завтра. Он не должен жить, Алессандро.

— Хорошо, — сказал он. — Я сделаю, но скажи, где ты, прошу тебя.

— Не могу.

— Почему?!

— Потому что Паханы будут мстить, — я говорила, сжимая телефон так, что пальцы побелели. — Ты же знаешь, Волков был их главой, если я появлюсь, они придут за мной и за тобой.

— Я справлюсь с ними!

— Я знаю... знаю, что справишься, но пока ты будешь с ними справляться, я буду мишенью. Наш ребёнок будет мишенью, Алессандро.

На другом конце повисла тишина.

— Ребёнок? — его голос упал до шёпота. — Ты... ты беременна?

— Да, у нас будет ребёнок.

— Боже, — выдохнул он. — Боже, Милена... я не знаю, что сказать...

— Скажи, что будешь ждать.

— Ты с ума сошла?! — вдруг закричал он. — Как я могу ждать, зная, что ты где-то там, одна, с ребёнком? С ребёнком, который и мой тоже!

— Алессандро...

— Ты в безопасности? — перебил он. — С тобой всё хорошо? Ты не ранена? Врач смотрел тебя? И ребёнка? Всё в порядке?

Я слышала, как он мечется по комнате, как тяжело дышит. Как пытается взять себя в руки и не может.

— Мы в порядке, — сказала я. — Мать со мной. Ранена, но врач перевязал. Меня только ударили по голове. Всё остальное — ссадины.

— Только ударили по голове?! — его голос сорвался. — Милена, это серьёзно!

— Врач осмотрел, — сказала я. — Сказал, что надо отдыхать. Всё будет хорошо.

— Какой врач? Где вы? Как он вас осматривал, если у вас ничего нет?!

Я не выдержала. Слезы текли по лицу, я не могла их остановить.

— Не знаю, — прошептала я. — Нас приютили добрые люди. Врач из деревни. Старый, но умелый. Он сделал всё, что мог.

— Милена... — его голос дрогнул. — Пожалуйста, скажи, где вы. Я пришлю врача. Своих людей. Я...

— Нет, — я покачала головой, хотя он не видел. — Если ты пришлешь людей, нас найдут и тогда всё будет зря. Все наши жертвы будут зря.

— Я не могу потерять тебя, — сказал он. — Не могу потерять вас обоих.

— Не потеряешь, — я вытерла слёзы. — Но ты должен сделать то, о чём я прошу. Разобраться с Паханами. Убрать Волкова. Утихомирить Совет. И тогда я вернусь. Мы вернёмся.

— А если они найдут тебя раньше?

— Не найдут. Я в глуши, даже я не знаю, где мы.

— А если ты заболешь? Если с ребёнком что-то случится?

— Буду звонить, — я сжала телефон. — Раз в неделю. Чаще, если смогу.

— Этого мало, — его голос сорвался. — Это невыносимо мало.

— Знаю, — я закрыла глаза. — Но сейчас это всё, что я могу.

— Я не спал всё это время, — вдруг сказал он. — Не ел. Сидел в твоей комнате, вдыхал твой запах и думал, что сойду с ума. Я не мог дышать без тебя, Милена. Мы не имеем права быть порознь. Это неправильно.

— Знаю, но сейчас так надо. Я не хочу обрекать ребёнка на смерть.

Он молчал долго.

— Ты права. Там ты в большей безопасности. Береги себя, — его голос стал твёрже. — Ради ребёнка. Ради меня. Ради всего, что у нас будет.

— Обещаю, — я вытерла слёзы. — А ты обещаешь мне, что не будешь делать глупостей. Не полезешь один против всех. Подожди и мы снова будем вместе.

— Жду, — сказал он. — Слышишь? Я буду ждать столько, сколько нужно. Я всё сделаю, чтобы здесь было безопасно.

— Я позвоню через несколько дней.

— Не забывай.

— Никогда, — я посмотрела на мать, которая молча плакала рядом. — Мне пора.

— Я люблю тебя, orsetto,— сказал он. — И нашего ребёнка. Люблю вас обоих.

— А я люблю тебя, — ответила я. — До связи, Алессандро.

— До связи, *vita mia*. (жизнь моя)

Я нажала на красную кнопку. Телефон выпал из рук. Я закрыла лицо ладонями и разрыдалась. Всё, что держало меня все эти дни — сила, решимость, надежда — рухнуло в один миг, потому что я услышала его голос.

— Ты правильно сделала, — мать обняла меня. — Он поймёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.